

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

2015 № 3

**КАЗАКИ И КРЕСТЬЯНЕ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

**ДЕТИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ,
ПОДРОСТКИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ**

**«МОРДОВСКАЯ ИСТОРИЯ»
ПРОФЕССОРА
В. А. ЮРЧЕНКОВА**

Оренбургские казаки. Конец XIX в.

*На первой и четвертой сторонах обложки —
Мордовский государственный
природный заповедник им. П. Г. Смидовича.*

*Выходит при поддержке
Регионального отделения
Общероссийской
общественно-государственной
организации «Российское
военно-историческое общество»
в Республике Мордовия*

*Журнал включен в базу
НЭБ «LIBRARY.RU
и проект РИНЦ
(сублицензионный договор
№ 156-03/2013 от 27 марта 2013 г.)*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-54370
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
29 мая 2013 г.*

Научно-публицистический журнал
Института российской истории
Российской академии наук
и Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
«Центр и периферия»
№ 3, 2015

Р е д к о л л е г и я:

главный редактор —

В. А. Юрчёнков, доктор исторических наук, профессор
заместитель главного редактора —

Г. А. Куршева, доктор исторических наук, профессор
ответственный секретарь —

Т. И. Кильдюшкина, кандидат исторических наук

Е. Н. Бикейкин, кандидат философских наук, доцент (Саранск)

В. С. Григорьев, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)

Т. М. Гусева, доктор исторических наук (Саранск)

И. Л. Жеребцов, доктор исторических наук (Сыктывкар)

А. Е. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Ижевск)

И. В. Зубов, кандидат философских наук, доцент (Саранск)

А. Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Йошкар-Ола)

П. С. Кабытов, доктор исторических наук, профессор (Самара)

А. Н. Келина, кандидат филологических наук, доцент (Саранск)

И. Г. Кильдюшкина, кандидат исторических наук, доцент (Саранск)

В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза)

А. А. Кузнецов, доктор исторических наук, доцент (Нижний Новгород)

В. А. Ломшин, кандидат исторических наук, доцент (Саранск)

Л. И. Никонова, доктор исторических наук, профессор (Саранск)

А. Н. Сахаров, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Москва)

А. С. Сенявский, доктор исторических наук, профессор (Москва)

И. Р. Тагиров, доктор исторических наук, профессор,
академик АН РТ (Казань)

А. В. Чернов, кандидат филологических наук, доцент (Саранск)

И. А. Чуканов, доктор исторических наук, профессор (Ульяновск)

Н. Г. Юрчёнкова, доктор философских наук, профессор (Саранск)

Издатель: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.

Адрес редакции: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Подписано в печать 10.09.2015 г.

Тираж 300 экз. Заказ №

Журнал отпечатан с готового оригинал-макета
в ГУП РМ «Республиканская типография
„Красный Октябрь“». 430030 Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Титова, 2а

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Центр и периферия», допускается только
по согласованию с редакцией

НАШЕ ПРОШЛОЕ

В. А. Юрчёнков

Мордовское казачество накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны

4

О. А. Сухова

Восстание общин: внутренний фронт Гражданской войны в средневожской деревне

12

П. П. Щербинин

Дети Русско-японской, подростки Первой мировой...

18

АРХИВ

Л. В. Сульдина

Из истории рода Кикиных

25

Ю. В. Гусаров

Фотография из тайника в семейном альбоме: о родственных связях этнографа Н. В. Никольского

34

В. В. Кустов

Лирический герой К. Смородина как отражение духовных исканий автора (на примере анализа «Посланий к Анне»)

40

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Е. Н. Бикейкин, Т. Ю. Задкова
«Что война?.. Купцы проторговались, а с нас шкуру дерут...»

Восприятие войны и образ врага в воспоминаниях участников Первой мировой войны — уроженцев мордовского края

43

П. С. Учватов

«Вредители» и «враги народа» СНК Мордовской АССР в период репрессий 1937 — 1938 гг.

54

М. А. Бибин

Национал-сепаратизм на мордовской земле

62

РЕКОНСТРУКЦИЯ

В. А. Григорькин
Два фестиваля

72

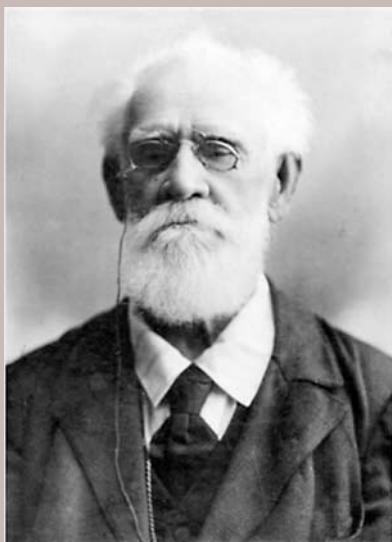
СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Г. А. Куршева, И. Н. Минеева
Художественная культура
в Мордовии в 1990 — 2000 гг.

80

А. Е. Мирошкина
Дорогие мои редакторы
Школа жизни

90

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

В. Г. Краснов
Земский врач
Александр Петрович Воскресенский

98

И. В. Клюева
М. М. Бахтин между столицей и провинцией:
встречи в Малеевке (1963 — 1966)

102

И. К. Корякова
Вспоминая учителя
Николай Васильевич Сивачёв

108

POST SCRIPTUM

Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин
Памяти патриарха

113

В. А. Ломшин
Новый взгляд на устоявшиеся стереотипы

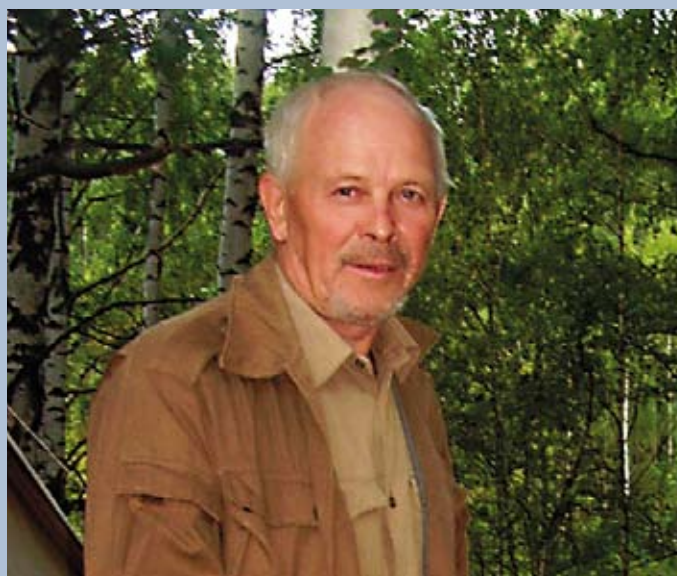
119

Ю. Н. Смирнов
«Мордовская история»
профессора В. А. Юрчёнкова: local history
как область историописания

121

Сведения об авторах, ключевые слова
и аннотации к статьям

77

Валерий Анатольевич Юрчёнков,
доктор исторических наук, профессор
(г. Саранск)

МОРДОВСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

В современной публицистике, а порой и в научной литературе, казачество часто представлено как некое социальное и этнокультурное явление, основными параметрами которого являются «русскость» и «православность». Истоки подобных оценок лежат, по всей видимости, в работах отдельных авторов начала XX в. Стоит привести достаточно типичное высказывание, принадлежащее атаману Всевеликого Войска Донского в 1918 г., генерал-майору П. Н. Краснову: «Казачи сильно отличались от солдат. Длинные, в скобку стриженные волосы, красивыми кудрями выбивавшиеся из-под фуражек, придавали им свободный, не солдатский вид. Много было бородатых с широкими волнистыми бородами. Казачи были шире в плечах, могучее, развязнее, нежели солдаты, не так тянулись перед офицерами. Лица не были тупые, смотрели весело и прощительно»¹.

Между тем на протяжении своей истории казачество вбирало в себя иноязычные и иноконфессиональные элементы, органично осваивая черты

Оренбургские казаки с верблюдами

быта и культуры тюркских и финно-угорских народов. Наиболее показательным в этом плане являлось Оренбургское казачье войско, национальный состав которого в 1891 г. был следующим: русских — 287 324 чел. (87,0 %), татар — 21 581 (6,0), нагайбаков — 8 709 (3,0), мордвы — 5 450 (2,0), башкир — 3 955 (1,0), калмыков — 2 144 (0,5), поляков — 80, чувашей — 68 чел.² В 1-м Оренбургском военном отделе

ле татар насчитывалось 17 332 чел., во 2-м Верхнеуральском военном отделе — 4 234, в 3-м Троицком военном отделе — 3 чел. В войске 8 % казаков исповедовали ислам³. К 1903 г. число оренбургских казаков-мусульман достигло 39 055 чел. и составило 8,8 % от списочного состава. Для сравнения в Терском казачьем войске казаков-мусульман было около 50 %, Сибирском — 35, Семиреченском — 10, Уральском — 8 %⁴.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15—31—12034.

Особый интерес в среде оренбургских казаков вызывают казаки-мордва (по национальности). В Российской империи Оренбуржье было фактически единственным местом компактного проживания мордовского казачества (в составе Оренбургского казачьего войска было 2 % мордвы⁵), что порождает интерес у исследователей. К сожалению, вышедшие работы малочисленны и носят преимущественно этнографический характер⁶. Между тем анализ положения мордовского казачества накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны был бы интересен с точки зрения реакции на социальные катаклизмы не только казаков, но и малых народов империи. Причем одно накладывалось на другое, переплеталось, порождая своеобразный фон революционных событий в российской глубинке.

Появление мордовских казачьих станиц на Южном Урале связано с участием уроженцев мордовского края в российском фронтире еще в XVII в. Так, в переписи яицких казаков 1723 — 1724 гг. комиссией полковника И. И. Захарова в числе казаков шестой сотни записан рядовой «Микифор Минеев сын Разин, у него сын Алексей двенадцати лет. А по скаске ево, от роду ему, Никифору,

шестьдесят пять лет; дед и отец ево и он родиню Саранского уезду дворцового села Ромодановского казаки; пришел он, Никифор, ис того села на Яик во сто восемьдесят шестом году⁷, и служит в казаках с того году»⁸.

Следующий этап формирования мордовских поселений связан с переселением в регион участников движения под руководством Е. И. Пугачёва. Один из фактов насильственного переселения мордвы-эрзи в казачьи станицы зафиксировал писатель В. Г. Короленко в очерках «У казаков», написанных в 1900 г. во время его поездки по Уралу. В станице Бородинской ему удалось побеседовать со столетней старушкой, рассказавшей, что среди переселенных «разные народы были. Раз вот эрзалов пригнал... И баяли не по нашему, по эрзяльски»⁹. В окрестностях с. Кулевчи была обнаружена землянка, которую местные казаки считали тайным убежищем кого-то из участников пугачевского восстания, «скрывавшегося в этих глухих лесных краях после подавления бунта»¹⁰.

Оренбургские казаки

Казаки станицы Кардаиловской

<http://sheva.name/2010/06/24/kazaki-stancy-kardailovskoj/>

Особую роль сыграло решение атамана Оренбургского казачьего войска 1852 г. о переводе мордвы с. Павловка в район Троицкой крепости: «...Всем жителям села с получением сего незамедлительно переселиться в район Троицкой крепости на реку Караталы-Аят (Черноталки) и, приняв казачество, нести исправную службу по охране восточных рубежей Империи...»¹¹. В результате к началу

XX в. на берегах реки Караталы-Аят (Черноталки) в районе Николаевской станицы в с. Кулевчи (пос. Кулевчинский) сложился район компактного проживания мордовского казачества. Вокруг располагались русские казачьи станицы: Александровская, Маслоковецкая, Владимирская, Константиновская, Городищенская и Катенинская.

Система управления мордовского казачества строилась на поселковом уровне и состояла из поселкового атамана и поселкового сбора, функции которых в целом совпадали с

<http://kraeved.opck.org/fotoalbum/orenburjje/>

<http://www.scarb.ru/photoalbum/orenburgskie-kazaki/>

Казачи 2-го Оренбургского казачьего полка. Начало XX в.

функциями аналогичных органов станичного уровня.

Поселковый атаман избирался поселковым сбором на три года и утверждался в должности атаманом отдела. В поселке он являлся представителем местной правительственной власти, отвечал за соблюдение порядка и общественные дела. По общественным делам атаман созывал и распускал поселковый сбор и охранял в нем порядок. В его функции входило:

- определение повестки дня поселкового сбора;
- приведение в исполнение приговоров поселкового сбора;
- наблюдение за деятельностью лиц поселкового общественного управления — кандидата (заместителя) атамана, писаря, казначея, доверенных и приказных;
- доставка необходимых сведений станичному правлению;
- наблюдение за состоянием дорог, исправным несением казаками повинностей и сохранением общественного имущества поселка.

Провинившихся лиц поселковый атаман мог подвергнуть денежному взысканию на сумму не более одного рубля или аресту (общественным работам) на срок, не превышавший двух дней. Стоит отметить наличие весьма критических оценок казаками

деятельности поселковых атаманов. Так, летом 1905 г. этнограф Д. Зеленин в с. Благословенном записал суждения казаков о том, что «на первых порах своей службы атаман еще и ведет себя как следует, соображаясь во всем с мнением представителей, но потом, особенно под конец трехлетия, поступает во всем по-своему и больше всего пьянствует. Обвиняют атаманов (можно думать, что не без оснований) и в утайке общественных денег»¹².

Поселковый сбор составляли атаман поселка и выборные казаки-домохозяева. В поселках, насчитывавших не более 30 казачьих дворов, в сборе могли принимать участие все

казаки-домохозяева, имевшие право быть избранными. В поселках от 30 до 300 дворов в сборах участвовали 30 выборных, в поселках свыше 300 дворов — по одному выборному от каждых 10 дворов, таким же было представительство от лиц неказачьего сословия, однако их представители могли принимать участие в решении только тех дел, которые касались неказачьего населения. В тех поселках, где число домохозяев из лиц невойскового сословия превышало число казаков-домохозяев, представительство было равным, чтобы неказачи не имели преимущества на полковых сборах.

Права участвовать в выборах и быть избранными были лишены лица, не достигшие 25 лет, состоявшие под следствием или судом, отданные по решению суда под надзор общества, судимые за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и не оправданные, а также подвергшиеся более строгому наказанию (тюремному заключению и т. п.) и не имевшие права участвовать в сборах. Поселковые сборы обычно проходили по воскресным или праздничным дням, в крайнем случае по предписанию начальства или в связи с неотложными делами могли созываться и в другие дни. Поселковый сбор обсуждал все

Поселок оренбургских казаков Фортштадт. Конец XIX в.

<http://berdskasloboda.ru/zastrojka-berdiskogo-poselka/>

общественные дела поселка, причем по тем делам, которые были связаны с интересами всего станичного общества, поселковым сборам было предоставлено право лишь предварительного рассмотрения этих дел, окончательное решение принималось на станичном сборе. Станичный сбор рассматривал решения поселковых сборов по следующим вопросам:

- предоставление льгот от службы казакам, находившимся на действительной службе, и освобождение казаков от учебных сборов;
- меры, необходимые для исправного выхода казаков на службу;
- удаление из поселкового общества вредных и порочных лиц обоего пола и временное (до трех лет) лишение домохозяев права участвовать в сборах;
- отчуждение недвижимых и неподверженных скорой порче движимых имуществ в особо указанных случаях;
- назначение опекунов и попечителей и предварительная проверка их действий;
- увольнение из общества его членов и прием новых членов;
- ходатайства о семейных разделах.

Состоявшимся поселковый сбор признавался при наличии 2/3 всех выборных, а в поселках со сбором из всех домохозяев — не менее половины.

Накануне 1917 г. в среде мордовского казачества шли ускоренные процессы социальной дифференциации. Жители с. Кулевчи, по свидетельству его уроженца — писателя А. И. Завалишина, в начале XX в. были «людьми бедными»: «все хозяйство заключалось в одной лошади, корове да нескольких овцах»¹³. По этнографическим данным, в среднем хозяйстве имелось по три-четыре пары рабочих волов, для «служивого» казака строевой конь с седлом, несколько рабочих лошадей,

<http://inov.prf/a-vidy-vooruzheniya>

Казак

три-четыре коровы, десятка полтора-два овец, свиней, уйма птицы: уток, гусей, кур¹⁴. Выделилась и зажиточная прослойка — торговцы и скотопромышленники. Братья Маркины, например, поставляли скот на рынки Санкт-Петербурга и царскому двору. Достатком выделялись семьи Велиных и Нагаевых, а также Осин Ерзяйкин (Эрзяйкин) и Матрена Бычкова. В их руках были сосредоточены четыре ветряные и четыре водяные мельницы, две маслобойки, три просорушки, сыроваренный завод и ряд магазинов. Торговые связи поддерживались с Троицком, Орском, Верхне-Уральском, Варной, где ежегодно два-три раза проходили ярмарки¹⁵.

Приведенные данные в какой-то мере соотносимы с материалами профессора М. Д. Машина, который описал картину расслоения оренбургского казачества накануне 1917 г.: 33,4 % хозяйств было малосеющими, 43,8 — среднесеющими и 22,8 % —

многосеющими; или, используя иные критерии, 48 % были безлошадными и малолошадными, 25 — имели среднюю обеспеченность лошадьми и 22 % были многолошадными. Общий вывод исследователя сводится к утверждению, что среди казаков бедняцких хозяйств было 48 %, середняцких — 25, богатых — 22 %¹⁶.

На социальное расслоение казачества существенное влияние оказывали затраты на полное снаряжение казака на военную службу. До 1865 г. они составляли 71 руб. 9 коп., до 1875 г. — 109 руб. 55 коп., а в 1900 г. — уже 204 руб. 2 коп. Меньше чем за полвека они выросли примерно в 2,9 раза. Основными статьями расхода (64 % с лишним от общей суммы) являлись (по мере убывания): покупка лошади, седла и мундира. Только за период 1875 — 1900 гг. стоимость строевой казачьей лошади в Оренбургском казачьем войске возросла с 30 — 40 до 70 —

130 руб. По тем временам это была довольно крупная сумма. Причем казаки приобретали 77 % лошадей (данные за 1901 г.). В два-три раза и более выросла стоимость и других предметов казачьего снаряжения¹⁷. При этом стоит учитывать и мнение Ф. М. Старикова, что «степень зажиточности зависит главным образом от степени трудолюбия взрослых членов казачьих семей, частью же от климатических и почвенных условий»¹⁸.

Социальное расслоение мордовского казачества усилилось в связи с событиями начала XX в. Казак из Кулевчей А. И. Инчин свидетельствовал: «Вообще говоря, темно и мрачно жили кулевчинцы. Русско-японская война, потом империалистическая бойня совсем разорили станицу. Много осталось калек и сирот... Нищета, голод и болезни стали спутниками подавляющего большинства жителей, немногим удалось сохранить хозяйство и сладко пить-есть. Деревенская беднота все больше попадала в кабалу к местным богачам. Кулаки „помогали“ бедным на выгодных для себя условиях...»¹⁹. Анализируя ситуацию в среде оренбургского казачества, академик И. И. Минц связал увеличение процента безлошадных и беспосевных казаков с Первой мировой войной²⁰. Однако в реальности оскудение казачества наблюдалось и ранее. В Кулевчах это имело место уже в ходе мобилизаций на Русско-японскую войну. Каждый казак, призванный в армию, был обязан явиться на своем коне. Безлошадные прибегали к помощи общества, к займам и попадали в кабалу к кулакам. Так, за счет общины был экипирован в 1903 г. будущий полный георгиевский кавалер П. М. Велин²¹.

Основным занятием мордовского казачества выступало земледелие. Земли находились в общинном владении, часть поселкового юрта выделялась для общественных надобностей (участки для сдачи в аренду,

Знак Оренбургского казачьего войска

выгон и т. д.), а остальная земля распределялась на равноценные участки — паи. Деление на паи осуществлял поселковый сбор, а затем они раздавались по жребию. Величина земельного надела, который получал каждый казак по достижении 17 лет, составляла по закону от 9 сентября 1867 г. 30 десятин удобной земли. Надел должен был включать не менее 6 десятин лугов, с заменой, в случае недостатка луговой земли, 1 десятины лугов на 2 десятины пахотной земли. В реальности в Ку-

левчах земельный надел составлял 12 десятин, причем женщинам надел не выделялся²².

К началу XX в. годовой валовой доход с десятины земли составлял 15 руб. Реальный доход был намного меньше. В Кулевчах он в 1900 — 1910 гг. составлял 8 руб. 52 коп. с 1 десятины²³. Доход едва позволял сводить концы с концами, в случае неурожая казачье хозяйство скудело. Поэтому из-за земли бывали стычки, доходившие до кровопролития. А. И. Инчин свидетельствовал: «В погоне за лучшим наделом земли четверо братьев Кудряковых — Алексей, Василий, Тарас и Александр — зверски избили двух братьев Пятиных: Михаила и Иосифа. Избили прямо на пашне возле озера Кабал-Кула, где стояла заимка Кудряковых. Иосиф от побоев умер, оставив семерых детей-сирот. Михаил тоже вскоре зачах»²⁴.

Для мордовского казачьего общества начала XX в. была характерна этноконфессиональная толерантность. В. Г. Короленко, спрашивавший во время своей поездки в 1900 г. в оренбургские степи об отношении к казакам-татарам, услышал ответы: «Такие же казаки, как и мы. Веру свою держат крепко, а в случае военного действия, хоть тут сам султан приходи, все на конь сядут, все в бой пойдут»; «Товарищи нам на-

Оренбургские казаки

стоящие. Вместе кровь проливали...»; «И то сказать... Веру ихнюю мы никогда не тревожили, права у них исстари казачьи... Те же, одним словом, казаки... За ту же землю стоят...»²⁵. В Кулевчах совместно с мордвой проживали калмыки, взаимоотношения с которыми были добрососедскими. По свидетельству А. И. Инчина, «с мордвой калмыки жили дружно. Вместе отражали недругов, когда те нападали на Кулевчи, помогали друг другу»²⁶. Мордовские казаки даже выбирали себе дважды атаманом калмыка Кубьюна, который был полным георгиевским кавалером²⁷.

Отношение русских казаков к мордве также отличалось терпимостью²⁸. На бытовом уровне это выливалось в браки, создание смешанных русско-мордовских семей. А. И. Инчин свидетельствовал: «Кулевчинцы роднились с коренными казаками, особенно жителями ближних станиц: Владимирской, Александровской и Катенинской. Казаки брали в жены мордвок — красивых, статных и работающих. Мордовские парни женились на казачках или шли в казачьи станицы в зятя-примаки»²⁹. Так, мордовский род Велиных породнился с русским Шацких, род Суркиных с Завалишиными. Мордва стала носить фамилии Шумских, Залепяцких и др.³⁰

Мордовское казачество было православным по вероисповеданию. В докладе начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П. О. Щербова-Нефедовича о поездке в 1902 г. в Оренбургское казачье войско отмечалось: «Православное население отличается своей набожностью; в каждой избе, даже и у бедного хозяина, имеются несколько образов, а у зажиточных казаков образами увешана иногда целая стена в чистой комнате...»³¹.

Этнографы зафиксировали в с. Кулевчи традицию: «Если мордовка хочет принести клятву, она про-

А. И. Завалишин

износит одно только слово: „Христос!“, что соответствует русскому: „Вот те крест святой!“. Такая клятва считается „железной“, нерушимой. И давшему ее можно верить»³². В то же время следует указать на проникновение в среду мордовских казаков атеистических настроений. Так, тринадцатилетнего казачка из мордвы, будущего писателя А. И. Завалишина посадили в карцер за то, что «нарушил благочиние во время молебна»³³. Позднее его брат Ф. И. Завалишин написал одно из первых антиклерикальных произведений на мордовском языке — «Мезень колга атясь корхтась коммунистть мархта»³⁴.

Исследователи отмечают, что в повседневной жизни казаков были сильны языческие элементы — суеверия, представления о домовых и нечистой силе, использование магии и колдовства, иногда эти элементы сочетались с христианскими обрядами — в частности, известны случаи преднамеренного заказа панихиды по живому человеку, очевидно, с целью добиться его смерти³⁵. Отличительной чертой мордовского казачества являлось сохранение не просто элементов, а пережитков языческой веры. Морд-

ва-казаки поклонялись богине-хранительнице лесов — Виряве, богине вод — Ведяве³⁶.

Этнографы говорят об особом отношении к домовому: «С домовым также старались жить в ладу, задабривали его. Во вновь выстроенный дом из старого в день новоселья перевозили домового в старом лапте, приговаривая какие-то слова: „Храни, мол, дедушка, и хозяина с женой, и скотину с землей, детей, внуков и правнуков — от огня и воды, от глада, мора и дурного глаза“. Если домовый был чем-либо обижен, он сразу же давал знать о своем недовольствии: либо по ночам выл в печной трубе, либо донимал хозяйскую лошадь: заплетал ей гриву и хвост в косички, щекотал ее, отчего лошадь наутро оказывалась вся в мыле, словно после длительной скачки...»³⁷.

Среди мордовского казачества была распространена вера в ведунов, которые, по представлениям мордвы, «имели обыкновение закусывать душами новорожденных младенцев, влетая огненной кометой в дом через трубу. При этом внутренности избы освещались ярко-красным огнем, особенно светлым возле люльки новорожденного»³⁸.

Жили казаки почти исключительно в деревянных домах, на постройку которых шли в основном сосновые бревна. А. И. Инчин свидетельствовал, что мордовские казаки «дома срубили и поставили добротные, чаще — пятистенные, под тесовыми крышами, с резными наличниками, стены обмазали с обеих сторон глиной и побелили»³⁹. Обычно в домах было две комнаты: кухня (изба) и чистая комната (горница), разделенные холодными сенями. Перед сенями на дворе было небольшое крытое крыльцо, к которому привешивался умывальник. С крыльца дверь вела в сени, а оттуда в комнаты слева и справа или прямо — в чулан. В углу кухни стояла глинобитная печь, которую белили еженедельно. Горница

была местом отдыха и приема гостей, стены ее обклеивались обоями с картинами, изображавшими военных деятелей, почти во всех казачьих домах имелся портрет императора. Пол горницы в казачьих домах, как правило, красили в желтый цвет, потолок — в синий. Двор казака был разделен на две части — переднюю и заднюю. В переднем дворе находились погреб, один-два амбара и сарай. Между амбарами и сараем был сделан навес, под которым хранились дрова или кизяки. На заднем дворе располагались хлева, скотная изба и иногда баня.

Особо стоит сказать об отдельных особенностях психологического склада мордовского казачества, наиболее ярко отраженных в фольклоре. Известный мордовский фольклорист К. Т. Самородов утверждал, что фольклор Кулевчей «отражает своеобразии казачьего уклада жизни... мордвы, которая породнилась с местным казачеством»⁴⁰. Специалисты считают, что в песнях присутствует синтез восприятия будней казака, находившегося на государственной службе и с честью выполнившего свой долг перед родиной⁴¹. Примером может служить песня «За Кубанью, за рекой»⁴²:

*За Кубанью, за рекой,
Там казак гулял:
Не один казак гулял, —
Все с товарищами.
Со любезной со своей,
Шашкой острою.*

*Из острия шашенки
Огонечек вскрывал,
Ковыль-травоньку рвал,
В огонечек он клал,
Прираскладывал,
Свои раны казак
Перевязывал.*

*«Уж вы раны мои,
Растяжелые мои,
Растяжелые мои,
Раны к сердцу подошли...»
Перед смертью казак
Стал коню наказывать:*

*Казачья шашка
и уральская казачья нагайка*

*«Уж ты, конь ли, мой конь,
Разворонный добрый конь,
Побежи-ка, ты конь,
Вдоль дорожки столбовой —
К отцу-матери родной!..».*

*Как встречала коня
Молодая его жена,
А спрашивала коня
Родная маменька:
«Уж ты, конь ли, мой конь,
Где ж хозяин твой?».*

*«А хозяин-то мой
За Кубанью, за рекой.
За Кубанью, за рекой,
Он женился на другой:
Свинцовая пуля женила,
А шашка свашкою была!..»*

Честь и достоинство, с которыми принимается участь казака и переносятся испытания, выпавшие на долю героя песни, являются примером для выстраивания собственного поведения. Не случайно генерал-майор Генерального штаба А. Ф. Редигер отмечал в начале XX в.: «По настоящее время казачьим войскам присущ воинский дух, поддерживаемый преданиями старины...»⁴³.

Подводя итоги, стоит отметить, что мордовское казачество накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны жило во многом традиционным укладом. Однако казачество существовало в условиях кризиса, наиболее ярким проявлением которого стало его расслоение. Кризис был связан не только с общероссийскими тенденциями, но имел и специфические черты. Среди них, пожалуй, главной было противоречие между ростом требований армейского руководства к снаряжению казаков и ухудшением социально-экономического положения казачества вследствие голода, недородов, сокращения земельных наделов и близких к тотальным мобилизаций в годы Русско-японской и Первой мировой войн.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ **Краснов П. Н.** От двуглавого орла к красному знамени. Екатеринбург, 1994. Т. 1. С. 100.
- ² См.: **Стариков Ф. М.** Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 155.
- ³ См.: Мы — оренбуржцы : историко-этногр. очерки. Оренбург, 2007. С. 210. Подробнее см.: **Кортунов А. И.** Мусульмане в Оренбургском казачьем войске // В центре Евразии. Стерлитамак, 2003. Вып. 2. С. 99 — 115.
- ⁴ См.: Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб., 1903. С. 20.
- ⁵ См.: **Семёнов В. Г.** Некоторые сведения к истории оренбургской мордвы // Оренбургская мордва: этническая история и духовная культура. Оренбург, 1997. С. 39.
- ⁶ См.: **Инчин А. И.** Круты берега Черноталки. Саранск, 1990; **Сусоева Ю. Е.** На территории Уральского казачества // Оренбургская мордва: этническая история и духовная культура. С. 57 — 58.
- ⁷ То есть в 7186 г. по летоисчислению от «сотворения мира», что в переводе на современное летоисчисление означает 1677/78 год.
- ⁸ Цит. по: **Овчинников Р. В.** Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 58.
- ⁹ **Короленко В. Г.** У казаков // Короленко В. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 6. С. 210 — 211.
- ¹⁰ Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Л-414. Л. 116 (далее — НА НИИГН).
- ¹¹ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 6.
- ¹² **Зеленин Д.** У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1906. Вып. LXVII. С. 7.
- ¹³ См.: **Прокофьева А. Г.** Биографические и творческие связи А. И. Завалишина с Оренбургским краем // Оренбургская мордва: этническая история и духовная культура. С. 97.
- ¹⁴ См.: **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 34.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: **Машин М. Д.** Оренбургское и Уральское казачество в Гражданской войне. Саратов, 1984. С. 12 — 17.
- ¹⁷ См.: **Ганин А. В.** Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891 — 1917 гг.). М., 2008. С. 65.
- ¹⁸ **Стариков Ф. М.** Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 122.
- ¹⁹ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 43.
- ²⁰ См.: **Минц И. И.** История Великого Октября. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1979. С. 469 — 470.
- ²¹ См.: **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 37.
- ²² Там же. С. 29.
- ²³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 53. Д. 807. Л. 2 об.
- ²⁴ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 30.
- ²⁵ **Короленко В. Г.** Указ. соч. С. 225.
- ²⁶ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 15.
- ²⁷ Там же. С. 35.
- ²⁸ См.: **Кортунов А. И.** Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII — XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. С. 17.
- ²⁹ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 30.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 44.
- ³² НА НИИГН. Л-414. Л. 124.
- ³³ **Прокофьева А. Г.** Указ. соч. С. 97.
- ³⁴ См.: **Завалишин Ф. И.** Мезень колга атысь корхтась коммунистть мархта. М., 1922. С. 1 — 13.
- ³⁵ См.: **Ганин А. В.** Указ. соч. С. 62.
- ³⁶ НА НИИГН. Л-414. Л. 122.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 123.
- ³⁹ **Инчин А. И.** Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁰ НА НИИГН. Л-414. Л. 1.
- ⁴¹ См.: **Зубов И. В.** Мордва-казаки. Фольклор Южного Урала // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 98.
- ⁴² НА НИИГН. Л-414. Л. 70 — 71.
- ⁴³ **Редигер А. Ф.** Комплектование и устройство вооруженной силы. 3-е изд. СПб., 1900. С. 16.

Ольга Александровна Сухова,
доктор исторических наук, профессор
(г. Пенза)

ВОССТАНИЕ ОБЩИН: внутренний фронт Гражданской войны в средневожской деревне*

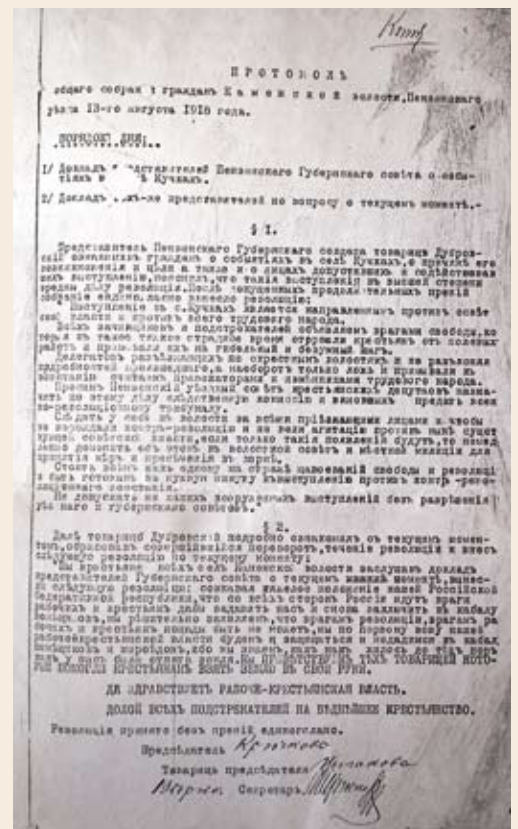
Хронологические рамки «черного передела» как первого этапа «общинной революции», как стихийной реализации социального идеала довольно четко фиксируются периодом лета 1917 г. — весны 1918 г. Как следует из доклада члена Коллегии Саратовского губземотдела Мясковского, распределение земли в губернии в 1918 г. в общеуездном и даже в районном масштабе не проводилось, чаще всего земля «внутри волостей» распределялась «самим населением»¹. Архивные материалы позволяют констатировать, что присутствие государства в деревенской повседневности было ограниченным вплоть до лета 1918 г., и о том, что уровень локализации социальных связей достиг крайней точки развития, и на этом уровне крестьянин объективно нуждался в деятельности органов местного управления лишь постольку, поскольку это обуславливалось прецедентами земельных споров и конфликтов. До создания комбедов деревня, по существу, не платила и налогов, а функционирование волостных и сельских Советов осуществлялось за счет контрибуций и штра-

фов, взимаемых с местного населения². Пока изъятие денежных средств из деревни проходило в частном порядке, рефлексия крестьянского сознания не рассматривала налоговый гнет государства как стимул к массовому ненормативному поведению³.

Однако начиная с 11 июня 1918 г., т. е. со времени появления декрета ВЦИКа «Об организации деревенской бедноты и снабжения ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», ситуация в корне изменилась. Легко прогнозируемым результатом смены приоритетов государственной политики стали меры внеэкономического принуждения широких слоев хозяйственно активного крестьянства к сдаче хлеба, что незамедлительно вызвало ответную реакцию общинного организма. Так, в первой половине июля 1918 г. вспыхнули крестьянские волнения, вызванные насаждением комбедов во многих селах Крюковской, Карсаевской, Мачинской и Чернышевской волостей Чембарского уезда Пензенской губернии. Вспыш-

кой крестьянского насилия обернулись действия вновь созданного комбеда и продотряда в с. Кучки Пензенского уезда той же губернии. В ходе восстания (5 — 12 августа 1918 г.) были убиты 7 рабочих из 4-го Петроградского продотряда и 4 комбедовца⁴.

Протокол собрания граждан Каменской волости. Тема — события в Кучках

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15—31—12034.

Поэтому уже летом 1918 г. социальная динамика приобрела ярко выраженный антиправительственный характер. По данным Ю. П. Сулова, в Саратовской губернии в этот период крестьянскими выступлениями было охвачено более 50 волостей в Саратовском, Вольском, Хвалынском, Камышинском и других уездах⁵. При анализе мотивации коллективного поведения крестьянства в рассматриваемый период важно отметить роль государства как агрессора в процессе разрушения традиционной жизни крестьянской общины, что признается многими современными исследователями и служит дополнительным аргументом в пользу утверждения о провоцировании насилия со стороны крестьянства как ответной реакции на характер и направленность государственного воздействия на общину⁶. Масштабы принудительного изъятия хлебных излишков, «рабочего» (городского) похода в деревню впечатляют. Так, по данным Т. В. Осиповой, только в Пензенской губернии к концу лета 1918 г. работало 8 петроградских продотрядов, 5 владимирских и 2 московских. В Симбирской губернии — сводный петроградский отряд (2 тыс. человек), московский, владимирский, новоладожский, костромской, северо-двинский и др., всего 4 945 человек⁷.

Крайне враждебно «уставшим» от войны крестьянством летом 1918 г. были встречены и первые мобилизационные кампании, что вылилось в волну насилия, захлестнувшую регион. В Саратовской губернии в июне 1918 г. сопротивление крестьянства мобилизации было отмечено в с. Балыклей и Пролейка, на станциях Александровская и Пичужинская Царицынского уезда и в с. Кривушино Балашовского уезда. Массовое восстание крестьян, вызванное недовольством хлебной монополией, принудительными реквизициями и мобилизацией в Красную армию, охватило в губернии в конце июня —

Крестьяне с. Ушинка. 1921 — 1922 гг.

августе 20 волостей Вольского уезда, 5 — Хвалынского, 3 — Сердобского, 12 — Саратовского уезда. В Симбирской губернии волнения населения на почве мобилизационных мероприятий охватили в июле многие селения Карсунского уезда. Крестьяне Сызранского уезда той же губернии в начале августа направили в уездный центр делегацию с сообщением об отказе крестьянства от службы в армии по причине их беспартийности и т. д.⁸ Рост числа дезертиров приобретал все более заметную динамику: в феврале 1919 г. число дезертиров, задержанных в губерниях Поволжья, не превышало 2 180 человек, декабрь дает цифру в 33 546 человек, а в общей сложности за год — 204 220 человек⁹.

На этом этапе «общинной революции» (1918 — 1922 гг.) массовая социальная динамика изменила направленность. Поволжская деревня «обороняла» главное стратегическое завоевание — «право быть хозяином на своей земле — от посягательств на него государства»¹⁰. Исключительность ситуации очевидна, что закономерно станет стимулом для актуа-

лизации практики самосудов и уже не уголовного, а гражданского характера. В этих обстоятельствах восстановление нарушенных прав достигалось любой ценой, а наказание «враждебной силы» было обязательным и устрашающим. Напомним, что с позиций традиционного сознания преступное по закону деяние, совершенное по приказу всего общества, было «не только не преступно и не греховно, но вполне правомерно»¹¹. При этом трудно согласиться с мнением ряда исследователей, рассматривающих самосуд в большей степени как средство агрессии, а не обороны крестьянского «мира», производного от примитивизма народного правосознания¹². Своей питательной средой разгул «локализма» имел масштабнейший опыт участия в боевых действиях на фронтах Первой мировой, а также широкое распространение и доступность оружия в крестьянской среде.

Анализ материалов дознания по делу о контрреволюционном восстании в с. Большая Ижмора, Малая Ижмора, Ушинка, Ольшанка и Ключи Керенского уезда Пензенской

губернии в феврале 1920 г., представленных несколькими томами архивных документов, позволяет воспроизвести непосредственную канву исторических событий и выявить последовательность осуществления поведенческого алгоритма.

Утром 22 февраля красноармейцы «...верхами стали объезжать село и выгонять подводы к контрольному пункту» на смотр для исполнения трудовой повинности: подвоз дров к железнодорожным пунктам. Наряд на возку дров был назначен на последний день Масленицы (здесь и далее в цитатах из архивных дел сохранена пунктуация оригинала): «22 февраля был день масляной недели и по обычаю большинство крестьян проводит его в пьянстве и в катаниях на лошадях». В ночь на 23 февраля у некоторых катавшихся крестьян красноармейцы отобрали лошадей и загнали их во двор райпродкома, а крестьян, оказавших сопротивление, арестовали. Это и спровоцировало массовую агрессию. Численное превосходство было на стороне восставших: двум десяткам красноармейцев противостояла толпа от 500 человек в первый день и до 5 000 — во второй.

Специфическая форма «мирского» сопротивления в с. Большая Ижмора и Малая Ижмора явно тяготела к самосуду: «Крестьяне стали собираться на сход по звону набата»; «на сходе решено оказать сопротивление»; «участие в разгроме райпродкома принимали все, как женщины, так и дети». По решению же схода появились новые организационные формы «Объединенный Союз Трудовой Партии», со всех жителей были «отобраны» «подписки, что они как все станут на защиту себя от карательных отрядов и коммунистов»¹³. Результатом восстания стали убийство уполномоченного губисполкома Шуваева, командира отряда красноармейцев Туманова, еще двух представителей советской власти и трех красноар-

мейцев, а также разгром здания райпродкома и хищение денег. В то же время в с. Ушинка был разоружен отряд из 16 красноармейцев, освобождены арестованные дезертиры, разгромлен военный комиссариат, с особой жестокостью убиты представители власти.

Сравнительная характеристика данного проявления массовой социальной агрессии и аналогичных форм, зафиксированных в более ранние периоды времени, показывает, что «общинный архетип» демонстрирует высокую степень устойчивости определенных поведенческих реакций как ответов мирского организма на внешнюю по отношению к общине агрессию. Выработанная длительной эпохой функционирования культуры пропитания или потребления «умственная привычка» к коллективным формам мышления и поведения задавала направление ходу и результатам крестьянской рефлексии: угроза, определяемая как коллективная опасность, опасность для общины в целом, имела своим проявлением, как правило, насилие, ответную агрессию, носившую, разумеется, массовый характер и находившую выражение в форме самосуда (априори подразумевавшего насилие над личностью)¹⁴.

В этом отношении глумление над трупами жертв крестьянского мятежа не отличалось разительно от случаев расправы с конокрадами, ворами и поджигателями, являвшейся в традиционном обществе скорее нормой, чем аномалией деревенской повседневности. Ритуализация убийства и присутствие элементов обрядовой практики тяготели к архаичным формам возмездия, противоборства с враждебными силами. Кроме того, апелляция к традиционным представлениям позволяла снять часть ответственности за содеянное¹⁵.

В 1918 — 1921 гг., в процессе реализации столь масштабного военно-коммунистического эксперимента, при рассогласовании представлений

деревни и города о реалиях и перспективах социального развития, появилось сразу несколько факторов, создававших смертельную угрозу витальности общинного бытия, граничивших с ощущением близости физиологической смерти. Поэтому многочисленные факты открытого проявления социального недовольства, по масштабам выходявшие за рамки не только уезда, но и губернии, выступления, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч участников, можно и нужно объяснять посредством категории массовой социальной агрессии, проявлявшейся либо в погромных действиях, либо в форме самосуда, либо в попытках перехода социальной психики в подобное состояние и поглощавшей по определению такие понятия, как «крестьянское восстание», «волнение», «выступление». На наш взгляд, подобная социально-психологическая интерпретация крестьянского движения отчасти позволяет снять одно из противоречий терминологического порядка, характеризующееся отсутствием четко выраженных критериев при дефиниции форм крестьянской активности¹⁶.

Показательна в этом отношении и трактовка причин крестьянского недовольства, присутствующая в материалах дознания, с одной стороны, зафиксировавшая существенные характеристики выступления, а с другой — отражающая опосредованную официальной идеологией рефлексии крестьянского сознания. Так, председатель волостного Совета Большеижморской волости П. К. Молчанов свидетельствовал: «Выкриков против Советской власти не было, как то долой, возвращайте из фронта наших сыновей, но все были недовольны ввиду неудовлетворения их одеждой и кормом для лошадей, причем большинство крестьян действительно корму не было, причем [меня] удивило то, что среди нападающих на нас крестьян большинство было бедноты,

а кулачья совсем не было видно»¹⁷. В другом случае главной причиной назывался тот факт, что «в высшей степени культурно неразвитые темные крестьянские массы» подбивали против власти вообще и против РКП(б), в частности, члены социалистических партий, «разъезжая по темным провинциям», кроме того, абсолютное большинство восставших «было неизменно пьяно»¹⁸.

Обыденное восприятие восстания представлено в материалах частной переписки. Так, в первую декаду марта 1920 г. Пензенское военное цензурное отделение зафиксировало оценочные суждения современников, находившихся по обе стороны баррикад: «...Миша поехал на усмирение в Керенский уезд 23 февраля в 9 часов вечера и неизвестно когда придет... у нас ничего не слышно, что там творится и ни у кого не узнаешь»; «Недавно было восстание в Керенском уезде. Села три кажется работали, кое-кого убили»; «В Керенский уезд послали отряд для усмирения, а он перешел на сторону крестьян, второй отряд посланный на подкрепление расколотили, третий тоже, теперь послали четвертый отряд латышей. Наверное, восстание подавят, так как из Москвы получено распоряжение подавить восстание, не перед чем не останавливаясь. В

Тамбовской, Саратовской и Самарской тоже по слухам восстание»; «...у нас было восстание три села восстали, но села очень большие тысячи по две домов в каждом. Они там убили трех комиссаров и несколько членов райпродкома, но все это было подавлено войсками, приехавшими из Пензы. Я тоже ездил но мне не пришлось быть по дороге я заболел и был отправлен в Пензу»; «На месте восстания были ужасные зверства. Например, комиссару Шуваеву мужики отрезали сначала нос, уши, а после голову. Арестованы были все буржуи. Теперь все тихо и спокойно мужиков успокоили плетками»; «У нас мужики взбунтовались всех комиссаров и одну женщину убили под видом комиссара. Ей вырезали живот и издевались над ней и еще убили Шуваева. Ему вырезали уши, нос, руки по локтям, а еще убили Туманова ему раскололи голову»; «У нас здесь произошел бунт в деревне под названием Ижмырь убили двух комиссаров Шуваева и Туманова за то, что они приехали на масленицу выгонять мужиков возить дрова...»¹⁹.

На последнем этапе войны крестьян с государством (1921 — 1922 гг.) отдельные очаги открытых форм сопротивления слились в мощный поток массового повстанчества²⁰ (в интерпретации советских чинов-

ников — «бандитизма»), когда «очаговая» конфронтация спонтанно переросла в процесс тотальной дезинтеграции социально-политического взаимодействия. Однако определить в данных условиях степень влияния действий повстанческих отрядов на характер и направленность крестьянского протеста, равно как и участие (а точнее сказать причастность) населения поволжской деревни в операциях повстанцев, весьма проблематично.

Интересные рассуждения на этот счет можно встретить в докладе военного комиссара одного из полков 26-й дивизии войск ВНУС от 19 февраля 1921 г. Приведем ряд выдержек из упомянутого документа: «Бандитизм есть последствия шестилетней непрерывной войны...»; «...в местностях, занятых антоновцами, местные крестьяне переходят на его сторону и принимают активное участие в терроризме»; «...крестьяне находятся в своих хижинах, сочувствуя антоновцам, сидят спокойно у себя на печках до тех пор пока не пришла банда, а как только появилась банда смельчаков из соседних деревень в 30 — 40 всадников, тут же через 5 — 6 часов образовывается внушительная банда в 100 — 200 человек; их налеты и грабежи среди мирного населения бывают в большинстве случаев удачными; их зверские грабежи терроризируют в населенных пунктах одних и захватывают других. Быстро появляются и также быстро исчезают, благодаря того, что они у себя дома превращаются из вооруженных в мирных обывателей — работников: Вот в чем заключается сила банд»²¹.

Во многих селах Чембарского уезда Пензенской губернии и Балашовского уезда Саратовской губернии по мере приближения отрядов Антонова в сентябре 1920 г. активность сельских и волостных исполкомов и самого крестьянства в деле выполнения разверстки резко сокращалась,

Жертвы кулацкого мятежа в с. Большая Ижмора: 1 — Тюрин; 2 — заведующий отделом внутренних дел Керенского уисполкома Шуваев; 3 — заведующий Керенским уездным отделом народного образования Антон Федорович Туманов; 4 — Зотов. 1920 г.

вплоть до ее открытого саботажа. Это, впрочем, не мешало крестьянам выражать недовольство, вплоть до враждебности, по отношению к повстанцам из-за реквизиций лошадей, продовольствия и теплой одежды²².

Другим источником рекрутирования повстанцев выступало дезертирство — феномен, результатом появления которого стало превращение значительной прослойки сельского населения активного возраста в полумаргиналов-полууголовников. Отрыв от привычной хозяйственной деятельности и от семьи, неопределенность социального статуса, неясность перспектив дальнейшей социализации, неустроенность в бытовом отношении — все это уродовало крестьянскую психику, порождало монстров, которых преследовало государство и отторгала деревенская среда. Так, в Нижне-Ломовском уезде Пензенской губернии убийство одного из лидеров повстанческого движения вызвало настоящее паломничество местных крестьян в уездный центр с целью лично убедиться в его смерти, «после чего крестьяне отслужили молебен по случаю его убийства»²³. Обращение к документам, фиксировавшим результаты облав и отношение к борьбе с дезертирством местных властей и населения, рисует картину тотальной дезинтеграции крестьянского социокультурного пространства, нарушения привычного течения повседневной жизни, что многократно усиливало социальное напряжение и становилось дополнительным фактором роста масштабов и интенсивности сопротивления.

И все же по значению вспышки агрессии общинного сознания меркнут перед проявлениями всеохватных форм обыденного сопротивления. Именно это в конечном счете предопределило исход крестьянской войны с государством. Была введена продрозверстка, и крестьяне саботировали сбор сведений об урожайности полей, произвольно занижали данные о раз-

мерах посевных площадей и результатах пробных обмолотов. Увеличился объем натуральных повинностей (особенно тяжелым крестьянам представлялось выполнение гужевой повинности, что почти неизбежно было сопряжено с потерей тяглового животного: либо непосредственно в ходе военных действий, либо по причине недостатка корма), и крестьяне изобретали новые способы уклонения, дабы уменьшить нагрузку на хозяйство. При этом арсенал репрессивных мер не смягчал напряжения обыденного сопротивления: недовольство фиксировалось «повсеместно, хотя и в скрытой форме»²⁴.

Приведем ряд выдержек из доклада управления уездного исполкома Бузулукского уезда Самарской губернии, характеризующих обстоятельства проявления и сущность форм обыденного сопротивления: «Авторитеты Исполкомов и Советов на местах совершенно подорваны»; «Производится облава на базарах и в селах и все подводы угоняются на фронт и держатся там по месяцу и более»; «Масса возвращающихся лошадей с фронта от истощения по дороге падают...»; «Производится купля и продажа детей для замены отправляющихся на фронт. Масса случаев отправления на фронт в подводы беременных женщин и малолетних детишек. На почве отказа ехать в подводы зафиксирован случай побоев беременной женщины»²⁵.

Как одну из форм обыденного сопротивления можно охарактеризовать принятие всевозможных постановлений крестьянских собраний по поводу политической и экономической ситуации на местах, т. е. так называемое приговорное движение, развернувшееся уже в новых условиях. Так, в постановлении четырех обществ с. Утевки Бузулукского уезда Самарской губернии от 15 сентября 1919 г. (присутствовало около 1 000 человек) говорилось: «1) Заслушали заявления со стороны граждан о том, чтобы

„каждый гражданин на собрании говорил свободно и если кто ошибется на словах, то того и аресту не привлекать, а производить только поправку речи“. Постановили: „арестов не производить“... 2) о доставке на сыпные пункты излишков хлеба по 9 пудов с каждой посевной десятины. Заслушали: телеграмму губпродкомиссара Мяскова от 7 сентября 1919 г. о доставке хлеба излишка для голодающего центра и речь товарища Зайцева то же по поводу хлеба и не дав докончить по поводу этого речь Зайцеву, собрание постановило: в виду того, что урожай у нас в текущем 1919 году ниже среднего и к нам ежедневно приезжают просят хлеба и скот и даже брали уже хлеб и скот, поэтому дать хлеба благодаря неимения излишка для голодающего центра не в силах...»²⁶.

Из показаний же уполномоченных губпродкома А. А. Зайцева и А. Ф. Рубинчека следовало, что огромная толпа утевских крестьян собралась на митинг и когда узнала о ссыпке хлеба, «...со стороны толпы... посыпалась площадная брань, которые кричали: „Убить их надо они хлеба захотели“ и бросилась на нас но нам удалось уйти из рассвирепевшей толпы целыми...»; когда открылась работа собрания, то «...по прочтении телеграммы Ленина секретарем Тралкиным толпа закричала что мы хлеба не дадим»²⁷.

Обыденный характер сопротивления указывает на привычность, нормативность в восприятии крестьянского сознания подобной поведенческой практики, существовавшей априори и принимавшей значительные масштабы лишь в случаях чрезмерного превышения appetitов государства или земельной аристократии. При «обычных» обстоятельствах особой нужды в переходе к открытым формам протеста не существовало, что объясняет проявление стойкого индифферентизма в крестьянской среде по отношению к призывам к

восстанию, шедшим со стороны и не совпадавшим с вектором развития массовых настроений. Так, в августе 1919 г. пензенские крестьяне отказались поддержать восстание донского корпуса Ф. К. Миронова, проходившее под лозунгом: «Долой самодержавие комиссаров, бюрократизм коммунистов, погубивших революцию, зову всех любящих правду и подлинную свободу»²⁸.

И все же определяющим фактором социальной динамики в период 1920 — 1922 гг. стало крайнее обострение продовольственной ситуации, вызванное неблагоприятными погодными условиями 1919 г. и, особенно, 1920 — 1921 гг. и многократно усиленное политикой государства по «выгребке» хлеба и другой продукции у крестьян. В совокупности указанные факторы предопределили появление соответствующих характеристик социального поведения крестьянского населения. В обзорах деятельности местных партийных организаций за тот период появилось даже определенное клише, собирательный образ эпохи: «в уездах развит бандитизм» и «время сплошного голода с массовыми явлениями трупоедства»²⁹.

Только к концу 1922 г. по мере изживания последствий голодовки и перехода к нэпу ситуация начала постепенно меняться. Исчезли основания-стимулы для «ненормативного» массового поведения, стали «прошлым делом» дезертирство, бандитизм, восстания и стихийные миграции населения, вызванные «голодной паникой» и т. д. Возвращение же государства к объективированным принципам «моральной экономики», т. е. фактическое и формализованное признание права общины на гарантированное невмешательство города во внутреннюю жизнь этого социального организма, ограничение «присутствия» государства в деревне почти исключительно сферой налогообложения означало безусловную победу «общинной революции». Тра-

диционно-патриархальная когнитивная карта российской деревни была восстановлена практически без изменений, и советской власти пришлось с этим считаться, выстраивая собственную идеологическую практику с

учетом «нового» направления социокультурной трансформации. Результатом подобного симбиоза в дальнейшем стала архаизация не только народной субкультуры, но и культуры политического управления.

В статье использованы фотографии из фондов Пензенского государственного краеведческого музея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1098. Л. 11 — 13 об.
- ² См.: **Осипова Т. В.** Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 242.
- ³ Надо признать, что первые городские реквизиционные набеги деревни отражала достаточно успешно и без применения открытого насилия — простой практикой решения сельского схода. См.: **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1922 гг. М., 2001. С. 210.
- ⁴ См.: **Сумерин П.** Комбеды в Пензенской губернии. Пенза, 1960. С. 21, 23.
- ⁵ См.: **Суслов Ю. П.** Крестьянство и власть. Осуществление аграрной политики в Среднем Поволжье (1917 — 1920 гг.) // Вопросы крестьяноведения. Саратов, 1996. Вып. II. С. 15.
- ⁶ См.: **Осипова Т. В.** Указ. соч. С. 174.
- ⁷ Там же. С. 174 — 175.
- ⁸ См.: Приложение 2. Хроника крестьянского движения в Поволжье в 1918 — 1922 гг. // **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 364 — 368.
- ⁹ См.: Приложение 3. Таблица 3 // **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 480.
- ¹⁰ **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 78.
- ¹¹ **Шатковская Т. В.** Самосуд как проявление российского правового менталитета [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 36. URL: <http://elibrary.ru/download/64831063.pdf> (дата обращения — 17.01.2015).
- ¹² См.: **Вронский О. Г.** Государственная власть в России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 — 1917). М., 2000. С. 354.
- ¹³ Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 43, 43а, 43б (далее — ГАПО).
- ¹⁴ Уместно напомнить, что в периоды «погромных вакханалий» (особенно в 1905 г.) случаи убийства помещиков или экономических служащих были крайне редкими.
- ¹⁵ Как отмечает О. М. Морозова, в ритуализации казней пленных красноармейцев в Олонецкой губернии присутствуют прямые аналогии с семантикой фольклорного эпоса «Калевалы» (см.: **Морозова О. М.** Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012. С. 498 — 499).
- ¹⁶ По мнению В. В. Кондрашина, несмотря на наличие ряда отличительных признаков, не всегда можно провести четкую грань между восстанием и волнением, волнением и выступлением, в ряде случаев эти понятия совпадают (см.: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 57).
- ¹⁷ ГАПО. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 43а. Л. 561 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 43б. Л. 1544.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 255. Л. 25 — 25 об.
- ²⁰ **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 113.
- ²¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 13. Д. 869. Л. 10 (далее — РГАСПИ).
- ²² См.: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 399 — 400.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 96. Л. 102.
- ²⁴ Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922 гг. : док. и материалы. М., 2002. С. 488.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 79.
- ²⁶ Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 78. Л. 7 — 7 об.
- ²⁷ Там же. Л. 2 — 2 об.
- ²⁸ Цит. по: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 383.
- ²⁹ См., в частности: Общая характеристика работы Самарской губернской организации РКП(б) за 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 349. Л. 3, 53.

Павел Петрович Щербинин,
доктор исторических наук, профессор
(г. Тамбов)

ДЕТИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ, ПОДРОСТКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ...*

Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны

Маленькая девочка играет на улице с куклой. 1917 г. (Реймс, Франция)

События революции 1917 г. и Гражданской войны достаточно полно и разносторонне изучены в отечественной и зарубежной историографии. Эти кризисные, критичные для развития страны, общества и обычного человека периоды вызывают повышенный интерес и внимание профессиональных историков, обще-

ственности и рядовых граждан. Однако одной из самых загадочных сторон данной научной темы являются сюжеты о причинах небывалой жестокости, бескомпромиссности и агрессии, которыми отличались авторы данной исторической драмы.

Как и когда могло сформироваться поколение, для которого закон и

порядок, милосердие и добродетель, порядочность и религиозность не являлись базовыми, а отношение к личности, гуманизму, ценности человеческой жизни были пустым звуком? Почему участники революции 1917 г. и Гражданской войны не задумывались и не сомневались, приводя в исполнение приговоры, расстреливая сотни заложников и пленных, добывая раненых и больных противников? Как могли раствориться в этом котле беспредела и жестокости традиционные ценности российского аграрного социума, этноконфессиональные традиции и основы семейных традиций и устоев? В чем причина небывалого роста анархических и радикальных настроений в аграрном социуме? Почему крестьянское сообщество, всегда отличавшееся консерватизмом и традициями общинного миропонимания, так легко «пало» перед заманчивыми обещаниями «городских» смутьянов и «вожачков» революции?

Ответы на эти и другие вопросы, которые возникают при размышлениях о поколении юных революционеров — героев 1917 г. и Гражданской

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15—31—12034.

войны — могут быть получены лишь при успешной реконструкции мотиваций и факторов, которые оказали решающее воздействие на их взросление, формирование жизненных ценностей и мировоззрения в период войн и социальных катаклизмов начала XX в. Отметим, что не всякому поколению выпадает жребий пережить две войны (Русско-японскую и Первую мировую), две революции (Первую русскую и 1917 г.), а затем быть активным участником братоубийственной Гражданской войны. События того времени были наполнены особой энергией разрушения, насилия и дезорганизации, значительно ускоряли взросление и психолого-ментальные особенности формирования характера и образа жизни молодого поколения.

Опыт почти непрерывных войн и революций начала XX в. тотально влиял на жизнь миллионов людей, обрекал их на поиск стратегий выживания, социокультурные деформации традиционных структур воспитания и образования, семейных и общественных отношений, формируя стереотипы мужественности и милитаризма, готовности к постоянным переменам и социальным катаклизмам.

Заявленная научная проблема позволяет выделить несколько исследовательских полей. Перечислим наиболее важные из них, позволяющие реконструировать особенности детства и юности молодых «участников революционной бури» и Гражданской войны.

Структурный кризис Российской империи и дети

Начало XX в. характеризовалось комплексом социальных, этноконфессиональных и общественно-политических противоречий, которые в свою очередь вызывали проблемы сословных, классовых, групповых и индивидуальных интересов различных слоев населения России. Одним из самых острых был демографический

В дневном очаге для детей воинов (Пг. : Фототипия и тип. А. Ф. Дресслера, [между 1914 и 1917]. Сер. Русское женское взаимо-благотворительное Общество в Петрограде; источник: Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. Э ОИр638/1197/2)

кризис, когда переизбыток населения, его стремительное омоложение, неконтролируемый рост рождаемости приводили к существенным деформациям половозрастных групп. Улицы городов и сел были полны детей и молодежи, а поколенческие индикаторы все более «сливались и плавились» в этом демографическом котле. По некоторым оценкам дети и подростки составляли треть населения страны начала XX в.

При анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с «демографическим» поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными поколенческими структурами. Сравнивая соотношение революций 1905 — 1907 гг. и 1917 — 1921 гг., где подростки времен первой из них, надев солдатские шинели, стали революционным контингентом социальных и этнических революций и ударной силой Гражданской войны 1917 — 1921 гг. можно оценить последствия таких перемен, в том числе уроки прикладной политики и классовой ненависти, когда ссылали, пороли и вешали их отцов¹. Не случайно активными участниками и жертвами переломного

периода были люди, родившиеся примерно в конце XIX — начале XX в.² Важно заметить, что это поколение переживало общественный перелом как переоценку собственных ценностей и ломку прежнего традиционного уклада жизни. Все, что было в прошлом важным и значимым, привычным и устойчивым, рушилось в необратимом вихре перемен, а «революционное цунами» ничего не оставляло на своем пути, разрушая до основания старый мир.

«Японская угроза» и революционное сознание детей и подростков

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. оказала глубокое воздействие на традиционный уклад жизни общества, повседневную жизнь населения деревни, настроения детей и их социальное поведение. Однако в отечественной и зарубежной историографии ее воздействие на взросление «поколения революции» недостаточно оценено, между тем эта война стала для многих детей «трамплином» к радикализации сознания и крушению верноподданнических настроений, ломке привычного сельского мира. Война

привела к дестабилизации отдельных сторон повседневной жизни населения России, усилила невротизацию детей и подростков, нарушила привычный уклад и традиции воспитания и образования.

Детские души впитывали не столько патриотическую риторику официальной пропаганды, сколько уныние и страх за судьбу родных и близких, осознание трагизма и пагубности войны для привычной повседневности и образа жизни. Женские стоны и плач, причитания матерей и жен солдат, призываемых на службу, — вот главный лейтмотив и психологическое отражение начавшейся войны. По сообщениям корреспондентов, «...как только объявлено было о призыве запасных, великий плач пошел по селам и деревням. Начались спешные сборы и прощания с родными и знакомыми. Много было пролито горьких слез и при домашнем прощании, но еще более их пролито при проводах на вокзале...»³. Современники отмечали, что повседневная жизнь аграрного социума в годы войны изменилась до неузнаваемости: «...страшную, непривычную картину представляла в это лето русская деревня. Не слышно было обычных песен, ни одного хоровода, точно веселье ушло вместе с теми, которые устремились

на поле брани... Но больше всего жалко баб. Что им Порт-Артур, Лаоян и прочие мудреные и чуждые слова? Они знают только, что вот придут и возьмут их Миколая или Петра, погонят за тысячи верст, и прочие ужасы, быть может, вечной разлуки, никак не справиться потом одной с ребятишками, со скотом, с этим родным полем...»⁴.

Нарушался ритм работы образовательных учреждений, сокращался учебный год. Так, занятия в учебных заведениях в 1904 г. начались только в конце октября, поскольку уход кормильцев заставил учащихся активно включиться в полевые работы, искать дополнительные заработки для осиротевших семей⁵. Современники отмечали, что дети сильно переживали из-за отступлений и постоянных неудач, — все мучило, волновало, печалило, раздражало. Среди детей росли чувства горечи и унижения, которые потрясали их нервную систему⁶. Даже уличные игры сосредоточивались прежде всего на «войне»: мальчишки разбивались на группы и с криками «Ура!» и «Банзай!» выступали друг против друга.

Агрессивная пропагандистская риторика сформировала у части детей ожесточение и ненависть к японцам. Образ врага — «желтолицего вар-

Немецкие дети играют в солдат. 1914 г.
(источник: Friedrich E. Krieg dem Kriege.
Berlin, 1924)

вара» — вызывал озлобление и ожесточал детские сердца. Одна десятилетняя девочка, маленькая, беленькая с голубыми глазами, невинным выражением лица и нежным голосом писала в своей работе «Кем бы я хотела быть», что она хотела бы поступить няней в японскую семью и, когда матери не будет дома, убить этих детей⁷. Никогда прежде детское сознание не испытывало столь прочную жажду «крови и мщения» для врагов Отечества. Эти настроения позже легко ложились на идеологию важности и полезности борьбы с внутренними врагами и пособниками контрреволюции.

Японская война дала учащимся достаточно материала для «политических» рассуждений и увлечений. С театра войны, по мнению учителя А. Вельского, приходили письма, полные негодования и возмущения своим начальством и порядками⁸. Дети получали устойчивый навык неподчинения властям и антиправительственных настроений.

Ценную информацию об опыте войн и революций поколения начала

В бесплатной столовой (Пг. : Фототипия и тип. А. Ф. Дресслера, [между 1914 и 1917].
Сер. Русское женское взаимоблагодарительное Общество в Петрограде; источник:
Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. Э ОИр638/1197/1)

XX в. содержат фонды бывших партийных архивов в регионах России. Сохранились детские впечатления будущих революционеров. Например, в фонде Центра документации Новейшей истории Тамбовской области были обнаружены воспоминания о местном участнике революционного движения Г. Усиевиче, которые оставила его сестра. Она описывает, как ее четырнадцатилетний брат «на печке рассказывал ребятам, что слышно нового о войне. Он хорошо знал имена всех вождей и генералов, названия городов, места боев...» и далее замечает: «В нашем доме постоянно бывала молодежь, гимназисты старших классов, которые обсуждали прочитанное, старались разобраться в происходящих событиях. Молодежь искала виновников бессмысленной бойни, гибели людей»⁹. Данные источники позволяют успешно реконструировать развитие радикальных настроений молодежи в Российской империи рассматриваемого периода.

Затем прогремела Первая русская революция 1905 — 1907 гг. Красные флаги, пение, толпа, военный сигнал, вопли и стоны, ночные обыски, аресты и ссылки. Царапины от этих смутных детских впечатлений — пугливость, нелюбовь к толпе и нервозность. События Первой русской ре-

волюции усугубили потрясения детской души от военных неудач, способствовали деморализации детей, прививая им привычку к агрессивному поведению, проявлениям насилия и грубой силы. Жесткое подавление аграрных беспорядков, «столыпинские галстуки», перманентные террористические угрозы и тотальное насилие над личностью формировали у детей особый склад ума, душевного состояния и психического развития.

Дети на войне. Фронтной опыт поколения творцов революции 1917 г.

Детское восприятие военной поры сильно отличалось от впечатлений взрослого человека. Дети и, особенно, подростки не могли удержать в себе эмоции и всю энергию, восприятие действительности направляли на собственное участие в судьбе Родины¹⁰. Одной из характерных черт военного времени было бегство детей на фронт, т. е. детское добровольчество¹¹. Довольно большое число детей пыталось бежать в армию уже в 1904 г., чтобы принять непосредственное участие в боях на далеких полях Маньчжурии¹². Подобные дети-беглецы массово выражали патриотизм стихийным «уходом в армию» и в период Первой мировой войны 1914 —

1918 г., революции 1917 г. и Гражданской войны. Все бежавшие были, как правило, не старше 16 лет, чаще всего от 10 до 13¹³. Понятно, что реальная фронтовая жизнь была обогрета кровью, многочисленными жертвами, тяготами и лишениями. Подростки на войне рано взрослели, начинали курить, пьянствовать и ругаться. Война калечила их физически и морально.

Источники свидетельствуют о больших потерях среди юных воинов, многие из которых погибали, получали тяжелые ранения в первых же сражениях, возвращались домой инвалидами¹⁴. Юные воины успевали «вдохнуть» запах пороха и крови, прожить обстановку, где имеют цену только риск и подвиг, где каждый обладает полным правом над жизнью и смертью человека. Пережив опьянение этой вольницей боя, они уже не могли вернуться к скучной и пресной трудовой обыденщине, не могли соблюдать унылые правила поведения. Кроме того, в них происходила внутренняя переоценка всех прежних моральных представлений, которые формировались с раннего детства семьей и школой. Испытав упоение силой и победой в сражении, они приходили к пониманию преимущества пули и штыка над всякими «рассуждениями». Те из них, кто вернулся, стали жестокими, грубыми, вкусившими крови бойцами. Этот военный опыт очень «пригодился» им в годы революции и Гражданской войны.

Детская беспризорность начала XX в.

Необходимо учитывать, что беспризорные дети 20-х гг. XX столетия были представителями военного поколения, с молоком матери познавшего тяготы военной повседневности. По оценкам В. Ф. Залесского, беспризорными детьми являлись в собственном смысле сироты и дети, покинутые родителями. От беспризорности отличалась нравственная беспризорность, когда родители

Детский очаг в период Первой мировой войны (источник: личный архив автора)

допускали или даже принуждали детей заниматься нищенством, бродяжничеством и проституцией¹⁵. В России законодательства о беспризорных совсем не было, как не было возможности лишить родительской власти за неисполнение родительских обязанностей и не было законов о принудительном воспитании.

В больших городах среди вокзалов и базаров росли дети, неизвестно откуда взявшиеся и неизвестно кому принадлежавшие. Некоторые из них были привезены из деревень и брошены в городе на произвол судьбы, другие остались круглыми сиротами после смерти родителей, наконец, третьи, совсем ничего не знали о своем происхождении¹⁶.

Первая мировая война породила и такое явление, как беспризорность. К 1916 г. в России было более 2,5 млн беспризорных детей и подростков¹⁷. Многие тысячи детей становились нищими и уличными побирушками. Значительно выросли уличная малолетняя преступность, хулиганство и воровство. Дети привыкали к смене места жительства (их даже тянуло к путешествию), к нужде и к тому, чтобы в случае нужды продать сначала свою одежду, обувь, а потом, когда станет совсем голодно, взять чужое¹⁸.

Одним из самых тяжелых последствий войны было детское сиротство. Тотальный характер Первой мировой войны отражался в том числе в серьезном увеличении числа сирот. Дети лишались отцов, взятых в армию, и часто единственных кормильцев семьи. По сути, как указывали современники, сиротство таких детей начиналось уже с того момента, когда отец уходил на войну, так как общественная помощь, заменявшая заработок отца, не всегда была организована. Матери были вынуждены работать вне дома, искать заработков, и дети оставались без присмотра, становились беспризорными¹⁹.

Конечно, на увеличение числа беспризорных детей влияли и другие

<http://limirovaja.ru/blagotvoritelnost.html>

А. П. Шнейдер. Молитва беженцев-галичан (Пг. : Комитет Е. И. В. Великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, [между 1914 и 1917]; источник: Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. ЭОИр638к/1-13898, инв. 206727)

факторы. Первое место среди них занимало беженство. Много детей, бросив насиженные места, попадало в тыловые регионы России. Было немало случаев, когда в города из деревни попадали дети 13 — 15 лет,

так как после ухода на войну отца, им незачем было находиться в деревне, и они надеялись найти применение своему труду в городе.

Вполне очевидно, что проблема детской беспризорности была особенно острой в военные годы, однако власти не принимали адекватных мер по оказанию помощи брошенным детям, что способствовало росту безнадзорности, преступности и криминализации детей и люмпенизации поколения военной поры.

Дети-беженцы в период Первой мировой войны 1914 — 1918 гг.

Беженцы являлись одной из самых наиболее уязвимых категорий населения России военной поры, а дети-беженцы подверглись не только губительному влиянию военной повседневности, но и сполна испытали горести и тяготы, лишения и страдания Первой мировой войны.

Современники признавали, что самой хрупкой группой беженцев являлись дети, многие из которых потерялись в сутолоке беженского движения и еще больше осиротели. Тяжелые, часто губительные даже для взрослых условия жизни беженцев приводили к развитию детской заболеваемости и смертности. Ночевки в

Сбор в городе солдатам. Раздача подарков от города в армии (СПб. : Литография В. Д. Горюнова, [между 1914 и 1917]; источник: Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. ЭОИр638/1296/1)

http://www.nlr.ru/exib/war1/show_img.php?win=1&n=106

поле в холодные осенние ночи, непригодная для детского организма грубая пища, выдаваемая на питательных пунктах, изнурительная жизнь по несколько месяцев в повозке и, наконец, грязь как следствие кочевой жизни — все это приводило к эпидемиям и болезням среди детей. Росла детская смертность²⁰.

Отмечалась значительная деморализация детей-беженцев. Их жизнь была в корне нарушена, они, вырванные из привычной обстановки, скучивались в невозможных условиях, в наскоро организованных общежитиях — вместе дети и взрослые, мужчины и женщины. В результате дети были нервными, истеричными и склонными к всевозможным эксцессам.

Девиантное поведение детей и подростков периода войн и революций

Детская преступность, проституция, алкоголизм и наркомания отражали реалии эпохи начала XX в. Модернизация отношений в аграрном социуме, все более проявлявшийся конфликт «отцов и детей», традиции и обновления, крушение традиционной крестьянской морали расшатывали уклад патриархальной привычной повседневной жизни и закладывали основы нового быта и социального поведения. Учитывая слабое развитие правосознания и привычки к исполнению правовых норм, можно отметить рост нигилизма, противоречий в самореализации детей и подростков в предвоенные годы. Накопившаяся энергия находила проявление в озорных выходках, буйствах и бесчинстве, что получило, копируя иностранную практику, понятие «хулиганство». Причинами его являлись:

1) менявшиеся семейные условия, когда отцы уходили на фронт, утрачивались традиции семейного контроля и дисциплина, расцветали безнадзорность, беспризорность, детская проституция и преступность²¹;

*Помогите беженцам. Серпухов. 14 – 15 сентября 1915 г.
(М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1915; источник: Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. Э ОИр638к/1-1391, инв. 206729)*

2) дети и подростки активно участвовали в погромах и стихийных бунтарских выступлениях (аграрные волнения, бунты семинаристов, ученические забастовки, антинемецкий погром в Москве, майский погром 1915 г. в Баку и др.). Возможность громить и грабить, открытая продажа награбленного, полное смешение морально допустимого и недопустимого — все это надолго оставляло след в душах наиболее впечатлительной части участников беспорядков, т. е. детей и подростков;

3) хулиганские проявления среди детей были «заложены» традициями революционной вольницы 1905 — 1907 гг., когда толпе были дозволе-

ны убийства, насилия, оскорбления и надругательства над личностью и властью. В период погромов полиция нередко намеренно направляла хулиганов на совершение насильственных действий над евреями или революционерами, что вырабатывало у погромщиков и их социального окружения рефлексыв вседозволенности и насилия²².

Не случайно духовенство в своих отчетах констатировало, что к 1916 г. «...уход на войну людей зрелого возраста, домохозяев, фактически распорядителей и блюстителей, породил среди оставшейся молодежи ничем не сдерживаемое самовластие и своеволие, с оттенком бесшабашности и

Дети-беженцы в очереди за хлебом и сахаром у врачебно-питательного пункта, организованного отрядом РОКК, созданным на средства В. М. Пуришкевича. Бобрыйск. Сентябрь 1915 г. (источник: Отдел эстампов Российской национальной библиотеки)

озорства... Непочтительность к старшим, грубые шалости стали обычным явлением среди подростков. Борьба с этим злом крайне трудна и мало результативна»²³. Криминальные опыты и хулиганская психология калечили души и сердца детей, приводили к нравственному опустошению и создавали почву для развития преступности в послевоенные революционные годы.

Мировая война была важным звеном в цепи тех потрясений, которые детская психика претерпела в роковые для России годы. Вскоре бурные события двух революций 1917 г. заслонили собой войну. А затем и революция померкла и растворилась в крови, голоде и холоде Гражданской войны. Все эти феномены детского сознания слились воедино.

Конечно, воздействие революции на детское сознание еще не было та-

ким мощным и глубоким, как те переживания, которые претерпела детская психика за годы Гражданской войны. Наиболее сильные удары были впереди. Но со временем восприятия событий Гражданской войны и революции слились в одно целое, в котором «революция» стала рубежом между эпохой «белых булок», «сладкого кулича» и эпохой голода, холода, крови и смерти²⁴. Особенно страшный след остался в душах детей, на глазах которых погибали их родные или происходили кровавые сцены убийств, казней и насилия. Гражданская война и революция стали синонимами, которые вызвали в представлении большинства детей лишь цепь отрицательных ассоциаций.

Таким образом, очевидно, что детский опыт войны и революции играл важную роль в «театре» пост-

революционной России. Более активизировались процессы «взросления» сельской молодежи после февральско-октябрьских событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. В результате в России выросло особое поколение мужчин и женщин, сформировавшееся в специфических «военно-революционных условиях». Это поколение было во многом «милитаризованным»²⁵. Постоянная готовность к войне, усиленная бдительность, поиск врага — как реального, так и потенциального — стали неотъемлемыми характеристиками новых советских воспитательных практик. В известной степени война (Русско-японская, Первая мировая, Гражданская война, с внутренним врагом, а позже финская, Великая Отечественная) для этого поколения не прекращалась никогда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост.: Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 32 — 33.
- ² См.: Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети. С. 41 — 42.
- ³ Цит. по: Суриц М. Война и деревня. М., 1907. С. 8.
- ⁴ Вульфсон Э. Бабы думы // Ежегод. журн. воен. событий. 1904. № 1. С. 24.
- ⁵ См.: Рубинштейн М. М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 7.
- ⁶ См.: Золототарев С. А. Четыре смены молодежи (1905 — 1925). Из наблюдений педагога. Л., 1926. С. 66.
- ⁷ Цит. по: Учительница. Отражение войны в жизни школы // Русская школа. 1915. № 11. С. 43.
- ⁸ См.: Вельский А. Записки педагога. М., 1909. С. 111.
- ⁹ Центр документации Новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.
- ¹⁰ См.: Shcherbinin P. P., Khludentsova E. A. Child soldiers during the First World War, 1914 — 1918: The experience of European children as witnesses to the war // Children and War: Past and Present (30 September 2010 — 02 October 2010) / University of Salzburg together with the University of Wolverhampton. Salzburg, 2010. P. 56.
- ¹¹ См.: Щербинин П. П. Дети в годы Первой мировой войны — выживание в экстремальной ситуации: историко-психологические аспекты // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 12 — 13 декабря 2005 г.): в 2 ч. СПб., 2005. Ч. 2. С. 283 — 287.
- ¹² См.: Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестн. воспитания. 1915. № 4. С. 7.
- ¹³ См.: Тамбовский листок. 1915. 22 марта.
- ¹⁴ См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 34. С. 876.
- ¹⁵ См.: Залесский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 526.
- ¹⁶ См.: Гинзбург Е. Условия попечительской работы (III глава из отчета Особого суда для малолетних в Киеве за 1916 г.) // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 6 — 7. С. 500 — 552.
- ¹⁷ См.: Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004. С. 241.
- ¹⁸ См.: Левитина М. И. (Маро). Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 58.
- ¹⁹ См.: Афанасьев Г. Е. Введение к беседе на тему «Дети и война» // Дети и война: сб. ст. Киев, 1915. С. 1.
- ²⁰ См.: В. К. Заботы о детях беженцев на Юго-Западном фронте // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4. С. 276.
- ²¹ См.: Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 387.
- ²² См.: Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905 — 1914 гг. // Хулиганство и хулиганы: сб. М., 1929. С. 27.
- ²³ Цит. по: Земцов Б. Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999. С. 212.
- ²⁴ См.: Балашов Е. М. Школьная молодежь в эпоху революций и войн (1905 — начало 1920-х гг.) // Страницы российской истории: межвуз. сб. науч. тр. к 60-летию проф. Г. А. Тишкина / под ред. А. О. Боронова, Е. Р. Ольховского. М., 2001. С. 189.
- ²⁵ См.: Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 167.

Людмила Викторовна Сульдина,
кандидат исторических наук
(г. Саранск)

ИЗ ИСТОРИИ РОДА КИКИНЫХ

Герб дворян Кикиных.
Художник П. Ф. Космолинский

Старинный и богатый дворянский род Кикиных известен на протяжении почти пяти столетий, представители семейства являлись активными участниками важнейших событий прошлого. Кикины прекратили существование в прошлом веке, оставив заметный след в культурной, военной и политической истории России. Они были владельцами многих имений в разных губерниях, а в итоге осталась лишь усадьба в с. Трофимовщина Саранского уезда, которая в XX в. также была утрачена. Там и окончил свои дни последний носитель знатной фамилии Кикиных — Евгений Николаевич.

Кикины вели происхождение из Польши, откуда они выехали «в службу Московскую» к Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Выехавший предок Кикиных, Логин (Лонгин) Михайлович, был «паном радным» у короля Владислава Ягайло. У князя Дмитрия Ивановича

Логин Кикин стал «введенным боярином и градодержавцем», за ним были записаны города Торжок и Волочек. Его сын Тимофей был боярином у удельного князя Петра Дмитриевича, сына Донского. Так и пошел далее в роду — служить московским государям.

Иван, сын Тимофея, был кормленщиком и путником у князя Юрия Васильевича, а у Великого князя Ивана Васильевича держал жалование и кормление. Историки характеризуют Кикиных как «людей энергичных и способных, участвовавших во всех движениях тех времен». Видимо, эти их качества и способствовали тому, что Дмитрий и Иван Андреевичи Кикины были записаны в «тысяцкую книгу» лучших дворян и детей боярских (1550), когда «Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич изволил отобрать тысячу лучших слуг и поселить их около Москвы». Кикины были записаны по Вязме.

Позже Дмитрий Андреевич был послан в Чебоксары, Казань и Свияжск составлять писцовые книги (1566—68), умер бездетным. Брат его по указу Великого Государя Царя Ивана Васильевича из Вязмы был переведен на Рязань. С этого мо-

мента на несколько столетий судьба рода будет связана с Рязанской землей. Иван Андреевич служил в Рязани «по выбору» и был товарищем воеводы Ивана Васильевича Шереметева в Данкове. Один из его сыновей, Федор Иванович, при государе Иване Васильевиче служил послом в Крыму (1565), затем поставлен в Ельце станичным головой. Его брат, Семен Иванович, в той же должности служил в городе Новосельске. После него остался сын Иван, который был бездетным и убит в Смутное время, в Коломне¹.

У Федора Ивановича остались три сына — Иван Большой, Иван Маленький и Петр. Иван Большой Федорович был убит при осадном московском сидении при царе Василии Ивановиче Шуйском. Иван Федорович, младший Кикин, участвовал в обоих Московских осадных сиденьях.

Петр Федорович Кикин поехал на богомолье в Зарайск. По пути его взяли в плен и продали в рабство, где провел многие годы, был откуплен в Азове. Вскоре после возвращения он умер. У него остались двое сыновей — Иван да Василий.

Иван служил стряпчим и умер бездетным в походе под Смоленск при царе Алексее Михайловиче. Брат

его, Василий Петрович, по именному указу царя Алексея Михайловича был пожалован в стряпчие, а затем в стольники. В 1654 г. был послан в Малороссию для принятия городов Киевского полка «под Государеву руку», в 1656 г. снова послан к Богдану Хмельницкому, для переговоров; играл выдающуюся роль в дальнейших сношениях россиян с Малороссией. Его дети тоже служили на государственной службе. Двое из них Петр и Иван были стольниками, а третий Варфоломей — стряпчим. Наиболее известен четвертый сын, Александр Васильевич, — в 1693 г. бомбардир в потешном полку. Сопровождал Петра I как денщик в Азовском походе. В 1697 г. отправился вместе с Великим посольством в Голландию, где учился судостроению. Получив звание мачт-макера, работал на Воронежской верфи, затем на Олонеккой. В начале 1707 г. по указу Петра I вступил в управление Петербургским Адмиралтейством. В 1707 — 1715 гг. занимался вопросами кораблестроения, снаряжения флота и ревизиями верфей. В 1708 г. был направлен с дипломатическим поручением к гетману Мазепе в Батурин. В 1712 г. был произведен в адмиралтейств-советники. В 1715 г. за злоупотребления его отставили от управления Адмиралтейством и арестовали, затем отправили в Москву. Содействовал царевичу Алексею в бегстве за границу, за что был арестован в феврале 1718 г. и после пыток колесован.

После казни А. В. Кикина по приказу Петра I его старшие братья Петр и Иван попали в опалу. Но Ивана не казнили, а сослали без назначения на должность в отдаленную Астрахань.

Его правнук Варфоломей-Петр Андреевич Кикин (27.12.1775 — 18.05.1834), проявил себя в должности сенатора, был статс-секретарем. Участник Отечественной войны 1812 года, Георгиевский кавалер. Он был

Петр Андреевич Кикин

седьмым из дюжины детей отставного секунд-майора Андрея Ивановича Кикина и Марии Федоровны Ермоловой. Военная карьера П. А. Кикина началась в лейб-гвардии Измайловском полку с капральского паспорта, который привез друг его отца граф Иван Григорьевич Орлов. Затем Петр был принят в сержанты Семеновского полка. Окончив образование в Московском университет-

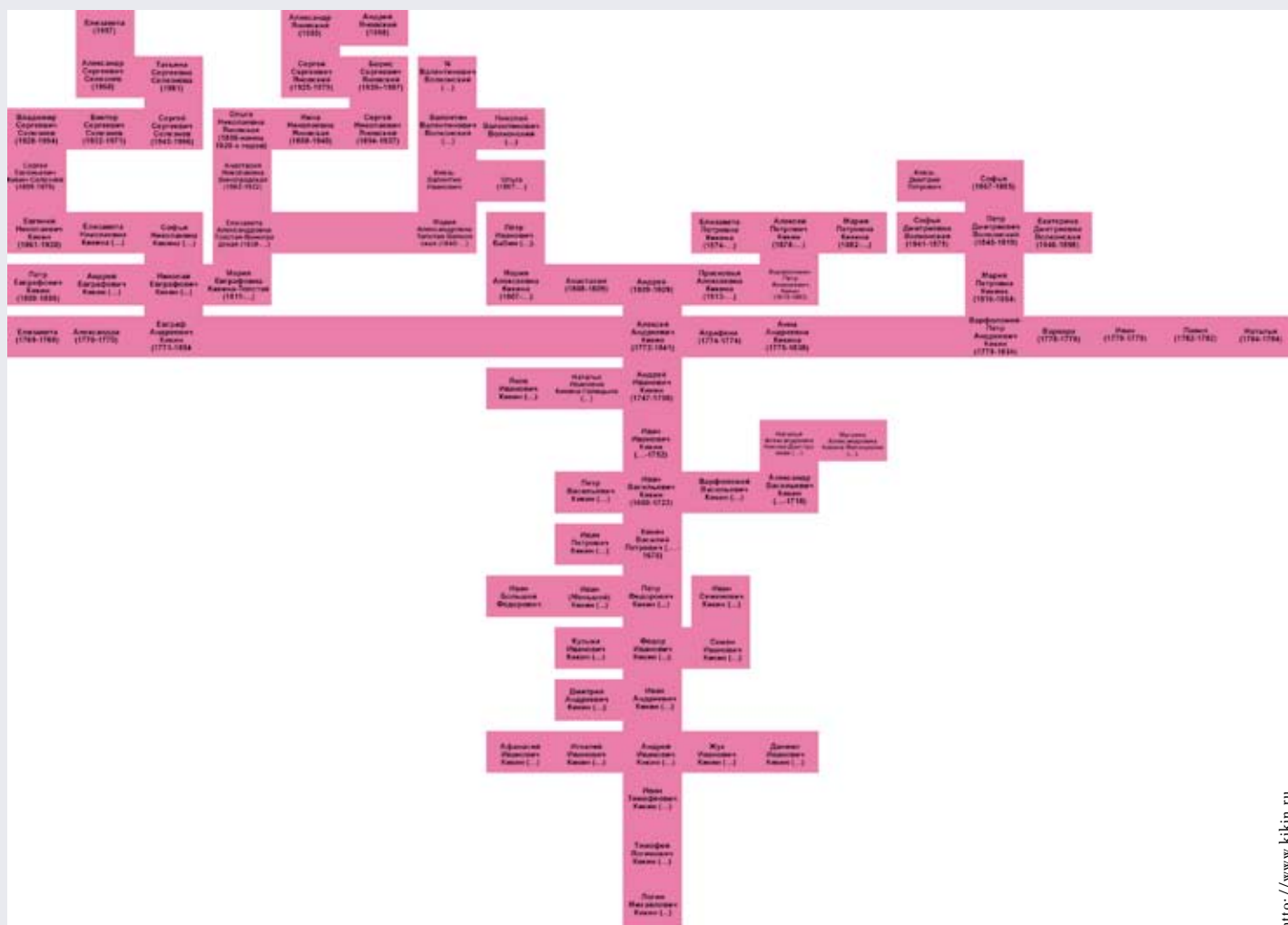
ском пансионе, с 1 января 1796 г. Кикин, произведенный в прапорщики, полностью отдался военной службе. В сентябре 1802 г. он был пожалован флигель-адъютантом и войну 1812 года встречал в полковничьих эполетах. В 1812 г. состоял дежурным генералом при М. И. Кутузове. В знаменитый день Бородинской битвы он получил ранение в глаз. После взятия Парижа, уже будучи командиром 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, генерал-майор П. А. Кикин уволен по болезни в отставку с мундиром. За отличия в Смоленском и Бородинском сражениях, за заслуги перед Отечеством награжден орденами Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й степени, Святого Георгия 4-й степени, прусским орденом Красного орла и двумя шпагами «За храбрость». В 1816 г. по личной просьбе государя, переданной через графа А. А. Аракчеева, отставной генерал стал статс-секретарем «у принятия прошений на Высочайшее Имя приносимых» и занимал эту должность до начала нового царствования².

*Палаты Кикина, построенные в 1711 г. в Санкт-Петербурге.
С панорамы Марселиуса 1725 г.*

<http://www.bvdn.ru/person/242.html>

<http://www.kikin.ru>

Родословное древо Кикиных

<http://www.kikin.ru>

Известен как общественный и литературный деятель. В 1810 — 1815 г. занимался в литературном кружке «Беседа любителей российской словесности». В 1821 г. выступил одним из инициаторов образования Общества поощрения художеств, был избран его казначеем. После отставки поселился в имении жены в д. Большая Алешня Ряжского уезда, где проживал до кончины. П. А. Кикин остался в истории России как инициатор сооружения храма Христа Спасителя в честь победы над наполеоновской Францией. Авторство этого замысла было широко обнародовано только в 1846 г. журналом М. П. Погодина «Москвитянин». «Каждый, кто страдал душою и с сокрушенным сердцем ожидал общего спасения от единого милосердия

Всевышнего... Чье сердце не преисполнено благодарности к Богу — единственному спасителю нашему? Кто не чувствует сердечной необходимости ознаменовать признательность свою к Милосердию Его, явно покровительствующему нам?.. Провидение Божие, помощью Веры и народного духа спасло нас. Ему благодарность, и памятник Ему же принадлежит...», — пишет дежурный генерал I армии П. А. Кикин государственному секретарю А. С. Шишкову³. Основание храма было заложено 10 октября 1839 г., через 5 лет после смерти инициатора строительства.

Еще одним интересным представителем рода Кикиных в XIX в. был крестник Марии Савишны Перекусихиной, любимой камер-юнгферы

Екатерины II, Петр Евграфович (1809 — 1885), отставной майор. На протяжении всей жизни он продемонстрировал ревностное отношение к службе. В 1823 г. поступил в Пажеский корпус пажем, в 1829 г. был пожалован в камер-пажи, в 1830 г. — в прапорщики с назначением в лейб-гвардии Семеновский полк. С 7 января 1831 г. участвовал в походе против польских мятежников, следуя из Санкт-Петербурга через Ригу, Вильно и Гродно, 14 марта прибыл в Царство Польское; 4 мая из-за болезни оставлен в Ломже, где поступил в сводный гвардии батальон при отряде генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена, с которым участвовал в отступлении русских войск от Ломзы к Вильне, где 7 мая был в сражении с неприятелем на Панар-

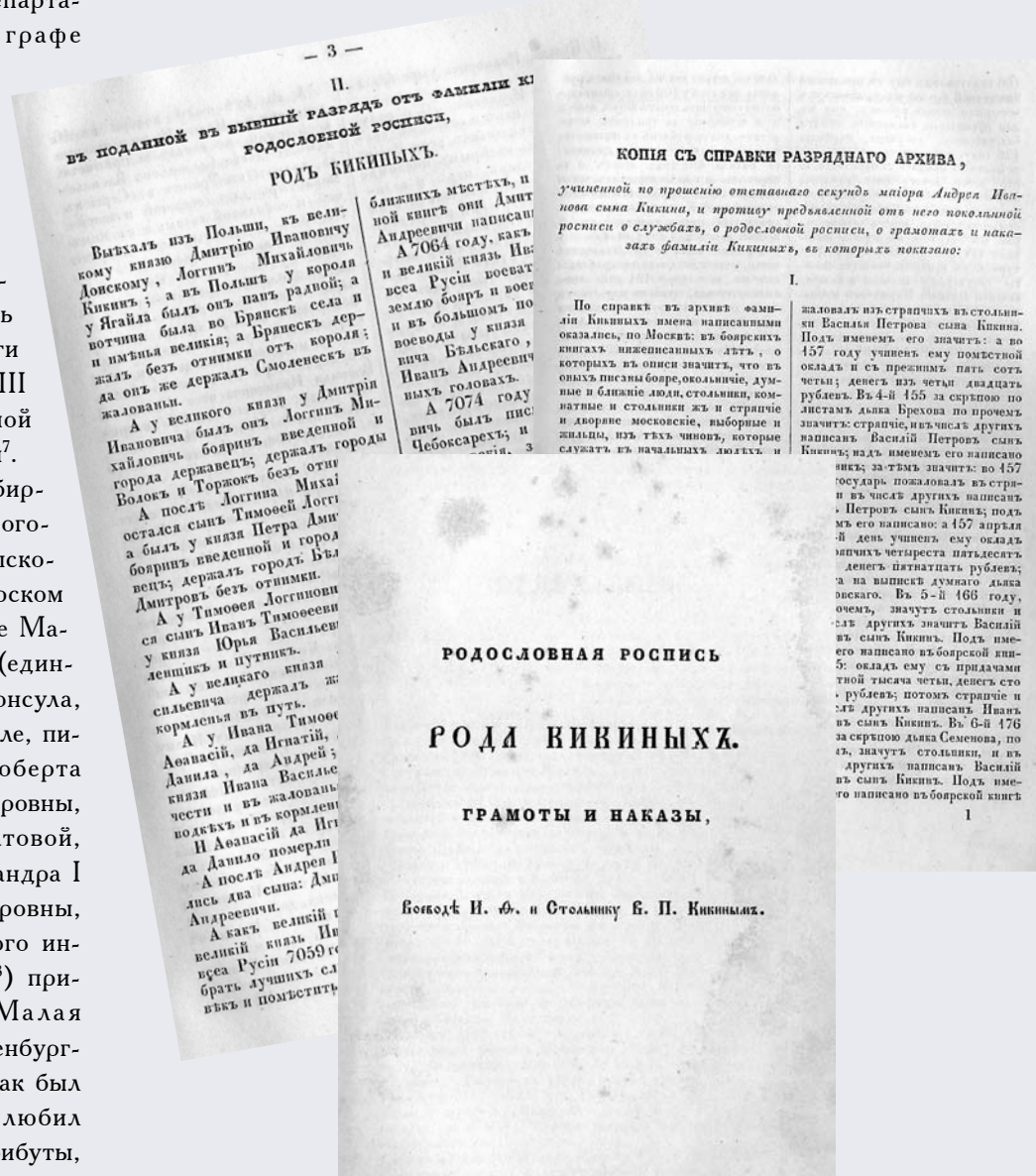
ских высотах; 15 августа присоединился к своему полку; 25 и 26 августа участвовал в штурме Варшавы. В 1832 г. был назначен в подпоручики, в 1835 г. — в поручики. 31 декабря 1835 г. уволен от службы по личным обстоятельствам. В апреле 1840 г. поступил в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов капитаном⁴. В 1843 г. определен адъютантом к директору Департамента военных поселений генерал-лейтенанту барону Корфу с переводом в Гренадерский полк императора Франца. «Гренадер Франц. I полка капитан, Петр Евграфович Кикин, при военном министерстве С.-Петербурга в Департаменте военных поселений адъютант при Директоре Департамента военных поселений графе П. А. Клейнмихеле»⁵. В 1845 г. по прошению отставлен секунд-майором с мундиром. Имел серебряную медаль за взятие приступом г. Варшавы и Польский Знак Отличия за военные достоинства 4-й степени⁶. Был внесен в IV часть Дворянской родословной книги по Симбирской губернии и в III часть Дворянской родословной книги по Рязанской губернии⁷.

За ним состояли по Симбирской губернии 177 душ в с. Богородское (Алферьево) Курмышского уезда и 288 душ в Симбирском уезде. Кроме того, его супруге Марии Романовне Кер-Портер (единственная дочь английского консула, министра-резидента в Венесуэле, писателя и художника сэра Роберта Керъ-Портера и Марии Федоровны, урожденной княжны Щербатовой, крестницы императора Александра I и императрицы Марии Федоровны, воспитанницы Екатерининского института в Санкт-Петербурге⁸) принадлежало 362 душ в с. Малая Снежатка и д. Аннино Раненбургского уезда. К сожалению, брак был бездетным⁹. П. Е. Кикин «любил геральдику, знал наизусть атрибуты,

эмблемы каждого Российского дворянского герба, обладал необыкновенной памятью на хронологию и исторические события», — пишет М. М. Марина¹⁰. Был погребен вместе с женой в с. Мещера Раненбургского уезда Рязанской губернии в храме Святителя и Чудотворца Николая в склепе под алтарем под плитой белого мрамора¹¹.

В мордовском крае обосновался родной дядя Петра Евграфовича — Евграф Андреевич Кикин, который в начале XIX в. унаследовал с. Трофимовщина Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Ромодановского района Мордовии).

Первыми владельцами села были Наумовы. Александр Иванович Наумов служил поручиком в лейб-гвардии конном полку с 1752 по 1764 г. и в этом чине ушел в отставку. Остаток жизни (умер Александр Наумов в 1821 г. в возрасте 87 лет) он прожил в Трофимовщине. После себя Александр Иванович оставил 3 детей — сына и двух дочерей. Сын Федор пошел по стопам отца, поступил на военную службу. Однако, находясь в чине поручика, он оставил военную службу. Отец, узнав о недостойном поведении сына, лишил его всех прав на наследство и разделил состояние между дочерьми — Анной и Алек-

сандрой. Вскоре Александр Наумов скончался. Спор между наследницами велся довольно долго, но, в конце концов, был разрешен. В 1821 г. Александра Наумова вышла замуж за майора Евграфа Андреевича Кикина. Пару лет спустя Александра составила завещание, где все имущество после смерти завещала мужу. С 1823 г. владельцами с. Трофимовщина стали Кикины, причем — последними владельцами¹². Это одно из самых крупных сел бывшего Саранского уезда. Получается, что брак с Елизаветой Петровной Перхуровой у Евграфа Андреевича Кикина был вторым.

Евграф Андреевич Кикин, 1771 года рождения, был участником Средиземноморского похода адмирала Ф. Ф. Ушакова. В 1798 — 1800 гг. русские войска освободили от наполеоновской Франции юг Италии и триумфально вошли в Рим.

В сражении за остров Корфу офицер солдатской команды линейного корабля «Святой Павел» из эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова Е. А. Кикин проявил героизм, был дважды ранен¹³.

«...Французы в первом часу полудни послали против нашей батареи новую вылазку. В ней было уже 1 000 человек под командованием генералов Шабо, Пиврона и прочих батальонных начальников, в том числе до 40 конных. Они стремительно ударили на холм Кефало, где было наше укрепление. Здесь находился, кроме показанного числа людей, отставной волонтер нашей службы капитан Кирико с 30 албанцами и несколькими островскими жителями. Все они состояли под начальством капитана Евграфа Андреевича Кикина. Как скоро французы приблизились к батарее, то островские жители смялись и предались бегству», — написано в жизнеописании адмирала Ф. Ф. Ушакова¹⁴. Е. А. Кикин был отважным воином и увидев сильное ополчение непри-

ятеля, со своими воинами ринулся в бой. Схватка была жестокой и упорной, бой продолжался до вечера.

«Храбрый Кикин горел одним желанием со своими солдатами, он взял с собой отборных офицеров, 200 человек гренадеров и других охотников и пустился с ними на неприятеля. Выступив из батареи, отряд этот сделал один залп из ружей и в тот же миг быстро ударил в штыки; несколько турок и албанцев последовали их примеру. Французы, будучи поражены этим нечаянным нападением, отступили назад и иные едва могли укрыться под самым гласисом крепостей, оставляя победителям поле сражения, убитых и раненых», — так описано сражение за холм Кефало на греческом острове Корфу в жизнеописании адмирала Ф. Ф. Ушакова¹⁵.

Во время боя Кикин получил серьезные ранения, турки принимали участие в его выздоровлении. В связи с этим произошел интересный случай. «Дня четыре спустя после поражения французов, некто Эким-Мехмед, бывший на адмиральском турецком корабле в звании главного штаб-доктора, одевшись в праздничное свое платье, вошел неожиданно в мою [адмирала Ф. Ф. Ушакова] каюту; так как он у меня прежде не бывал, то посещение это меня несколько удивило, но удивление мое еще более умножилось, когда Эким-Мехмед, подойдя ко мне ближе и сделав низкий поклон, произнес чистым русским языком следующие слова: „Ваше благородие! Бога ради поведите меня к капитану Кикину, ведь он мой господин! Я хочу его видеть и просить у него прощения. Я был коновалом у его покойного батюшки; меня отдали тогда в солдаты: под Мачином попался я к туркам в плен, по глупости своей отурчился и женился в Царьграде, имею пять человек детей. Благодаря Бога, нажил я себе хорошее состояние, получая хорошее жалование за лечение

турецких матросов от ран и прочих болезней; я долго крепился... никому из русских не открывался, но как узнал, что мой барин находится здесь на кораблях и тяжело ранен неверными французами, мне стало так грустно, что я не знаю, куда деваться. Заставьте за себя вечно Богу молить, поведите меня скорее к барину моему — я хочу пасть к ногам его и просить у него прощения! У меня, батюшка, русское сердце, ко мне турецкого ничего не пристало. Я не Мехмед, меня зовут Кондрашкою!». <...> Я не мог не удовольствоваться неотступной его просьбой и отвез его тотчас на корабль „Св. Павел“. Он от радости был долго безмолвен и кинулся потом к ногам своего господина, коему я должен был объяснить, кого он перед собой видит. Кикин, невзирая на ужасную боль, ранами причиняемую, не мог удержаться от смеха, видя у ног своих в богатой восточной одежде, с превеликой чалмой на голове слугу своего Кондрашку...»¹⁶.

В 1807 г. майор в отставке стал предводителем дворянства в Курмышском уезде Симбирской губернии¹⁷. Владелец земель и лесов при с. Порецкое Алатырского уезда, д. Чаадаевка и Монаково Ардатовского уезда, с. Алферьево и д. Кикинка, Орловка и Колычёвка Курмышского уезда Симбирской губернии¹⁸. Имел земли также в Пензенской и Нижегородской губерниях¹⁹.

Благосостояние дворян во многом зависело от числа душ крепостных, которыми они владели, Е. А. Кикину, к тому времени принадлежали 1 016 душ мужского пола²⁰ (в других источниках — 1 458²¹). В 30-е гг. XIX в. наиболее богатыми в Саранском уезде Пензенской губернии считались Кикины. К тому же у них имелся дом в Москве.

«10.07.1839 Е. А. Кикин в Московской палате гражданского суда оформил „верющее письмо“ титулярному советнику Д. В. Коженкову с

поручением представлять его интересы в суде и управлять его имениями, состоящими в трёх губерниях: Симбирской Курмышского уезда в с. Алферьево, д. Колычёвка; Пензенской Саранского уезда в с. Трофимовщина в сельцах и деревнях к нему принадлежащих и Нижегородской Нижегородского уезда в с. Пицы, с. Шипилове и др.»²².

«В алфавитном списке отставных чиновников и дворян — домовладельцев Москвы за 1842 г.: Кикин Евграф Андреевич, майор, Пречистенская часть 4 кв. прих. Власия в Гагаринском переулке, дом Кумова 368. Из отчёта Опекуна по управлению имением майора Евграфа Андреевича Кикина за 1852 — 1856 гг.: имение поступило в ведение Нижегородской дворянской опеки за спором наследников по распоряжению Саранского Уездного суда и принадлежит майору Евграфу Андреевичу Кикину (VII) чин»²³. Из отчета также следует, что умер Е. А. Кикин в 1854 г. в с. Алферьево Курмышского уезда²⁴. После его смерти по указу

Пензенской казенной палаты от 25 мая 1854 г. с. Трофимовщина с деревнями перешло к его сыну Николаю.

Николай Евграфович Кикин (о нем мало что известно) был внесен во II часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии²⁵. Владел землями в Пензенской губернии, после кончины отца унаследовал и развивал усадьбу в Трофимовщине Саранского уезда. Являлся попечителем местной Михаило-Архангельской церкви. Способствовал, в том числе материально, строительству крупного деревянного храма, освященного затем в честь Живоначальной Троицы. Был женат на Софье Ивановне Жихаревой, с которой прижил троих детей — Евгения, Елизавету и Софью.

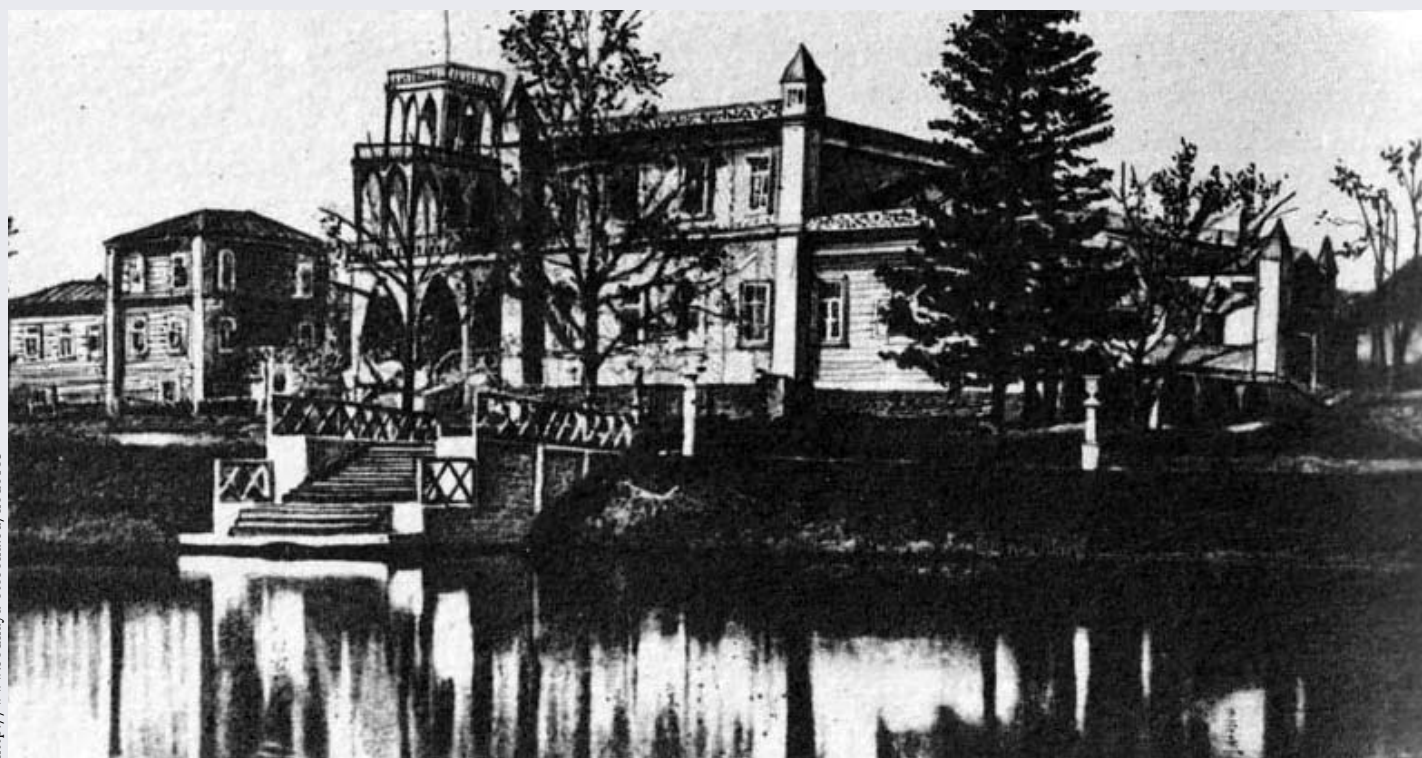
После смерти матери Елизаветы Петровны дети начали делить наследство. Так, 15 ноября 1843 г. Николай Евграфович Кикин, к тому времени корнет, подал прошение о выдаче свидетельства: «...имею я с братом штаб-ротмистром Андреем

Кикиным состоящее в Нижегородской губернии и уезде в сельце Пицы 89 душ мужского пола, доставшееся нам по разделу после смерти родительницы нашей Елизаветы Петровны Кикиной, урожденной Перхуровой. А также в сельце Михайлове Макарьевского уезда 41 ревизскую душу. Всего 130 душ. По этому завещанию мы состоим наследниками вместе с сестрой, капитаншей Марией Евграфовной Толстой»²⁶.

Последним носителем фамилии Кикиных был Евгений Николаевич Кикин — внесен во II часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии²⁷. В списке потомственных дворян-землевладельцев Пензенской губернии значится: «владел 1733 десятинами земли в д. Трофимовщина и с. Содомъ, Саранского уезда»²⁸. В конце XIX — начале XX в. ему принадлежало еще с. Алферьево.

В одном из писем Н. А. Крылова, датированном 13 декабря 1888 г. есть такой текст: «...Пришел из Тёплого Стана слух, что Петр Ев-

Дом Е. Н. Кикина в с. Трофимовщина Саранского уезда Пензенской губернии

гафович Кикин умер, нужно ждать, что в Алферьеве последуют разные перемены. ...Наследником является сын Николая Евграфовича Кикина из Трофимовщины, где главный управляющий Ник. Ник. Алексеев. Вероятно, он приедет принимать имение в Алферьево. Человек он ровный, спокойный и разумный, авось подействует на Ал. Ив. [Тюбукина], чтоб не бросал дело! Сам наследник, говорят, в отца натурой, но тороват и любит сорить деньги и страстный любитель строиться...»²⁹.

Родился Евгений Николаевич 19 февраля 1861 г., в родовом поместье — в с. Трофимовщина³⁰. В усадьбе на попечении родителей и дворни прошли его детство и отрочество. Средств и возможностей семьи хватало для обеспечения чадам всех условий для развития. Первоначально Кикины проживали в небольшом двухэтажном доме, но позднее поставили новый дом, правое крыло которого соорудили в виде свободной импровизации на тему Пизанской падающей башни. «Не о копировании речь — о принципе, воплощенном в изящную арочную композицию, такую легкую, что на рассвете ее можно признать за призрачную. Соотношение башни и остального здания было достигнуто такое, что чудачество владельцев являлось, как говорится, с первого предъявления, но оторвать башню, перенести ее в другое место было никак нельзя: она вписалась в пейзаж и архитектурную среду точно, органично, емко», — утверждает С. Б. Бахмутов³¹.

Имение Кикиных было неповторимо, представляло собой великолепную дворянскую усадьбу и включало жилой дом, церковь, хозяйственные службы, пруд, парк, аллеи с чашами-цветниками, скверы, беседки и купальню. Пруд был украшением поместья, такого не было больше нигде: обычно пруд делали в ложбине, которую перекрывали плотиной,

а трофимовщинский был создан на склоне холма, для чего пришлось насыпать плотину с трех сторон, в результате была создана искусственная чаша водоема. Таким образом, родники снабжали пруд чистой водой, тело плотины, укрепленное зелеными насаждениями, прочно сдерживало напор. Вода была настолько чистой, что крестьяне специально спрашивали разрешение брать ее для своих нужд. В итоге возник уютный ландшафтный уголок с видом на пойму реки Атьмы, широкие заливные луга и существовавший тогда лес³².

Особое место в усадьбе занимала церковь, являвшаяся связующим звеном между господами, дворовыми людьми и жителями примыкавших к усадьбе деревень.

Краеведы утверждают, что в селе последовательно построили три храма. Когда рубили первый, сведений нет, но, по предположениям исследователей, это произошло не позднее конца XVII в. Известно, что второй, во имя Архангела Михаила, деревянный, был построен в 1791 г. на территории барской усадьбы. Третий, тоже деревянный, в честь Живоначальной Троицы (Троицкий), с приделами во имя Святого чудотворца Николая и Святого Дмитрия Ростовского, появился в 1875 г. с трапезной в память Сретения Господня. Этот храм располагался на излете Королевской горы в центре села. Деревянная Троицкая церковь отличалась величиной, она была рассчитана не менее чем на 2 000 человек, представляла собой типичную рубленую церковь, сложенную из столетних сосен, в одну главу необъятной величины, имела общие стены с трапезной и колокольной, два позолоченных купола, венчавшихся крестами. Внутри была обита холстом голубого цвета, имелась богатая позолота, вокруг церкви — железная ограда. Церковь поражала не только величием и размерами, но и спокой-

ной силой, уверенной мощью. В конце XIX в. рядом с большим храмом была возведена небольшая деревянная зимняя Михаило-Архангельская церковь. Из ее убранства сохранилось скрупулезно выполненное живописное распятие, установленное набожным помещиком, почти трехметровой высоты. Венчал церковь ажурный кованный крест. К концу XIX в., когда окончательно сложился ансамбль кикинской усадьбы, в селе оставалась только одна церковь — Троицкая. В ней служил священник В. И. Юшков, в пострижении Серафим, первый епископ Саранский (1923)³³. Попечителем Троицкого храма после отца стал Евгений Николаевич Кикин.

По воспоминаниям жительницы с. Трофимовщина, «барин был очень приветливый. Всегда, бывало, на Рождество бегали к нему славить. Всех оделит, но второй раз лучше не приходи! Случалось, захочет кто из ребятишек по другому разу послать — тут же рассердится и прогонит. Ты, говорит, уже был. Обманывать — грех. Всех помнил»³⁴.

Евгений Николаевич жил обычной жизнью помещика, для этого были все условия. Оставленное наследство (в том числе 3 тыс. десятин земли) и доходы позволяли безбедно существовать и держать великолепный выезд (до полусотни лошадей, приобретенных благодаря дружбе с конезаводчиком Ю. И. Юрловым), значительный скотный двор, ухоженный парк и сад площадью 10 десятин и т. д.³⁵

Евгений Николаевич Кикин, по сути, был рантье, свои земли сдавал крестьянам в аренду, которых уважал и, вероятно поэтому, в 1905 г. большую часть земли (2 тыс. десятин) продал за бесценок крестьянам, оставив себе лишь небольшой участок возле с. Богородское Голицыно (ныне Первомайск Лямбирского района Мордовии) и земли вокруг усадьбы. Подобные случаи в истории были единичными.

Кикины палаты в г. Санкт-Петербурге

События 1917 г. и Гражданской войны окончательно выбили почву из-под ног дворян. К 1917 г. Е. Н. Кикин был малоимущим помещиком и сам добровольно отдал имение крестьянам, сказав при этом: «Берите, ваше время пришло»³⁶. В ходе революции всю собственность бывшего помещика конфисковали. Усадьба претерпела значительные изменения, повлекшие за собой гибель ценнейшей библиотеки и архива, исчезновение имущества, порчу мебели, осушение водоемов и слом дома. Е. Н. Кикин был вынужден вместе с незаконнорожденным сыном переехать жить в маленький деревянный дом, который для них срубили и поставили в саду местные крестьяне.

В 1918 г. Евгения Николаевича арестовали, и он просидел несколько месяцев в ЧК, после чего был выпущен. Даже после случившегося он не захотел уехать из родного села, хотя младшие сестры Елизавета и Софья, эмигрировавшие во Францию, неоднократно звали его к себе. Кикин остался в Трофимовщине, жил тихо и скромно, занимаясь земледелием, часто голодал и даже нищенствовал.

В 1930 г. ему пришлось разделить судьбу многих представителей рос-

сийского дворянства, он был снова арестован как один из главарей антисоветской группировки. Приговорен «тройкой» при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю по статьям 58—8, 58—10, 58—11, 58—13 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Реабилитирован 27 ноября 1989 г.³⁷

Евгений Кикин был человеком неженатым и во многом одиноким. Много размышлял о просвещении народа, оттого поддерживал сельские школы и оказывал им материальную помощь. Состоял почетным попечителем ромодановской школы и почетным смотрителем Саранского городского четырехклассного мужского училища. А также принял участие в создании и содержании школы в с. Трофимовщина. Сначала планировалось открыть церковно-приходскую школу, после пробовали создать земскую, но что-то не заладилось. И, в конце концов, была открыта министерская четырехклассная школа. (Министерскими назывались школы, которые учреждались Министерством народного просвещения.) Надо отметить, что в Саранском уезде министерских школ было всего две.

Преподаватели в таких школах работали более подготовленные. Уровень преподавания и образования в них был выше, чем в церковно-приходских или земских школах. В Трофимовщинской школе работали замечательные педагоги, в том числе Е. Я. Аршинова, преподававшая позднее в Саранской женской прогимназии, и В. И. Юшков, отец будущего академика С. В. Юшкова, создателя научной отрасли «История государства и права СССР».

Евгений Николаевич стремился повысить уровень образования в мордовском крае, оттого и позволял крестьянским детям использовать в учебном процессе свою богатейшую личную библиотеку, которая собиралась в течение многих десятилетий. В библиотеке имелись солидный фонд периодических изданий и значительный архив, в котором были даже собственноручные письма Петра Великого к А. В. Кикину³⁸.

Библиотекарем при личной библиотеке Е. Н. Кикина был Сергей Евстафьевич Селезнев (1899 — 1976; по рождению Сергей Евгеньевич Кикин)³⁹. Он был незаконнорожденным сыном Евгения Николаевича и жены управляющего имением Кикиных в Трофимовщине. К моменту рождения Сергея у нее уже было 2 сына, своего сына Е. Н. Кикин у нее сразу забрал (потом, вторым браком, она вышла замуж за Кашёнка и родила еще 5 детей). Примерно до 1915 г. Сергей помогал отцу в библиотеке и по хозяйству, затем уехал в Саранск учиться в ремесленном училище, после этого работал в Рузаевке кассиром в банке, участвовал в Великой Отечественной войне⁴⁰.

Сергей Кикин сменил фамилию на Селезнев в 1917 г. по совету отца, чтобы избавиться от преследований. У него было трое сыновей, судьба которых сложилась следующим образом. Владимир (1928 — 1994) и Виктор (1932 — 1971) работали сле-

сарями железнодорожного депо в Рузаевке. Женаты не были и умерли бездетными. Младший сын Сергей (1943 — 1996) работал старшим диспетчером аэропорта в г. Советский Тюменской области. Там же живет его сын Александр Сергеевич (1968) с супругой и дочерью Елизаветой

(1997). А дочь Татьяна Сергеевна Рухлядко (1981) живет и работает в Мордовии, в г. Рузаевке.

Мордовской земле есть чем гордиться. И чем лучше мы будем знать историю своей земли, людей, живших когда-то, тем больше будет у нас возможности для духовного преоб-

ражения. Семейство Кикиных сыграло заметную роль в общественной жизни не только мордовского края, но и всей России. Со смертью Евгения Николаевича знатная фамилия Кикиных угасла, хотя его предки по-прежнему населяют мордовскую землю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Николай Иванчин-Писарев «Прогулки по древнему Коломенскому уезду» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/337> (дата обращения — 30.11.2014).
- ² См.: **Краснов Е.** Пыль хронологии... // Волга. [Саратов]. № 5 — 6. 1997.
- ³ Цит. по: **Краснов Е.** Пыль хронологии... .
- ⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп. 10. Д. 474 (1843). О назначении состоящего по армии капитана Кикина Петра Евграфовича адъютантом к Г. Директору Департамента Военных поселений (07.07 — 04.10.1843) (далее — РГВИА).
- ⁵ Адресь-календарь. Общий штатъ Российской империи на 1845 г. СПб., 1845.
- ⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 474.
- ⁷ См.: **Лихарев М. П.** Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных на 01.01.1893. Рязань, 1893.
- ⁸ См.: **Марина М. М.** В старом, радушном дворянском гнезде на Арбате // Русская старина. 1909. Т. 140. С. 577 — 587.
- ⁹ См.: **Лобанов-Ростовский А. Б.** Русская родословная книга. СПб., 1873.
- ¹⁰ **Марина М. М.** Указ. соч. С. 577 — 587.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Реестр туристических ресурсов Ромодановского муниципального района Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: mkrm.ru (дата обращения — 24.11.2014).
- ¹³ См.: **Скаловский Р. К.** Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 2006.
- ¹⁴ Святой флотоходец России. Жизнь и деяния святого праведного воина Ф. Ф. Ушакова. СПб., 2004. С. 139.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 139 — 177.
- ¹⁷ См.: **Поливанов В. Н.** Материалы к истории Симбирского дворянства 1781 — 1909 гг. Симбирск, 1909.
- ¹⁸ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 257. Л. 244 (далее — ЦГА РМ); **Карякин И. С.** Отчая земля. Н. Новгород, 1995.
- ¹⁹ См.: **Гусаров Ю. В.** Кикины // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.csp.ru> (дата обращения — 18.01.2015).
- ²⁰ См.: Саранск : науч.-популяр. изд. : в 2 кн. Саранск, 1997. Кн. 1. С. 192.
- ²¹ См.: **Гусаров Ю. В.** Указ. соч.
- ²² ЦГА РМ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 209. Л. 3; Д. 365. Л. 1, 2, 19, 39, 40.
- ²³ ЦГА РМ. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 505. Л. 19.
- ²⁴ См.: Центр генеалогических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://rosgenea.ru> (дата обращения — 29.12.2014).
- ²⁵ Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1342 (далее — ГАПО).
- ²⁶ Государственный архив Нижегородской области. Ф. 177. Оп. 766. Д. 4910. Дело о выдаче свидетельства помещикам Кикиным для залога имения в с. Пице Нижегородского уезда.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1342. Списки дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 01.01.1908. Пенза, 1908.
- ²⁸ Списки потомственных дворян, владевших в Пензенской губернии именными в 1785 и состоявшими землевладельцами к 1902 г. Пенза, 1902.
- ²⁹ Кикины. История семьи. История рода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения — 24.11.2014).
- ³⁰ См.: Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 68; **Лобанов-Ростовский А. Б.** Русская родословная книга. СПб., 1873.
- ³¹ **Бахмутов С., Лапун В.** Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. С. 234.
- ³² См.: **Охотский Н.** Краткий церковно-исторический очерк села Ромоданова Саранского уезда // ПЕВ. 1882. № 7 — 8; **Бахмутов С., Лапун В.** Указ. соч. С. 234 — 235; **Бахмутов С. Б.** Умолкнувшее эхо // Совет. Мордовия. 1989. 29 окт.
- ³³ См.: Трофимовщина // Православная Мордовия : материалы к энциклопедии / под ред. С. Б. Бахмутова. Саранск, 2003. Вып. III. С. 313 — 315.
- ³⁴ См.: Кикины. История семьи. История рода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения — 24.11.2014).
- ³⁵ См.: **Бахмутов С.** Взлеты и падения. Судьба рода дворян Кикиных // Совет. Мордовия. 1993. 2 июля.
- ³⁶ См.: Трофимовщина. С. 313 — 315.
- ³⁷ См.: Память. Жертвы политических репрессий. Саранск, 2000. С. 414.
- ³⁸ См.: **Гусева Т. М.** Культура и общество во второй половине XIX в.: Социокультурное развитие российской провинции (на примере мордов. края). НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008. С. 88; Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917. М., 2008. С. 371.
- ³⁹ См.: **Краснов Е. П.** Поиски утраченного имени // Дворянский вестник. М., 2000. Вып. 11, 12.
- ⁴⁰ См.: Кикины. История семьи. История рода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kikin.ru> (дата обращения — 24.11.2014).

Оборотная
сторона
фотопортрета
Н. В. Никольского

нанесли Н. В. Никольскому родственный визит, на память о котором он подарил им свой фотопортрет. Возможно, это был ответный дар. Забегая вперед скажем, что Кирилловы создали крепкую семью, воспитали четырех детей: Александра (1903 — 1941), Анатолия (1908 — 1998), Антонину (1910 — 1969), Капитолину (1915 — 2009). С тех пор фотография хранилась в их семейном альбоме вместе с другими милыми сердцу снимками родных и друзей, письмами и др.

Т. К. Кириллов является известным чувашским поэтом и переводчиком начала XX в. (опубликовал около 20 поэтических, оригинальных и переводных религиозно-нравственных книг). Он родился 12 февраля 1880 г. в семье крестьянина д. Сесмеры Ядринского уезда (ныне Красноармейского района Чувашской Республики) К. Ф. Филиппова. Поскольку старший брат Яков работал по хозяйству, отец отдал Тараса (родные звали его Тарасий) учиться, чтобы иметь помощника, способного читать и сочинять деловые бумаги.

В 1892 г. Тарас окончил Больше-Шатьминскую земскую, затем — Ишаковскую двухклассную церковно-приходскую школу. По совету учителей поступил в Казанскую учительскую семинарию³. По ее окончании в 1899 — 1901 гг. преподавал в мужском приходском училище

г. Ядрина. На скудное учительское жалованье содержать семью было сложно, поэтому в 1901 г. Кириллов сдал экзамены и был рукоположен во диакона к церкви с. Шихазаны Цивильского уезда. Одновременно в 1902 — 1903 гг. работал зако-

ноучителем в Кармамейской церковно-приходской школе, в первой половине 1903 г. — в Шихазановской образцовой двухклассной церковно-приходской учительской школе⁴. Церковь в Шихазанах была 4-штатной (4 священника, диакон и 4 псаломщика), угодить всем было сложно, поэтому Т. К. Кириллов стал подумывать об уходе⁵.

В 1903 г. он поступил на двухлетние миссионерские курсы при Казанской духовной академии. Вместе с курсантами переводил на чувашский язык религиозную литературу, кроме того, несколько книг перевел индивидуально⁶. С 1905 г. по ноябрь 1917 г.⁷ (по другим данным — до 1918 г.⁸) служил священником в с. Оточеве Ядринского уезда и преподавал Закон Божий в Оточевском (с 1905 г.) и Седойкинском (с 1909 г.)

Тарас Кириллович
Кириллов с женой
Елизаветой
Васильевной.
Казань. 1902 г.

Кузьма Романович Романов с женой Анной Васильевной и старшими дочерьми Екатериной и Серафимой. Конец 1890-х гг.

земских училищах⁹. Затем недолго работал священником в церкви с. Сятракасы Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда¹⁰, построенной на средства прихожан в 1917 г.

Поэт был невысокого роста, имел длинные светлые волосы, отличался трудолюбием¹¹. По характеристике благочинного, Т. К. Кириллов был поведением «весьма хорошего, скромного»¹². Его сын Александр Тарасович Кириллов писал, что прихожане называли отца «чудным попом» за то, что в отличие от русских священников он не досаждал им религиозными поучениями и отменил хлебные поборы с крестьян. Он же сообщил о конфликтах отца с церковными властями «за неподобающее [сану] и беспокойное поведение»¹³. Дальний родственник Т. К. Кириллова, посвятивший ему две рукописные статьи¹⁴, И. Д. Никитин-Юрки упоминал о нападках на поэта Богоявленского отделения монархического «Союза русского народа» Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда¹⁵.

По словам А. Т. Кириллова, отец тяготился церковной службой, на которую его «подбили» жена и ее родня, т. е. теща Василий Никитич и теща Агрипина Степановна Николь-

ские (якобы, он даже ссорился с ними по этому поводу)¹⁶. К данному повороту в биографии поэта мог быть причастен и Н. В. Никольский, который с 1903 г. преподавал на миссионерских курсах при Казанской духовной академии.

Вообще, Н. В. Никольский принимал живое участие в жизни и творчестве зятя. Известно, что в годы учебы на священника Т. К. Кириллов с семьей проживал у него на квартире (ул. Малая Проломная, д. 5, кв. 19)¹⁷. Профессионально занимаясь переводческой деятельностью, Н. В. Никольский привлек Т. К. Кириллова к редактированию рукописей чувашских книг. По собственному признанию Т. К. Кириллова, к сочинительству он обратился после знакомства с рукописной антологией образцов письменной чувашской поэзии, составленной Н. В. Никольским в 1903 — 1904 гг.¹⁸ Однако хорошо знавший его И. Д. Никитин-Юрки утверждал, что к литературному творчеству тот обратился в период жизни в Шихазанах в 1901 или 1902 г.¹⁹

Т. К. Кириллова и Н. В. Никольского объединял интерес к чувашской культуре. Поэт регулярно снабжал ученого этнографическими

сведениями и фольклорными материалами для научной работы²⁰. Часть собранных им чувашских народных песен, сказок и преданий сохранились в личном фонде Н. В. Никольского в Чувашском государственном институте гуманитарных наук²¹. Т. К. Кириллов печатался в основанной просветителем чувашской газете «Хыпар» (также участвовал в ее распространении) и в альманахе «Върсă» («Война»), который по очереди выпускали И. Я. Яковлев и Н. В. Никольский²².

Великая российская революция 1917 г. перечеркнула прежнюю жизнь. Новая власть причислила духовенство к мироедам, развернув политику их травли и террора. В 1919 г. (по другим данным — в 1918 г.²³) Т. К. Кириллов отказался от духовного сана и с помощью родных (об этом — ниже) вместе с семьей поселился в д. Лысая Гора Нижегородской губернии (ныне одноименный поселок Воротынского района Нижегородской области). Здесь он крестьянствовал и преподавал в местной начальной школе, одновременно в 1919 — 1920 гг. исполнял обязанности секретаря Лысогорского сельсовета. Т. К. Кириллов умер 6 ноября голодного 1921 года от скоротечной чахотки (туберкулеза) и был похоронен на кладбище г. Васильсурска, на высоком берегу Волги и Суры под березами²⁴. Вспоминая прошлое, Елизавета Васильевна Кириллова признавалась, что ранняя смерть мужа спасла ее и детей от репрессий, в ином случае они были бы раскулачены как семья бывшего священника²⁵.

Е. В. Кириллова пережила мужа на 45 лет. Дом в Лысой Горе унаследовала ее младшая дочь К. Т. Серова. Капитолина Тарасовна, как и ее сестра Антонина, пошла по стопам отца, выбрав профессию учителя. По подложному свидетельству о рождении она поступила в педагогический техникум г. Лысково (детей духовен-

*Елизавета Васильевна Кириллова
(Никольская)*

Капитолина Тарасовна Серова. 1970-е гг.

ства в учебные заведения не принимали)²⁶, после окончания которого (1933) преподавала в начальных школах Нижегородской и Сталинградской областей. В 1947 г. вернулась домой и до пенсии работала санитаркой в Лысогорском медпункте, который в 1947 — 1957 гг. размещался во второй половине дома Кирилловых²⁷. В 1984 г. она переехала в пос. Воротынец. В 2003 г. за престарелой и больной родственницей стала ухаживать Зинаида Захаровна Березина (1934 года рождения), которая была с ней до ее последнего часа.

За год до кончины К. Т. Серова завещала оставшийся после родителей фотоальбом сыну А. М. Камневу (1940 — ?), жившему с семьей в г. Братске. По воспоминаниям Э. Э. Березиной, альбом был обычный с виду, имел вертикальный формат, страницы желтоватого цвета. На ее памяти немало фотографий из него было подарено приезжавшим в гости родственникам. Она помнит, что несколько семейных фотографий Кирилловых и письмо Никольского к сестре Елизавете, также хранившееся в альбоме, выпросили приезжие журналисты.

Альбом имел неприглядный внешний вид, поэтому было решено поменять его ветхие обложки. «Едва оторвали корки переплета, каждая из которых состояла из двух листов картона, обклеенных коленкором коричневого цвета, — рассказывает Э. Э. Березина, — как из задней выпала завернутая в лист папиросной бумаги фотография Н. В. Никольского»²⁸. находка стала для всех полной неожиданностью.

Вероятно, фотографию спрятали в годы политических репрессий, что было рискованным поступком. Учитывая, что К. Т. Серова ничего не

знала о фотографии, тайник устроила ее мать. Для этого имелись серьезные основания, поскольку в начале 1930-х гг. Н. В. Никольский подвергался арестам по обвинению в антисоветской деятельности и идеологической травле в печати. С годами Е. В. Кириллова забыла о фотографии, и она более 70 лет пролежала в тайнике, дожидаясь своего часа.

Фотография Н. В. Никольского была не единственной спасенной семейной реликвией Кирилловых. Е. В. Кириллова рассказывала, что в 1930-е гг. она на время отдала двоюродной сестре Пасковье Дмитриевне Михайловой (1883 — 1959), проживавшей в пос. Казанский Воротынского района Нижегородской области фото чувашского просветителя И. Я. Яковлева с дарственной надписью Т. К. Кириллову. Та спрятала его в кадучку для холста, а когда минули страшные времена — вернула²⁹. По другой версии, Кирилловы несколько раз перепрятывали портрет И. Я. Яковлева, пока не нашли для него укромное место под обшивкой мезонина³⁰. Где находится эта фотография ныне, нам не известно.

Большинство семейных реликвий сохранить не удалось. Опасаясь обы-

Н. В. Никольский с племянниками Алексеем (слева) и Анатолием (справа) Лесными. Казань. Июнь 1939 г.

сков и ареста, Е. В. Кириллова с сыном Александром сожгли в бане множество религиозных и художественных книг и журналов из домашней библиотеки (среди них — подшивки журналов «Нива», «Огонек», «Дружеские речи», собрания сочинений А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. А. Гончарова и др.), с читательскими пометами Т. К. Кириллова, семейные фотографии и документы, в том числе рукописи и переписку поэта. По воспоминаниям родных, это продолжалось несколько ночей. Оставшиеся книги раздали соседям³¹.

Это большая удача, что в 1920-е гг. упоминавшийся А. Т. Кириллов через историка Г. И. Комиссарова передал в дар чувашскому отделению Восточного педагогического института (Казань) часть рукописей и документов отца. Благодаря этому они сохранились и ныне находятся в составе личного фонда этнографа В. К. Магницкого в Государственном историческом архиве Чувашской Республики, поступившего на хранение из Казани в 1941 г.³² Еще несколько рукописей Т. К. Кириллова хранятся в личном научном фонде Н. В. Никольского в Научном архиве ЧГИГН³³.

Дом Кирилловых в пос. Лысая Гора Нижегородской области постройки начала XX в. 2012 г.

Дальнейшая история фотографии Н. В. Никольского связана с потомками его сестры Анны Васильевны (1876 — 1913), которая в 1892 г. вышла замуж за унтер-офицера в запасе, уроженца д. Пизипово Ядринского уезда (ныне Аликовского района Чувашии) Кузьму Романовича Романова (1864 — 1931)³⁴. Романовы воспитали двух сыновей и девять дочерей, потомки которых живут в Чебоксарах, Москве, Свердловске и в Белоруссии. Упомянутая З. З. Березина доводится К. Р. Романову внучкой по дочери Надежде Кузьминичне, в замужестве Хрусталева (1899 — 1975).

К. Р. Романов был грамотным, трудолюбивым человеком, искусным плотником. Несколько домов, поставленных его руками (в том числе здание бывшей начальной школы), стоят до сих пор³⁵. В 1896 — 1910 гг. К. Р. Романов избирался членом Ядринской уездной земской управы, что говорит о его высоком авторитете среди крестьян³⁶.

Александр Юрьевич Березин с женой Натальей Степановной и матерью Зинаидой Захаровной Березиной. Чебоксары. Октябрь 2014 г.

В годы коллективизации зажиточных крестьян объявили классовыми врагами, и 7 августа 1930 г. решением Президиума ЦИК Чувашской АССР семья Романовых была раскулачена без выселения³⁷. По рассказу З. З. Березиной, позднее К. Р. Романов с сыновьями были сосланы в г. Нижний Тагил, где ударно строился знаменитый «Уралвагонзавод». Там он умер от водянки и непосильного труда.

К. Р. Романов был одним из первых поселенцев-хуторян д. Лысая Гора, возникшей в годы Столыпинской аграрной реформы. Здесь он построил деревянный дом-пятистенок с мезонином. В 1911 — 1913 гг. на приусадебном участке вырубил лес и посадил фруктовый сад. Он мечтал поселиться с семьей в лесном краю, но после смерти жены отказался от этих планов. К. Р. Романов подарил пустующий дом свояченицам —

Елизавете Васильевне Кирилловой и Серафиме Васильевне Лесиной (1886 — ?), когда их мужья (оба — священники) попали в беду. Их семьи стали жить в двух его половинах (адрес: д. Лысая Гора, ул. Сурская, д. 23 — 25)³⁸.

Муж С. В. Никольской И. Н. Лесин (около 1880 — ?) являлся уроженцем с. Акрамова Козьмодемьянского уезда. В 1896 — 1906 гг. работал учителем в Шербашевской начальной и Юськасинской церковно-приходской школах Ядринского уезда. Затем, подобно Кириллову, окончил Казанские миссионерские курсы. С 1908 г. до революции служил священником в с. Троицкий

Посад Козьмодемьянского уезда. По семейному преданию, после переезда в д. Лысая Гора работал лесником. У супругов было четыре сына: Борис (1907), Алексей (1910), Михаил (1911)³⁹ и Анатолий (около 1923 г.). В начале 1920-х гг. семья Лесиных переехала в г. Васильсурск, а в 1928 г. — в Сибирь⁴⁰. Вскоре они вернулись в Марийскую АССР, где в 1931 г. И. Н. Лесин был осужден как священнослужитель к ссылке на три года⁴¹.

Семьи детей В. Н. Никольского поддерживали между собой тесные связи. На одной из сохранившихся фотографий, снятой, вероятно, в доме Кирилловых (Т. К. Кириллов

сидит на месте хозяина во главе стола) по случаю крестин кого-то из их детей, изображены сестры Анна Васильевна, Елизавета Васильевна и Серафима Васильевна с мужьями, их мать Агриппина Степановна и другие родственники. По воспоминаниям, Н. В. Никольский не раз навещал лысогорскую родню⁴².

В 2010 г. Э. Э. Березина исполнила последнюю волю К. Т. Серовой и передала семейный альбом А. М. Камневу. Только фотографию Н. В. Никольского как фамильную ценность отдала на хранение своему сыну. Так продолжилась эстафета поколений, а в истории фотографии открылась новая страница.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Казань : справ.-адресная книжка. Казань, 1899. С. 99; Адресная книжка Казанской губернии на 1900 год / сост. М. Н. Пинегин. Казань, 1900. С. 186.
- ² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 312 (далее — НА ЧГИГН).
- ³ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 11. Л. 13 — 14.
- ⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 225. Оп. 11. Д. 4. Л. 203 об. — 204 (далее — ГИА ЧР).
- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 302 об.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: **Козлов Ф. Н.** Православие в чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е годы. Чебоксары, 2014. С. 156.
- ⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- ⁹ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 11. Д. 4. Л. 203 об. — 204.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 11. Л. 16; Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 302 об. — 303.
- ¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 302.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 11. Д. 6. Л. 106 об. — 107.
- ¹³ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 — 1 об.
- ¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 302 — 303 (рукопись: **Никитин И. Д.** Чăваш ачи [Сын чувашского народа]. 1922 г.); Отд. V. Ед. хр. 11. Л. 12 — 17 (рукопись: **Никитин И. Д.** Т. К. Кириллов. 1945 г.).
- ¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 302 об.
- ¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- ¹⁷ См.: **Леонтьев А. П.** «Хыпар»: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы. Чебоксары, 2011. С. 575.
- ¹⁸ См.: **Димитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б.** Н. В. Никольский — ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 2011. С. 85.
- ¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 11. Л. 15.
- ²⁰ См.: **Кириллов Т. К.** Суйласа илнисем : савăсем, поэмăсем [Избранное : стихи, поэмы]. Шупашкар, 2010. С. 6.
- ²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 166 — 259.
- ²² См.: **Димитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б.** Указ соч. С. 64, 65, 81.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об.
- ²⁴ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 11. Л. 16 — 17; **Ерагин Е. Е.** В устье Суры, по Огневке. Н. Новгород, 2006. С. 332 — 333.
- ²⁵ См.: **Пантелеймонов Н. П.** Тăванĕсем Т. К. Кириллов поэт ятне упрасĕ [Родственники хранят память о поэте Т. К. Кириллове] // Художественная словесность и проблемы чувашской духовной культуры : сб. материалов науч.-практ. конф. отдела литературоведения и фольклористики. Чебоксары, 2008. С. 120.
- ²⁶ См.: **Пантелеймонов Н. П.** Тарас Кириллован ыра ёс-хелĕ [Плодотворная деятельность Тараса Кириллова] // Хыпар. 2005. 6 окт.
- ²⁷ См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 71, 334.
- ²⁸ Сообщено автору статьи Э. Э. Березиной 9 января 2014 г. в г. Чебоксары.
- ²⁹ См.: **Пантелеймонов Н. П.** Плодотворная деятельность Тараса Кириллова.
- ³⁰ См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 331.
- ³¹ См.: **Пантелеймонов Н. П.** Родственники хранят память о поэте Т. К. Кириллове. С. 120 — 121; **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 331.
- ³² См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 333; ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22.
- ³³ См.: **Димитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б.** Указ. соч. С. 85.
- ³⁴ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 99. Л. 5 об. — 6.
- ³⁵ См.: **Михайлова Р. Н. В.** Никольскĕн сывăх сынни [Родня Н. В. Никольского] // Хыпар. 2005. 28 дек.
- ³⁶ См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 63; ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 99. Л. 5 об. — 6.
- ³⁷ См.: Романов Кузьма Романович [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР : сайт. URL: <http://lists.memo.ru/index17.htm> (дата обращения — 10.10.2014).
- ³⁸ См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 63.
- ³⁹ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 11. Д. 6. Л. 113 об. — 114.
- ⁴⁰ См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 70, 350.
- ⁴¹ См.: Лесин Иван Николаевич [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР : сайт. URL: <http://lists.memo.ru/index12.htm> (дата обращения — 10.10.2014).
- ⁴² См.: **Ерагин Е. Е.** Указ. соч. С. 348. О том же автору статьи сообщено Н. П. Пантелеймоновым 28 января 2014 г. в г. Чебоксары.

и эпитеты: «Господи Правый, Благий, дай стать другим человеком — новым, не ветхим». Несмотря на то, что кончилось все, что когда-то было ценно для лирического героя, кончилась эпоха совместного творчества, кончилась жизнь с любимым человеком, финал стихотворения нельзя назвать безысходным. Обращение «Господи, помоги!.. / Помоги...» вселяет надежду...

Таким образом, «Послания к Анне», обозначившие новый поворот во внутреннем и душевном состоянии поэта, свидетельствуют о существенных изменениях в характере лирического героя, способствуют утверждению высоких нравственных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Кокшенева К. А.** Смородин Константин Владимирович // Культурная элита : энцикл. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 173 — 174 (сер. Мордовия, XX век).
- ² См.: **Васильев Н. Л.** Смородин Константин Владимирович // Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 340.
- ³ См.: **Степин С. Н.** Концепция судьбы в лирике Константина Смородина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 143 — 149.
- ⁴ **Мельникова М.** Константин Смородин — вечный «Странник» в пути // Изв. Мордовии. 2011. 8 сент.
- ⁵ **Петрухин В.** Памятник любви // Вечерний Саранск. 2013. 6 нояб.
- ⁶ **Смородин К. В.** Послания к Анне : стихи. Саранск, 2013.
- ⁷ Там же. С. 146.
- ⁸ Там же. С. 150.
- ⁹ Там же. С. 161.

Евгений Николаевич Бикейкин, кандидат философских наук, доцент,
Татьяна Юрьевна Задкова, кандидат исторических наук
(г. Саранск)

«ЧТО ВОЙНА?.. КУПЦЫ ПРОТОРГОВАЛИСЬ, А С НАС ШКУРУ ДЕРУТ...»*

Восприятие войны и образ врага в воспоминаниях участников Первой мировой войны – уроженцев мордовского края

Восприятие войны и психология солдата зависят от многих факторов: от менталитета, социального положения военнослужащего, уровня его образования и культуры, национальной и религиозной принадлежности, уровня военной подготовки и обучения, непосредственного служебного статуса в армии, личностных психологических качеств (устойчивость к стрессам, характер, темперамент) и т. д. В случае же с Россией важнейшим детерминантом является то, что большая часть солдат — выходцы из крестьян. Именно российский крестьянин в солдатской шинели, который, с одной стороны, был вынослив и неприхотлив, отважен (на грани безрассудства) и смекалист, привык стоически переносить тяготы и невзгоды, часто фанатично религиозен, а с другой — забитый многовековым, по сути, рабством, неграмотный или полуграмотный, с ограниченным кругозором, мало что видевший кроме повседневного быта провинциальной российской глубинки,

из века в век нес основные тяготы многочисленных больших и малых войн. Не стала исключением и Первая мировая война. Однако, пожалуй, определяющей сознание и поведение является среда, в которой оказался человек. Согласитесь, что не каждому в жизни удается побывать в зоне боевых действий, где ваша жизнь постоянно находится под угрозой, вам часто приходится менять местоположение, работать на пределе возможностей, терять близких товарищей и заставлять себя бежать вперед, в то время, когда вам в спину дышит смерть.

В этом отношении Первая мировая война — один из наиболее кровопролитных и разрушительных конфликтов в истории человечества. Она «вызвала во всех воевавших странах такие внутренние изменения — социальные, психологические и культурные, которые провели резкую грань между обществом XX в. и предшествующих столетий»¹. Эта война была призвана объединить страну для ре-

шения серьезных задач защиты государственности, результатов истории Российской империи, но лишь усугубила глубокий внутренний раскол.

Разработка спорных моментов истории Первой мировой войны невозможна, на наш взгляд, без анализа последствий войны, в первую очередь ментально-культурных и социально психологических. Исследование трансформации психологии солдата занимает в этом ряду особое место, поскольку именно солдаты стали ведущей движущей силой революции и Гражданской войны, ставшими кульминацией трагических для России событий начала XX в. Знание особенностей восприятия войны, формирования и проявления психологии российского солдата поможет понять глубинные истоки ментально-культурного кризиса российского общества начала столетия.

Методология исследования психологии солдата, трансформации его ценностных ориентаций и поведения в экстремальных условиях, угрожающих его жизни и здоровью, достаточно неплохо разработана учеными

* Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 26.

различных специальностей. В отечественной историософской литературе в наиболее полном и законченном виде она представлена в трудах Е. С. Сениавской². В качестве социально-философских и социально-психологических методологических ориентиров использованы наработки, представленные в работах Е. Н. Бикейкина, посвященных философии кризиса и кризисного сознания³.

Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о войне и мире, врагах внешних и внутренних, психологическом состоянии солдат: периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам; боевые донесения и доклады; источники личного происхождения — письма, дневники, воспоминания. В данном случае нас интересовал третий вид источников, а именно воспоминания непосредственных участников войны, уроженцев мордовского края, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и часто противоречивший первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт.

Необходимо отметить, во-первых, малочисленность воспоминаний. В нашем распоряжении имеются мемуары девяти участников Первой мировой войны, введенные в научный оборот, — Г. С. Баранова, И. В. Болдина, П. Дружинина, И. С. Евстафьева, Ф. Г. Матюшкина, Д. Радаева, С. А. Цыганкина, И. А. Чичаева и Р. Гуля, а также фронтовая поэзия З. Ф. Дорофеева, отражающая художественно-образное восприятие войны. Но даже эти материалы не все оказались полезными для нашего исследования в силу специфики содержащейся в них информации. Во-вторых, мемуары создавались спустя значительное время после окончания войны, когда появились устойчивые оценки данного периода

отечественной истории, а авторы прошли большой жизненный путь от полуграмотных солдат до партийно-государственных и военных деятелей, а поэтому содержат уже несколько искаженную, обработанную под влиянием пропаганды, приобретенного жизненного опыта, особенностей трансформации человеческой психики и памяти информацию. Указанная специфика источниковой базы учитывалась нами при написании статьи.

По мнению Е. С. Сениавской, «образ войны в широком смысле включает в себя и собственный образ, и образ врага. Здесь же и представления о ее характере и масштабах, и о соотношении сил, и, безусловно, о перспективах, которые, как правило, видятся благоприятными для себя и неблагоприятными для противника (в противном случае, если не надеяться на победу, то войну бессмысленно и начинать). Но на то же рассчитывает и противник!»⁴. Представления о войне конкретизируются непосредственно пережитым и увиденным, а их основой становятся ежедневные тяготы войны, фронтовой быт, жертвы, участие в схватках с противником. Абстрактные патриотические идеи, хотя и сохраняются, все больше отодвигаются на второй план, особенно если не вполне ясен смысл войны. И снова наиболее ха-

рактерна в этом отношении Первая мировая война, в которой ни цели сторон, ни интересы огромных масс воюющих не были вполне определенными.

Любая война начинается задолго до ее объявления, и этому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами. Пропаганда каждой из сторон — участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации⁵.

Однако официальные источники формирования образа войны и врага были не столь очевидными для будущих солдат, особенно в провинции, и, по всей видимости, не отражали реального положения дел. Несмотря на начало войны и первые мобилизации, провинция продолжала жить повседневной жизнью, а будущие призывники отличались беспечностью и даже бравировали по поводу возможного участия в боях. Федор Григорьевич Матюшкин, участвовавший в войне в 1916 — 1917 гг., вначале рядовой, а затем заместитель младшего унтер-офицера 137-го запасного полка (г. Пенза), так описывал это предпривычное состояние: «...В мае

*Молебен по случаю вступления России в Первую мировую войну. Июль 1914 г.
(источник: Пенза. Листая старый альбом. Фотографии 1900-х — 1920-х гг. Пенза, 2013)*

месяце 1916 г. и я был мобилизован в царскую армию, о мобилизации нашего возраста было объявлено за месяц раньше до призыва. Нас, рекрутов, в селе было сорок девять человек. ...По воскресным дням, а иногда и по вечерам хороводничали с девушками, молодость, она свое требует, хочется поговорить с хорошенькой девочкой, обласкать ее, а таких мордочек в селе было немало... Обычно в то время в деревнях во время прогулки рекруты собирались на площадях села или же возле девушек, пели вместе с ними песни, играли на гармошке, а иногда и пускались в пляс, а вокруг них собралось много граждан, особенно детворы»⁶.

Несмотря на такой оптимистический настрой, все же осознание смертельной опасности не покидало рекрутов: «...Идет кровопролитная война и задумаешься: скоро призыв, а там в солдаты, угонят на фронт, может, и не вернешься в живых, на фронте всякое бывает: и калечат, и убивают»⁷. Осознавая это, призывники старались скрывать подобные настроения, а помогали им гармошка, гулянья и девушки. Мемуарист так высказывался по данному поводу: «Уговоришь своих товарищей гармошку в руки взять, и с песнями ходим вдоль улицы. Девушки нам сочувствовали и даже жалели нас»⁸.

Воспоминания Р. Гуля о начавшейся мобилизации, наоборот, отличается пессимизм. «А еще через ночь в керенскую почтовую контору пришла весть о неожиданной войне. Перед дедовым домом площадь запружена крестьянскими лошадьми всех мастей и отмастков; телеги отпряжены, меж ними гурьбой ходят парни с гармоньями, отчаянно кричат песни. Это всеобщая мобилизация. Над площадью разрастается звериный, неистовый бабий плач. ...Жалобные вскрики солдаток, плач детей, вой гармоний, все стоит душу

ломающим гомоном. ...в Керенске никто не хочет и не понимает войны»⁹.

В то время вся гамма чувств населения проявлялась и отражалась в народном творчестве. Например, новобранцы и девушки сочиняли частушки, весьма ярко характеризующие как пессимистические, так и оптимистические настроения, присутствовавшие в массовом сознании по поводу войны. В частности, Ф. Г. Матюшкин приводит две такие частушки¹⁰.

Первая — сочиненная и исполняемая девушками и отражающая пессимистические настроения в обществе и страх перед войной:

*Рекрутики, рекрута,
Майские цветочки.
Вы гуляйте, рекрута,
Последние денечки.*

И дальше:

*Вас погонят новобранцев,
На германскую войну.
И покосят новобранцев,
Как зеленую траву.*

Вторая — сочиненная и исполняемая новобранцами, фиксирующая чувства оптимизма в настроениях мужчин:

*У большой дороженьки,
Стоит круглая сосна.
А под этой под сосенкой,
Плачет милая моя.
Ты не плачь, моя милая.
Ты не плачька обо мне.
Ведь не каждого солдата,
Убивают на войне.*

Первое отрезвление и осознание страшных последствий войны пришло с вестями о гибели односельчан. Ф. Г. Матюшкин приводит показательный случай: «После жалобных и трогательных песен и частушек у многих женщин появлялись на глазах слезы. Да и на самом деле не было такой семьи, чтобы кто-нибудь из родных не находился на фронте. Кроме того, каждый день получали вести с фронта об убитых, без вести пропавших и искалеченных.

Помню, был такой случай:

День престольного праздника Николы ...мы собрались на церковной площади ...вся молодежь ходила на массовое гулянье. Пока собиралась молодежь, мы пели песни, играли на гармонике, народу собралось очень много и вот вдруг около почтового отделения, которое находилось недалеко от церковной площади, поднялся шум, женские вопли с криками:

Построение войск перед боем

(источник: Пенза. Листая старый альбом. Фотографии 1900-х — 1920-х гг. Пенза, 2013)

„У-би-ли! убили!! убили!!!“. Мы все побежали туда. Начальник почтового отделения читал извещение, полученное с фронта, в котором указывалось, что христолюбивый воин из села Кузоватово Сенгилеевского уезда Симбирской губернии Бояркин Дмитрий Денисович на поле брани живот свой положил за веру, царя и Отечество, против иноземных врагов. Дети его до совершеннолетнего возраста будут обеспечены пенсией от государя самодержца всея России. В этот же день такие аналогичные извещения были получены и на других крестьян. Эти извещения произвели на нас ошеломляющее впечатление. Наши песни и гармошка замолкли, ребята приуныли»¹¹.

О потерях среди солдат и реакции на это в тылу пишет Р. Гуль: «Пришли тяжелые известия: старшему Сбитневу оторвало ногу, он лежит в Царском Селе в лазарете, а в евлашевской ночной избе потихоньку плачет его баба. Конопатский Крушинин убит далеко от Конопати, под Танненбергом, на селе даже не знают, где это? Весельчак, балагур мирской пастух Кротков попал в плен к австрийцам, смольковский Воробьев уплыл с войсками во Францию, а поповская старая стряпка Дарья получила от сына из окопов Галиции письмо, кончавшееся „ны... ды... ты“, и сразу догадавшись, что это „наше дело труба“, с какой-то даже странной радостью долго всем об этом рассказывала»¹².

Несмотря на присутствие пессимизма, в сознании рекрутов и солдат оставалось место и для чувства патриотизма и ответственности за судьбу родины. Наиболее ярко и художественно образно это видно в поэтическом творчестве Захара Федоровича Дорофеева — одного из основоположников мордовской художественной литературы, участника Первой мировой войны, которую он воспринял как «кровавую бойню», устроенную «царем войны Сатаной».

В стихотворении, написанном им в 1914 г., поэт так выразил свои впечатления о начавшейся мировой трагедии:

*Были светлые дни,
Да промчались они
В бесконечную даль.
За горами в лесу
Подняла смерть косу
И забрызнула кровь.
Стон, и крик, и слеза,
Как ночная гроза,
Посетили мир вновь.
Там в окопах, в строю,
Там в упорном бою
Обагрилася сталь.
От пальбы и стрельбы
Вырастают гробы —
Русь любимую жаль»¹³.*

А вот отрывок из фронтового стихотворения, написанного З. Ф. Дорофеевым в 1916 г.:

*...Мы шли в поход, когда
с зарею
Сходила ясная заря,
Брели оврагом и горою
Друг с другом тихо говоря...
Мы шли в поход, когда
так душно
Бывает всюду пред грозой,
И шли уверенно, послушно
На смерть за милый край
родной»¹⁴.*

И еще отрывок из стихотворения 1916 г.:

*...Иду... зачем? И ты
не знаешь?
Но знаю я, что не вернусь.
Напрасно горестно рыдаешь...
Иду я умирать за Русь»¹⁵.*

Приведенные строки разных лет говорят о том, что чувства патриотизма, любви к Родине, ответственности за ее судьбу, без сомнения, присутствовали в сознании солдат, прошедших долгий и тяжелый боевой путь, особенно на начальном этапе войны. А образ Родины, большой и малой, противопоставлялся образу войны и врага. Война воспринималась как освободительная и справедливая.

З. Ф. Дорофеев. 1914 г.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении воспоминаниям, для призывников важным источником информации о войне, о ситуации на фронте, о неприятеле стали фронтовые письма, а также рассказы солдат, побывавших на фронте. «Наступил долгожданный день, когда был объявлен приказ об отправке маршевых рот на фронт. Солдаты приводили в порядок свое обмундирование, лишние вещи продавали на „толкучке“, писали письма к своим родным, в них сообщали, что скоро будут воевать с германцами. Старые солдаты, побывавшие на фронте, рассказывали нам об ужасах войны, о преимуществе германской военной техники и о том, что много погибает солдат от отравляющих веществ», — вспоминал Ф. Г. Матюшкин¹⁶.

Образ врага постепенно стал приобретать конкретные очертания. В целом же «проблема восприятия противника, отношения к нему является частью более широкой историко-психологической проблематики „мы и они“, „свой-чужой“»¹⁷. Особый интерес вызывают характеристика боевых качеств неприятеля, сравнение различных армий и т. д. В условиях

войны, как правило, отношение к чужому преимущественно или полностью негативное. Однако в случае с Первой мировой войной российские солдаты, оценивая, например, боевые качества противника, приоритет отдавали немцам. «В начале февраля месяца наш батальон производил разведку с боем, но эта разведка для нашего батальона обошлась очень-очень дорого, почти половину состава мы оставили на поле боя. Причина провала разведки с боем заключалась в том, что командование полка не было осведомлено, что впереди нашего полка стояли не австрийские части, а германские, которые заменили австрийцев. Кроме того, была очень слабая артиллерийская подготовка. Вследствие этого не были подавлены и уничтожены основные огневые точки противника, я имею в виду пулеметные. В результате чего батальон дошел только до проволочного заграждения противника и залег под губительным пулеметным и артиллерийским огнем противника и только с наступлением ночи отошел обратно к своим окопам», — так описывал Ф. Г. Матюшкин уровень командования войсками и просчеты в разведке русской армии¹⁸.

Р. Гуль пишет о первой встрече с немецким снайпером. Подразделения снайперов тогда только еще входили в боевую повседневность. «Я смотрю в бинокль на немецкие окопы. Меж нами расстояние с версту. ...Среди дня оттуда нет-нет да свистнет пуля, а в одном колене нашего окопа нельзя пройти: какой-то немец установил стукач и как только появляется русский, он стреляет. Отличный стрелок, вероятно, часами сидит, карауля появление нашей „движущейся мишени“; он уже ранил двух; но теперь мы углубили окоп и за стукачом он просидит зря»¹⁹.

С образом войны и врага очень тесно взаимосвязан образ русской армии. При этом у призывников складывалось устойчивое негативное вос-

приятие русской армии. В очередной раз основным источником его формирования были старые солдаты и слухи. «Огромные человеческие жертвы, палочная дисциплина, мордобитие, оскорбление и унижение, про которое рассказывали старые солдаты, служившие в рядах царской армии, не радовали нас, новобранцев», — вспоминал Ф. Г. Матюшкин²⁰.

Однако рассказы бывалых вояк и слухи впоследствии во многом подтвердились. «Военная служба в царской армии, — пишет Ф. Г. Матюшкин, — а особенно в период войны, была очень тяжелая, солдат был всегда под угрозой, он не имел никаких прав, его били, наказывали дисциплинарными взысканиями, его оскорбляли и унижали, особенно трудно было солдатам из национальностей. ...Дисциплинарные взыскания были для солдат очень тяжелые, за малейший проступок он подвергался жестокому наказанию: под винтовку, на гауптвахту и плюс к этому получал пощечину. Кроме всего этого, его всячески оскорбляли и унижали, особенно солдат нерусских национальностей. Их называли инородцами, давали им оскорбительные клички: противная твоя мордовская морда,

*Сергей и Роман Гуль
в годы Первой мировой войны*

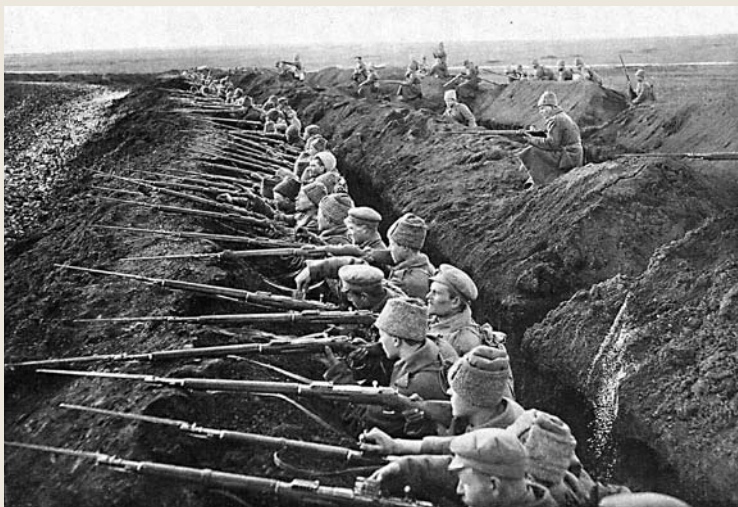

татарская рожа, слепая чувашская образина, башкир называли потомками Чингис-хана, украинцев — хохлами, евреев — жидами и т. д. Даже по месту жительства солдат носил кличку. Так, например, солдата из Симбирской губернии называли лапотником, Пензенской — толстопятым, Тамбовской — труболетом, Курской — соловьем, Владимирской — богомазом, Рязанской — толстобрюхом и т. д. Все эти клички создавали у солдат большую ненависть к царскому режиму»²¹. Подобное отношение к солдату сказывалось не только на его политических взглядах, но и на боевом духе, более того, «убивало» чувство патриотизма.

О том, что впечатления о военной службе у солдат сложились весьма негативные, говорит и И. С. Евстафьев: «Воевали мы плохо, часто не хватало патронов и для артиллерии снарядов. Плохой был командный состав, даже у нас командир дивизии был немец Фельдман. Была и измена, благодаря которой все сначала нами завоеванное отдали обратно австрийцам, и отошли мы за свои старые границы»²².

Образ войны и образ врага — категории динамичные. И у каждого человека, и у армии, и у общества в целом он менялся под влиянием множества факторов. Прежде всего факторов восприятия. Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляло почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре. Так, под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека²³.

Затяжной характер войны привел к изменению настроений среди солдат, к падению дисциплины на фронте.

Ожидание атаки. 1915 — 1916 гг.

(источник: Пенза. Листая старый альбом. Фотографии 1900-х — 1920-х гг. Пенза, 2013)

Начало этому было положено перебоями в снабжении армии вооружением и боеприпасами. К тому же к 1917 г. среди фронтовиков накопилась усталость от войны. «Перед Февральской буржуазно-демократической революцией в 1917 г. среди солдат часто можно было слышать вопросы: „Скоро ли кончится эта проклятая война? За что мы проливаем кровь? Когда наступит мир?“. Были попытки братания с немецкими солдатами, но офицерский состав запрещал это делать, даже были случаи, когда солдаты обеих сторон собирались между проволочными заграждениями для братания. Реакционно настроенные офицеры давали артиллеристам приказания открывать огонь из орудий по тем местам, где солдаты собирались для братаний», — описывал изменение отношения русских солдат к противнику Ф. Г. Матюшкин²⁴.

О широком размахе братания и дезертирства говорит в своих воспоминаниях и И. В. Болдин: «Следует сказать, что характерное для других фронтов было и у нас. Все острее становились протесты против войны, все чаще повторялись случаи дезертирства. Некоторые части отказывались стрелять, ходить в атаку. Как всюду, так и у нас происходило братание солдат»²⁵. Р. Гуль

описывает случай братания русских и немецких солдат, произошедший на Юго-западном фронте осенью 1917 г. «Фельдшер Бешенов, запыхавшись, вбегает в землянку, огляделся, нет ли кого и задыхающимся полуголосом шепчет: „Господин прапорщик, на участке... братанье“. Я выбегаю, выпрыгиваю наверх окопа и вижу — по всему участку полка из окопов вылезают солдаты, бегут к проволочным заграждениям, лезут через них, бегут дальше по месту боев, крови, по ничьей земле, к уже стоящей возле немецких проволочных заграждений кучке наших солдат. В подаренный Богачевым „цейс“ я вижу ясно и их и вылезавших из окопов немцев в стальных касках. ...В пространстве ничьей земли уж толпится наших человек двести; видно, как они прикуривают у немцев, разглядывают друг друга, смеются и вдруг кто-то из русских что-то закричал, заговорил, размахивая руками... И в их чувствах есть та простая сказочная русская правда о том, что людям вообще никогда не надо воевать и что земли на всех хватит и вся она Божья... ...Я выбегаю из землянки, выпрыгиваю наверх окопа, гляжу. Теперь уже все поле покрыто безоружными солдатами. Немцев немного, но наших — толпы, тучи. В „цейсе“ я различаю: в руках мно-

гих русских газеты, вижу смеющиеся лица, вижу, какой-то наш, в развевающейся по-ветру шинели, схватился бороться с немцем и, закружившись с ним, под общим хохот брякнул его, повалил наземь»²⁶. Таким образом, можно обнаружить невольное сравнение себя с противником, присутствие элементов сочувствия к вражеским солдатам.

Появились случаи отказа солдат идти в наступление. «Наша саперная рота находилась при дивизии. Вскоре в дивизию приехал Керенский. Выступает перед солдатами дивизии и призывает их вести войну до победного конца и готовиться к генеральному наступлению. Но Керенский не ожидал, что гвардейцы откажутся от наступления: „Не для этого мы совершали революцию, — заявляют солдаты-большевики, — чтобы продолжать войны. Нам чужой земли не надо, у нас много у помещиков, но и своей земли врагу не отдадим. Война нужна для капиталистов, а нам от этого легче не будет. Мы сами построили свою жизнь без капиталистов. Мира нам надо, а не войны“. Не помогла ему его агитация, не пошли гвардейцы в наступление», — так описывал изменение отношения солдат к войне после революции С. А. Цыганкин²⁷.

Трансформировались и настроения призывников. Вот как об этом рассказывает И. А. Чичаев: «Поздней осенью 1916 г. меня назначили сопровождать на фронт очередную маршевую роту. ...Любопытно, что в дороге будущие фронтовики вели себя как рекруты — веселились, пели, буянили, стараясь заглушить грызущую тоску и страх перед возможной гибелью на фронте. А некоторые угрюмо молчали, не обращая внимания на окружающих. Обязательное в тылу чинопочитание и отдавание чести намеренно не соблюдали. Офицеры делали вид, что не замечают этой вольности, боясь нарваться на неприятность»²⁸.

Сохранилось свидетельство Ф. Г. Матюшкина об изменении морально-волевого облика будущих фронтовиков: «Через несколько дней после отправки молодых солдат на фронт в полк стал прибывать новый контингент мобилизованных людей. Это были белобилетники, ратники и ополченцы, раненые из выздоравливающих команд и другие. Они были разных возрастов от девятнадцати и до пятидесяти лет. Военные занятия с новым пополнением проводить было гораздо труднее, чем с новобранцами. У этих людей дома остались семьи, хозяйство и т. д. Командный состав всячески старался поднять их настроение. Заставляли их петь песни, проводить строевые занятия под военный духовой оркестр, но из этого ничего не вышло. Занимались они очень вяло, лица у них были хмурые и еле-еле таскали ноги. Офицеры принимали всякие меры, чтобы заставить их стричь бороды, но и это им не удалось. Разве можно было в то время заставить деревенского мужика расстаться со своей бородой? Он считал это большим унижением и оскорблением. Некоторые из них говорили: „Вот когда командир полка Стельмашенко острижет себе бороду, тогда мы еще подумаем“. Если над молодыми солдатами офицерский и унтер-офицерский состав издевались так, как это позволял произвол царского режима, и все это происходило гладко и безнаказанно, то с новым пополнением солдафонство приняло иной оборот, были случаи, когда солдат-бородач давал сдачу своему унтеру и даже офицеру, если тот или другой позволяли заниматься рукоприкладством. Правда, за это солдата судили военно-полевым судом и отправляли на каторжные работы и штрафные роты, но эти факты имели место»²⁹.

Изменились и настроения в тылу. Причем тыл и фронт в вопросах формирования тех или иных настроений

напоминали «сообщающиеся сосуды», т. е. между ситуацией в тылу и на фронте прослеживается взаимосвязь, и причины тому лежат в том числе в области психологической. В тылу, как и в армии, моральный и политический престиж монархии упал. Кругом царили взяточничество, казнокрадство и продажность. Обострилась ситуация на продовольственном рынке. Не лучше было и положение с топливом. И. А. Чичаев, побывавший проездом с фронта в 1917 г. в Москве, так описывал сложившуюся обстановку: «Из бесед узнал много интересного. Положение на фронте, рассказывали друзья, с каждым днем ухудшалось. Русская армия терпит поражение, отступает, несет большие потери из-за плохого руководства бездарных генералов. В армии не хватает оружия и обмундирования. Процветают воровство, приспособленчество, карьеризм. В тылу — развал, злоупотребления, взяточничество. Промышленность и железнодорожный транспорт работают с перебоями. Сельское хозяйство приходит в упадок, ощущается недостаток рабочих рук, посевная площадь сокращается. Начались перебои в снабжении городского населения продовольствием, некоторые продукты исчезли из магазинов, цены растут, у булочных выстраиваются длинные очереди. Все это вызывает широкое недовольство, на предприятиях вспыхивают и ширятся забастовки. Царя открыто критикуют во всех кругах как бездарного и слабовольного правителя»³⁰.

Отношение к войне изменилось не только у солдат, но и у офицерского состава. Офицеры, принимавшие реальное участие в боевых действиях, видевшие всю трагедию российской армии, что называется изнутри, не были склонны видеть в ней ничего героического. Более того, скептическое и даже негативное отношение к войне росло изо дня в день. Так же, как и простые солда-

ты, офицеры высказывались о ненужности войны, о том, что она выгодна только для отдельных личностей, получающих главные ее дивиденды — большое жалование и карьеру. В офицерской среде появилось мнение о непрестижности военной службы, а людей, попавших на фронт, стали воспринимать как неудачников.

В подтверждение приведем отрывок из беседы офицеров, участником которой стал Р. Гуль: «...Война, это вот что, — продолжает говорить Фатьянов, — прежде всего это глупость, именно глупость, всегда и во веки, хотя бы уж потому, что воюют-то ведь те, кто воевать совершенно не хочет, а те, кто говорят, что хотят воевать за родину и прочую ерунду, просто врут из трусости. Вдобавок эта глупость чрезвычайно скучная и неостроумная. Конечно, наш уважаемый верховный, генерал Корнилов, и все прочие генералы воюют с интересом, потому что это их профессиональный спорт, прекрасно оплачиваемый и, главное, довольно-таки безопасный. А посади ты самого, скажем, императора Вильгельма на четыре года в окопы, так на первом же году он, как миленький, станет за немедленный мир. Ведь когда мы читаем в газетах, что генерал Ренненкампф разбит в Восточной Пруссии, это вовсе не значит, что Ренненкампф разбит, это значит, что перебито превеликое множество безымянной скотинки в виде солдат и офицеров отчасти, а Ренненкампф продолжает процветать и командовать, то есть, заниматься тем же военным спортом и вести ту же самую, ему приятную жизнь. ...Это и есть война генералов. Если же ты дурак, лезь для Ренненкампфа головой в печь, но знай, что заслуживаешь только улыбку сострадания. Все это давно известно и вполне естественно и законно, умные едут на дураках, первых меньше, вторых больше. Но вот наши солдаты почувствовали, что

можно не воевать, что смертная казнь за дезертирство тю-тю, больше нет ее и теперь воевать они, конечно, не будут, и правильно, довольно дураков! Ведь Керенский ничего умного не ответил окопному солдату, который сказал, что он не хотел умирать за царя и не хочет умирать за демократию? Керенский ведь не бросится сам на немецкие штыки за демократию иль бросится? Я думаю, что все-таки едва ли, — резко смеется Фатьянов, оголяя плотные зубы, — и солдаты это великолепно понимают, что никто с ума не сошел и на штыки не бросается, что всякий человек „немного подловат“ и прежде всего хочет прожить свою собственную жизнь, а остальное все от лукавого. И вот наше с вами пребывание в окопах, поручик Юрко, — улыбается Фатьянов, — просто совершенно ничем умным неоправдываемо, кроме того, что мы с тобой быдло, бараны. И война твоя вовсе не псовая охота, это ты себя только улялякиваешь, создаешь, так сказать, вспомогательные конструкции, чтоб не убежать от страха с фронта. Помнишь, как в 15 году, в Карпатах, в отступлении, трупам так воняло, что нас с тобой рвало? Вот это и есть война! И тебе через четверть часа попадет немецкая пуля в кишки, куда-нибудь поглубже, и будешь ты, Юрко, отвратным голосом орать, просить пить, лепетать всякие нежности о маме, а потом ослабишься и под этим солнцем так засмеришься, что тебя поторопят где-нибудь поскорей прикопать. Чего ж тут „прекрасного“? Не трепись, пожалуйста, а скажи прямо, как вот я, мол, что всему этому военному небу, осеннему лесу и мужеству резких чувств я предпочитаю просто-напросто отпуск в Каменец-Подольск к тамошним хорошеньким девочкам»³¹. Необходимо отметить, что, конечно, так думали не все офицеры поголовно. Однако приве-

денный отрывок говорит о появившихся тенденциях в восприятии войны и военной службы.

Впрочем «угнетенное настроение» постепенно зрело в армиях всех воевавших государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, росло озлобление против «виновников войны». Вопрос в том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Чем хуже шли дела на фронте, тем сильнее стал проявляться образ врага внутреннего. Врагами для солдат стали не только немцы, а также люди, на которых ложилась полная и безраздельная ответственность за то, что происходило в стране и на фронте, вина за поражения, беды и несчастья. Этими людьми являлись Николай II и Григорий Распутин. «Ночью начался спор между офицерами. Я хорошо слышал, как штабс-капитан Сухобоков высмеивал Николая II, как главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

— Кто назначил царя главверхом? Конечно, сам Распутин, — на весь вагон кричал Сухобоков, — этот авантюрист и темный делец пользуется большим влиянием при дворце. Для чего он отправил Николая в ставку? Для того, чтобы Николай не мешал ему творить темные дела, управлять Россией так, как ему захочется. А какой главнокомандующий выйдет из Николая? Если его дядя Николай не мог командовать всеми вооруженными силами, то царь тем более не справится этой большой и ответственной задачей. Он же мало разбирается в военном искусстве. Офицеры еле-еле успокоили штабс-капитана»³².

Еще более интересные подробности мемуарист узнал от случайного попутчика, ехавшего до станции Нежин. «Мы очень много новостей узнали от этого гражданина. Он нам рассказал о событиях на фронте и в тылу, он нам рассказал, почему царская армия терпит поражение на

фронте. Бывший военный министр Сухомлинов являлся немецким шпионом, он вместе с женой Николая II и другими придворными чиновниками работали в пользу германского командования, срывали снабжение армии боеприпасами и продовольствием, что обрекало русскую армию на поражение, а сотни тысяч солдат на гибель. Вот почему прошлый год Сухомлинов под давлением правительственных кругов и общественного мнения союзников Англии и Франции был снят с поста военного министра и был заключен в Петропавловскую крепость, но по настоянию Распутина и царицы, его перевели под домашний арест. При царском дворце орудует пройдоха Гришка Распутин, под влиянием которого находится и сам Николай II»³³. Попутчик оказался антиправительственным агитатором. «Придет время, когда русские солдаты повернут свои штыки против своих буржуев и помещиков, против царя и его правительства, а немецкие солдаты против своей буржуазии и против кайзеровского правительства, тогда установится как в России, так и в Германии народная власть, и кончится эта братоубийственная война, установится справедливый мир», — воспроизводил слова агитатора Ф. Г. Матюшкин³⁴.

Доставалось «по первое число» не только царям и свите, но и «богатеям» и «попам». Этот образ врага З. Ф. Дорофеев выразил в своем стихотворении 1916 г.:

*В эти мрачные
мутно-туманные дни,
Дни, когда говорят
только пушки,
Богачи зажигают
в лампадах огни
И справляют лихие пирушки...
В эти скорбные, грустные,
хмурые дни,
Дни, когда тыл читает
молитвы,*

Ты, товарищ, меня не забудь,
вспомяни,
Что я тоже молюсь
среди битвы.
Но молитвы мои —
не хваленья богам,
А любовь к своей
милой России,
В них проклятья я шлю
и царям и попам
Над волнами кровавой
стихии³⁵.

Также плохо сказывалось на психическом здоровье нарушение привычного ритма жизни (недосып, недоедание, постоянные ранения, обморожение и т. д.). «К тяжелому кошмару кровопролитной войны присоединились и материальные лишения. В окопах у солдат изнашивалось обмундирование, часто отсутствовала горячая пища, не хватало хлеба, окопные паразиты и т. д. Все эти ужасы войны и дикий произвол офицерского состава порождали дезертирство... Некоторые солдаты бежали с фронта, сдавались в плен, производили самострелы, чтобы попасть в лазарет. Тяжелое положение солдат становилось невыносимее из-за самодурства офицеров. Мордобой и угроза преследовали солдат на каждом шагу. На фронте были даже такие случаи, когда за малейшую провинность офицеры ставили солдат под ружье на брустверах и немцы не стреляли по ним. Они знали, что на бруствере стоит солдат под ружьем за „провинность“, — описывал условия жизни солдат Ф. Г. Матюшкин³⁶. Именно в этой повседневности солдатского быта наиболее ярко проявляются закономерности, общие черты человеческой психологии, — независимо от того, на какой войне, в какой армии, на чьей стороне человек воюет.

Жестокое отношение офицеров к солдатам, неуставные отношения привели к тому, что офицерство стало частью «бытового» образа внутреннего врага. Офицеры пытались под-

нять боевой дух и поддерживать дисциплину патриотическими призывами, однако авторитет офицеров был настолько низким, что солдаты стали выказывать неуважение к ним весьма оригинальными способами. Один из таких способов описал Г. С. Баранов: «После присяги на верность Временному правительству, буржуазии и помещикам, помещик Тамбовской губернии, начальник дивизии генерал Тумский пошел на позицию по ротам поднимать патриотический дух солдат, проповедовать продолжение войны до разгрома немецкой армии. Мы, телефонисты штаба, предупредили встретить Тумского по-солдатски. В окопах уборных не было, солдаты испражнялись тут же в окопах и своей шанцевой лопаткой выбрасывали испражнения наружу. После кратких бесед Тумский и его небольшая свита уходили по окопу дальше, а за ним с маленьких солдатских лопаток летели солдатские „гостинцы“. Солдаты облепили его и его свиту достаточно. Следствие по делу не дало никаких результатов, солдаты все заявили, что ничего не знают. Таков был солдатский ответ на намерение продолжать империалистическую войну до победного конца. Чучело в генеральском мундире Тумский не перенес солдатский ответ и сбегал из дивизии, слухи были, что он уехал во Францию»³⁷. Данный эпизод свидетельствует еще и о том, что, несмотря на все лишения и тяготы войны, солдаты сохранили чувство юмора, хотя и своеобразное.

Разумеется, не всем солдатам встречались офицеры, вызывавшие исключительно негативные чувства. Р. Гуль, например, иначе относился к солдатам своей роты. Понимая психологическое состояние солдат, их тоску по дому и семьям, он старался поддержать их морально, идя даже на нарушение приказа командования. «А в перерывах, когда солдаты вольно толпятся, курят и, согреваясь,

наотмашь машут крест-накрест руками, я толкую с ними о войне и знаю, вижу, что этим бородачам-мужикам военная служба тяжка, что думают они не о ней, а о своих деревнях, хозяйствах, о бабах. Но этого я стараюсь как бы не замечать. Когда же во взводной колонне мы уходим с ученья и я приказываю песню, и песенники запевают уныло-тревожную „Вы послушайте, стрелочки“, не останавливая ее, я совершаю, в сущности, служебный проступок, ибо песня эта запрещена приказом командующего округом, как не возбуждающая воинских чувств.

Но в поле, в желтых снегах я один только и иду с ротой и я молчаливо разрешаю песню потому, что она единственная, которую солдаты любят петь. А любят потому, что выливают в ней свои подлинные чувства. Я же ее люблю оттого, что слушая подхватывающие, дробные крестьянские голоса заражаюсь их заунывным вдохновением.

*Вы послушайте, стрелочки,
Я вам песенку спою.
Я вам песенку спою,
Про службицу про свою.
Три мы года прослужили,
Ни о чем мы не тужили,
Стал четвертый наступать,
Стали думать и гадать.
Стали думать и гадать
Как бы дома побывать.
Как бы дома побывать,
Отца, мать повидать.
Отца, мать повидать,
С молодой женой поспать...»³⁸*

Война как кризисное состояние общества в его противостоянии внешним силам предъявляет к массовому сознанию особые требования. В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии и народа. А боевой дух в армии в ходе Первой мировой войны стал падать. Одновременно менялось отношение к самой войне. Она стала восприниматься как бесполезная. Иван Семенович Евстафьев вспоминал по этому поводу:

«Солдаты стали уже понимать, что ведущаяся старым царским правительством эта империалистическая война является бесполезной и даже для власти она была вредной и губительной. По всей армии солдаты стали отказываться идти в наступление, в частях не хватало патронов, снарядов и продовольствия для солдат армии. Снабжение оружием и продовольствием было очень плохое, в армии стало большое недовольство и брожение»³⁹. А вот другой пример негативного отношения к войне и военной службе, приведенный Ф. Г. Матюшкиным: «Когда я ехал сюда из выздоравливающей команды, один из солдат с иронией сказал поезднему кондуктору:

— Крути, Гаврила.

Тот ему ответил:

— Войй, дурила.

Возить буду!

*Вот вам цена солдата...»*⁴⁰.

По мере того, как война затягивалась, даже успехи русской армии перестали воодушевлять солдат. Ф. Г. Матюшкин приводит красноречивый пример, подтверждающий это: «...были такие солдаты, которые политически были хорошо развиты и не верили, что успех Брусиловской армии может создать перелом на всем протяжении австро-германского фронта в пользу русских. Был у нас во взводе рядовой солдат Самсонов... После одной из таких бесед, придя в казарму на обед и после принятия пищи, он завел разговор о наступлении Брусиловской армии на Юго-западном фронте:

— Наступление на австрийском фронте является временным явлением, потому что таких генералов, как Брусилов, на фронте очень мало...»⁴¹.

В результате Февральскую революцию на фронте встретили с большим восторгом. Р. Гуль так описывает эйфорию, царившую среди солдат его роты после получения известия о революции в Петрограде: «Со стены сорвали портрет царя, в клочья

топчут его сапогами, будто никаких царей никогда в России и не бывало. Солдаты ругаются, приплясывают, поют, словно накатило на них веселое сумасшествие, словно начинается всеобщее счастливое землетрясение. Еще вчера они даже не знали это трудное для мужицких губ слово, а сейчас кричат: „Ура, революция!!!“. И я, двадцатилетний республиканец, чувствую, как спадает моя радость, убитая совсем другой радостью солдат. Из офицеров я в бараке один, кругом меня хаос криков. „Урррраааа!!!“. „Да здрааав-ствуееет!!!“. И крики эти будто вылетают не из глоток, а из каких-то таких опьяняющих глубин, что того и гляди эта обезумевшая радость перехлестнет берега и все затопит. Это радость какой-то всеобщей распутицы, в которой тонут люди, лошади, телеги, и хоть все, может быть, и утонут, но сегодня всем почему-то очень радостно. У солдат сразу все стало иным; изменились лица, жесты, движения, голоса. Это другие люди. И это зрелище и захватывающе и страшно. Это, вероятно, то мгновение, которое называет революции великими»⁴².

Однако больше всего восторги вызвал не сам факт свержения царя, а перспектива скорого мира. «Войну долой! — пронзительно летят простуженные басы и тенора из соседнего барака. Мужики нюхом учуяли, что теперь без начальства война повалится под откос и они уже ближе к своей земле, к избам, к бабам и их общая радость так могуча, что ей не удержаться в бараках»⁴³. Похожее настроения в солдатской среде описывает и Ф. Г. Матюшкин: «Многие солдаты говорили: „Раз царя свергли, значит, скоро будет мир с Германией, разъедемся по домам к своим родным, получим землю и будем жить лучше, чем при царском режиме. Кроме того, установится мир на земле“. Но были солдаты с отсталым настроением, которые доказывали,

что без царя жить нельзя, что царь — это земной Бог. Бог на небе, а царь на земле. Но все эти враки были рассеяны, так как среди нас были политически грамотные товарищи, которые им доказывали, что царь — это война и нищета, тюрьма и ссылка, а война и нищета — смерть нашему брату, вот и выбирай, что лучше»⁴⁴. Из данного отрывка воспоминаний также видно, что солдатская среда в восприятии войны-мира и роли царя в жизни российского общества не была едина. Однако Февральская революция не принесла народу мир с Германией и Австро-Венгрией. Стабилизировать положение внутри страны коалиционному Временному правительству не удалось. Обстановка еще более накалилась после неудачного наступления русской армии на Юго-Западном фронте в июне 1917 г. Все это сказалось на психологическом самочувствии солдат и негативное отношение к войне резко усилилось.

Таким образом, образ войны и врага претерпел определенные изменения на «бытовом» и «глобальном» уровнях. На уровне глобальном образ войны постепенно трансформировался в сторону все более негативного ее восприятия. Война стала восприниматься как ненужная, бесполезная, не способная принести каких-либо выгод ни государству в целом, ни ее народу. Но при этом образ врага остался весьма устойчивым и, по сути, сохранился. Германия — главный враг. Однако с приходом физической и психологической усталости от войны недовольство перешло в революционное брожение, ненависть солдатских масс перекинулась с врага внешнего на «врага внутреннего», обрушилась на собственные правительства. Интересна трансформация образа врага на бытовом уровне, который изменился в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря — военнопленными и интернированными, неприятельски-

ми солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу. Множественность факторов существенно повлияла на большую «мобильность» именно бытового образа. Что касается образа Германии как врага, то он закрепился в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого «послевоенного синдрома».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Волков С. В. Забытая война [Электронный ресурс]. URL: <http://www.swolkov.org/publ.htm#list> (дата обращения — 20.06.2013).
- ² См.: Сенявская Е. С. 1941 — 1945. Фронтовое поколение : ист.-психол. исслед. М., 1995; Ее же. Человек на войне : ист.-психол. очерки. М., 1997; Ее же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Ее же. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006 и др.
- ³ См.: Бикейкин Е. Н. Кризис как переходное состояние социума (социально-философский анализ) // Общество. Культура. Управление : сб. науч. работ. М., 2001. С. 107 — 117; Его же. Феномен кризисного сознания // Регион: контуры безопасности и развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. : в 4 ч. / МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Саранск, 2001. Ч. 2. С. 8 — 12; Его же. Выхода нет? Проявления и последствия массового кризисного сознания // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 34 — 43; Бикейкин Е. Н., Яворская С. А. Кризисные состояния в развитии социокультурных систем: философско-методологические аспекты. Саранск, 2008 и др.
- ⁴ См. подробнее: Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке... С. 48 — 53.
- ⁵ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века... С. 62.
- ⁶ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. : сб. науч. ст. и док. / сост.: Е. Н. Бикейкин, В. А. Юрченок ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчenkova ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. С. 170 — 171.
- ⁷ Там же. С. 171.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Гуль Р. Конь рыжий [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/ RUSSLIT/GUL/horse.txt _ with-big-pictures.html (дата обращения — 07.11.2014).
- ¹⁰ См.: Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 171.
- ¹¹ Там же. С. 171 — 172.
- ¹² Гуль Р. Указ. соч.
- ¹³ Дорофеев З. Ф. Собр. соч. Т. 1. Стихотворения и песни 1908 — 1920 гг. Саранск, 1964. С. 163.
- ¹⁴ Там же. С. 182.
- ¹⁵ Там же. С. 191.
- ¹⁶ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 191.
- ¹⁷ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века... С. 8.
- ¹⁸ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 197.
- ¹⁹ Гуль Р. Указ. соч.
- ²⁰ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 172.
- ²¹ См. подробнее: Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 172 — 175.
- ²² Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. И-832. Л. 4 (далее — НА НИИГН).
- ²³ См.: Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века... С. 69.
- ²⁴ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 198.
- ²⁵ Там же. С. 162.
- ²⁶ Гуль Р. Указ. соч.
- ²⁷ НА НИИГН. И-251. Л. 134.
- ²⁸ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 260 — 261.
- ²⁹ Там же. С. 183.
- ³⁰ Там же. С. 261.
- ³¹ Гуль Р. Указ. соч.
- ³² Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 192.
- ³³ Там же. С. 193.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Дорофеев З. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 193.
- ³⁶ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 198.
- ³⁷ НА НИИГН. И-725. Л. 17.
- ³⁸ Гуль Р. Указ. соч.
- ³⁹ НА НИИГН. И-832. Л. 4.
- ⁴⁰ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 189.
- ⁴¹ Там же. С. 188.
- ⁴² Гуль Р. Указ. соч.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. С. 199.

Павел Сергеевич Учватов,
аспирант отдела истории
(г. Саранск)

«ВРЕДИТЕЛИ» И «ВРАГИ НАРОДА» СНК Мордовской АССР в период репрессий 1937 – 1938 гг.

Большой террор 1937 — 1938 гг. стал одной из наиболее трагических страниц в истории нашей страны. Затронувший практически все регионы, террор не обошел и Мордовскую АССР.

Данная тема отражена в многочисленных научных трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, массовые репрессии в российской провинции 1937 — 1938 гг. изучают немецкие ученые М. Юнге, Б. Бонвеч и Р. Биннер¹. Французский ученый Н. Верт рассматривает проблему репрессий в своей монографии «Террор и беспорядок. Сталинизм как система». Исследователь приходит к выводу, что «Большой террор» был кульминацией осуществлявшегося в стране масштабного мероприятия по социальной инженерии, а его отправной точкой стало проведение насильственной коллективизации². На уровне Мордовии в постсоветские годы были изданы посвященные репрессиям труды В. К. Абрамова, В. С. Ивашкина, А. П. Солдаткина, А. Н. Чекушкина, В. А. Юрчёнкова и других ученых³.

Основой массовых репрессий против партийной и хозяйственной эли-

ты страны стал февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. На нем подчеркивалось, что по всей стране развернули вредительскую деятельность «враги народа», «троцкисты» и «шпионы», которым удалось проникнуть на самые высокие партийные и советские должности. «Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные. Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты», — говорил И. В. Сталин 3 марта 1937 г.⁴

Совет Народных Комиссаров (далее — СНК) Мордовской АССР оказался непосредственно затронут репрессиями. Аресты его членов и сотрудников аппарата начались еще до основной волны террора, прошедшей летом — осенью 1937 г. Так, одним из первых был арестован нарком финансов В. А. Ляхов, объявленный «польским шпионом»⁵. В марте 1937 г. органами НКВД был

арестован управляющий делами СНК И. Т. Огин⁶.

По мере того, как раскручивался маховик репрессий, число арестов среди наркомов и других руководящих работников исполнительно-распорядительных органов и аппарата СНК увеличивалось. Подверглись аресту бывший начальник Управления НКВД по МАССР В. М. Ванд, начальник Управления по делам искусств при СНК П. В. Галаев, нарком просвещения Н. Н. Важдаев (Вождаев), нарком земледелия И. С. Еремеев, нарком здравоохранения К. Д. Рыскин, нарком коммунального хозяйства П. Д. Смирнов, нарком местной промышленности Ф. Т. Ефремов, заместитель наркома земледелия С. Н. Шиповский, начальник ветеринарного управления Наркомзема А. В. Часовников и др. Все они были отнесены органами НКВД к «правотроцкистской буржуазно-националистической террористической организации», будто бы проводившей подрывную деятельность на территории Мордовии.

Среди прочих был репрессирован и Председатель СНК А. Я. Козиков (арестован в конце августа 1937 г.). По имеющимся в открытом доступе

делам НКВД, заведенным на секретаря мордовского обкома ВКП(б) М. Д. Прусакова и Председателя ЦИК МАСССР Н. Г. Сурдина, можно восстановить некоторые стороны сфальсифицированного органами НКВД дела «антисоветской организации — блока правых, троцкистов и националистов». Согласно версии НКВД, мордовская антисоветская организация являлась филиалом московского право-троцкистского блока. Она ставила своей целью свержение советской власти путем использования таких методов, как террор, восстания, шпионаж и диверсии. Козиков вместе с секретарями обкома Прусаковым, Умориным и Смирновым выступал в качестве руководителя этой организации и наряду с ними «рассылал на места директивы о терроре». В 1935 г. Козиков «завербовал» Н. Г. Сурдина, который затем был поставлен руководством организации на пост Председателя ЦИК МАСССР «для проведения националистической и вредительской деятельности по линии советского аппарата». Проникшие в высшие партийные и советские органы антисоветские элементы даже планировали покушение на И. В. Сталина — исполнителем якобы должен был стать Н. Г. Сурдин⁷.

Арестовывались не только крупные руководители, но и обычные сотрудники аппарата СНК. Такая судьба постигла С. М. Нелюбина, работавшего в 1937 — 1938 гг. — референтом в СНК и помощником объявленного «врагом народа» А. Я. Козикова. Вероятно, именно последний факт стал главной причиной ареста Нелюбина в марте 1938 г. До сентября 1939 г. он находился под следствием, однако избежал расстрела или лагерей: органы НКВД не смогли успешно сфальсифицировать дело, он вышел на свободу и уже в 1939 г. устроился работать в Наркомат коммунального хозяйства МАСССР⁸.

На первый взгляд может показаться, что репрессии, направленные

против партийной и государственной элиты, проводились хаотично и не имели никакой логики. Однако это не так. Для понимания смысла происходившего необходимо кратко охарактеризовать политическую обстановку, сложившуюся в Мордовии ко второй половине 1930-х гг.

В то время формировался новый правящий класс Мордовии, представители которого происходили из беднейших слоев крестьянства и рабочих. Эти выбравшиеся «из грязи в князи» люди, часто не имевшие нормального образования, благодаря таким личным качествам, как изворотливость, хитрость и карьеризм, оказывались на руководящих должностях и становились членами нового правящего класса — номенклатуры. В результате сложилась ситуация, когда элита оказалась полностью оторванной от простых советских граждан и насущных проблем республики. Ведущих партийных и советских деятелей интересовали лишь собственное положение, амбиции и обогащение. В кадровой политике господствовали клановость и кумовство, люди подбирались на должности не по личным качествам, а по связям и принадлежности к той или иной группировке номенклатуры. В среде бюрократов царили пьянство и моральное разложение. Руководство республики и их ставленники наслаждались привилегиями и роскошью, чувствуя абсолютную безнаказанность, а большая часть рабочих и колхозников жила в нищете, ютясь в бараках и землянках. Коррупция проникла практически повсюду⁹.

В работе наркоматов и других советских органов и учреждений наблюдался беспорядок. Приведем один пример. В результате ревизии, проведенной в январе 1937 г. Наркоматом финансов РСФСР, было установлено, что Наркомат земледелия МАСССР допустил нецелевое расходование средств («перерасходы на управление») в сумме 126,5 тыс. руб.,

*Председатель СНК Мордовской АССР
А. Я. Козиков*

Наркомат просвещения МАСССР — 30,5 тыс., Наркомат здравоохранения МАСССР — 36,9 тыс. руб., Саранский городской — «непроизводительные расходы» на 118,2 тыс. руб. В финансовой отчетности наркоматов отмечалась путаница. Должностные оклады сотрудников аппарата повышались произвольно, некоторые должности не предусматривались штатным расписанием. В Наркомате земледелия МАСССР было проведено массовое незаконное повышение заработной платы 21 сотруднику аппарата на сумму 1 120 руб. в месяц, а «за счет разных мероприятий» содержался дополнительный штат в 17 единиц, «не утвержденных и не оформленных соответствующим порядком». Подведомственные наркоматам учреждения контролировались плохо, что создавало благоприятную почву для коррупции: например, в результате плохой работы аппарата Наркомата здравоохранения имелись многочисленные растраты и хищения материальных ценностей в больницах. Руководители наркоматов, больше заботившиеся о личных амбициях, не боролись с этими нарушениями, а то и прямо покрывали их и сами участвовали в коррупции

онных схемах. Так, после ревизии Наркомата финансов РСФСР отмечалось, что «со стороны Наркома Просвещения тов. Важаева не было достаточно бережного отношения к расходованию государственных средств; допускалась выдача премий лицам, явно уличенным в бесхозяйственном ведении своего дела (б. руководитель и администратор театра); специальные и внебюджетные средства расходовались неправильно и не соответствовали с утвержденными сметами»¹⁰.

Для борьбы с бюрократией центральная власть во главе с И. В. Сталиным выбрала путь репрессий. В результате фальсификаций, проводившихся органами НКВД, проводившиеся управленцы объявлялись «иностранными шпионами» и «врагами народа», и им вменялась политическая статья 58 Уголовного Кодекса РСФСР. Речь шла, таким образом, об их физическом уничтожении. Нужно согласиться с Н. Вертом, который замечает, что секретные террористические операции 1937 — 1938 гг. (включавшие «кулацкую линию» и «националистическую линию»), в ходе которых было уничтожено больше всего невиновных людей, следует ограничивать от чисток политической, экономической, военной и интеллектуальной элит. Чистки элит являлись «фасадом террора» и проводились параллельно с основными репрессиями, но отличались целями и характером. Для И. В. Сталина и его окружения они представлялись не только средством борьбы с засильем бюрократии и коррупции, но и способом замены старой элиты на новую, сформированную в 1930-е гг. и более покорную центральной власти¹¹.

При этом в начале 1937 г., еще до основной волны репрессий, аресты среди «ответственных работников» в Мордовии не носили массового характера. Можно предположить, что в данном случае эти аресты были

*Нарком просвещения Мордовской АССР
Н. Н. Важаев*

следствием противостояния между разными кланами правящей элиты. Так, в республике происходила борьба между группировкой номенклатуры, во главе которой стоял опиравшийся на Куйбышевский крайком ВКП(б) первый секретарь Мордовского обкома партии М. Д. Прусаков, и местными номенклатурщиками, ориентировавшимися на Председателя СНК А. Я. Козикова. Их противостояние достигло высшей точки к лету 1937 г., когда Прусакову удалось добиться ареста первого секретаря Дубенского райкома ВКП(б) К. А. Нуянзина, одной из ключевых фигур в группировке Козикова, с помощью которого Председатель СНК рассчитывал провести замену первого секретаря обкома ВКП(б)¹².

В ходе репрессий в стране была создана атмосфера истерии и шпионмании, которая активно нагнеталась средствами массовой информации и проводившимися показательными процессами. «Враги народа — троцкистско-бухаринские бандиты и буржуазные националисты подрывали планирование народного хозяйства, — писала «Красная Мордовия» — Вредителям удалось сорвать составление второго пятилетнего плана социалистического развития Мордо-

вии. Изменники и предатели, орудовавшие в аппарате ЦИКа и Совнаркома МАССР задержали утверждение народно-хозяйственного плана на 1937 год»¹³. Насаждалась мысль о том, что, несмотря на проведенную органами НКВД работу по разоблачению «врагов», многие из них все еще продолжали скрываться и осуществлять подрывную деятельность. «Красная Мордовия» в статье, посвященной прошедшему в январе 1938 г. Пленуму ЦК ВКП(б), отмечала: «В то же время Пленум указал на необходимость „разоблачить и до конца истребить замаскированного врага, пробравшегося в наши ряды...“»¹⁴. В рамках «большевистской бдительности» поощрялись доносы. Несмотря на то, что СНК МАССР попал под удар репрессий, он сам активно участвовал в нагнетании этой истерии.

Правительство принимало множество постановлений, в которых фигурировали «враги народа» и «вредители». Основная часть этих документов приходится на вторую половину 1937 г. — начало 1938 г. По-видимому, многие из тех, кто оставался на свободе, некоторое время не понимали до конца смысла происходившего и искренне думали, что НКВД разоблачает настоящих иностранных шпионов и врагов. И. С. Сибиряк (Поздьяев), работавший в 1936 г. директором НИИ языка, литературы и истории при ЦИК МАССР и репрессированный в 1937 г., вспоминал в мемуарах: «В камеру вновь поступающие заходили с какой-то опаской по отношению к старожилам. Вроде как: вы-то я не знаю, виноваты или нет, а со мной разберутся, это какая-то ошибка. После избиений на допросе отношение к сокамерникам менялось. Начинали рассказывать о себе»¹⁵.

Конечно, основная причина раздувания истерии в постановлениях СНК была другой. Нападая на бывших коллег, называя их «врагами» и

«вредителями», оставшиеся на свободе члены СНК стремились показать таким способом свою политическую благонадежность — их слова и действия полностью соответствовали проводившемуся в стране курсу по уничтожению «врагов народа». Скорее всего, ими также двигал обоснованный страх перед возможными новыми арестами. Одновременно на уже выявленных и арестованных «врагов» было удобно свалить все допущенные растраты, а также более мелкие просчеты и недостатки, чем СНК активно пользовался.

Вот, например, какую риторику использовал СНК, когда 22 июля 1937 г. рассматривал вопрос о результатах ревизии НИИ языка, литературы и истории при ЦИК МАССР: «Совнарком устанавливает, что шайка прямых врагов народа, пролезли в Научно-Исследовательский Институт, на протяжении продолжительного времени расхищала государственные средства, отпускаемые на научные цели; бывшим руководителем Института Сибиряком присвоено государственных средств — 6 186 рублей, бывшим бухгалтером Карачковым 6 340 рублей... Такое положение явилось результатом прямого пособничества бывшего Наркома финансов врага народа — Ляхова»¹⁶. При этом СНК раскритиковал и прокурора г. Саранска Бесхлебного, вина которого заключалась в том, что он, получив материалы ревизии института, возвратил их с припиской: «для дополнительного расследования по мотивам[:] в указанной ревизии Сибиряк не участвовал». Такую позицию прокурора СНК посчитал недостаточно активной и обвинил Бесхлебного в «формально-бюрократическом отношении»¹⁷.

Вредительской деятельностью, происками «иностранных шпионов» и «врагов» объяснялись все провалы в развитии народного хозяйства. Так, 1 августа 1937 г., рассматривая итоги работы Котонинной фабрики за

1-е полугодие 1937 г., СНК отметил, что производственный план был выполнен не полностью, а качество выпускаемой продукции ухудшилось. Причины этого правительство видело в том, что «у руководства фабрики с момента ее строительства находились вредители и враги народа: Сирик, Кузоваткин, Зайцев и др., которые срывали выполнение программы, систематически устраивали пожары и несчастные случаи с рабочими, большие непроизводительные простои, создали крайне тяжелые социально-бытовые условия и всячески мешали развитию стахановского движения на фабрике»¹⁸. Как видно, на «врагов» повесили все, что только было можно: начиная от несчастных случаев на производстве и заканчивая созданием препятствий для работы стахановцев.

23 августа 1937 г. на заседании СНК слушался вопрос «О ликвидации последствий вредительства в системе Наркомата местной промыш-

ленности Мордовской АССР за 1936 — 37 гг. и выполнение постановления СНК от 23 июня 1937 г.». Причинами неудач и недостатков в развитии местной промышленности были объявлены «вредительские элементы». СНК потребовал ускорить их наказание, отметив «недопустимую задержку рассмотрения дела» прокуратурой и Верховным Судом в отношении разоблаченных как «врагов народа» работников местной промышленности — технорука Галицкого, главного инженера Сариева и заместителя наркома Галаева. Виновным был также назван бывший нарком местной промышленности Ф. Т. Ефремов, «при попустительстве» которого «враги» нанесли огромный ущерб. Правительство выступило с критикой и нового руководства Наркомместпрома, в частности наркома Базлина и его заместителя Панкова, которые подошли к ликвидации последствий действий «вредителей» недостаточно рьяно. СНК дал задание Базлину:

Мемориальная плита на месте расстрела жертв репрессий 1930-х гг. в окрестностях г. Саранска

«...в кратчайший срок проверить работу всех предприятий местпрома и ликвидировать до конца последствия вредительства, изгнать из предприятий жуликов и проходимцев и укомплектовать надлежащими техническими кадрами как аппарат Наркомместпрома, так и предприятия»¹⁹. В тот же день СНК рассматривал вопрос «О работе и состоянии Атемарского завода теплотонного кирпича», где также усмотрел происки «врагов»: «вредительские элементы умышленно увеличили брак, организовали вредительское строительство, что привело завод в 1936 г. к убыткам свыше 100 т. р.»²⁰.

Вот еще один пример, на этот раз из области сельского хозяйства. 11 февраля 1938 г. в правительстве рассматривался вопрос «Об итогах переписи скота по республике на 1 января 1938 года». «Враги народа, орудовавшие в НКЗ, СНК и районных земельных органах не вели борьбы за сохранение поголовья в общественном секторе... Кроме того враги народа путем ослабления и прямого нарушения налоговой и заготовительной политики в отношении единоличников создавали условия к повышенному росту поголовья в единоличном секторе», — отмечал СНК²¹.

СНК не обходил «врагов народа» стороной при составлении и обсуждении народно-хозяйственных планов республики. Так, 23 сентября 1937 г. на заседании правительства обсуждался вопрос о третьем пятилетнем плане народного хозяйства Мордовской АССР. Работа «врагов народа» виделась государственным и хозяйственным деятелям в разных отраслях. Начальник Ошосдора НКВД А. И. Хайн говорил: «Можно было бы сделать гораздо больше во второй пятилетке, но во главе строительства дорог был Серебряков, впоследствии Ягода и естественно, что вредительская рука сказалась и в Мордовии, сказалась на том, что и здесь, как в ряде др. республик и краев была взята установка исключительно на строительство грунтовых дорог. В результате все эти грунтовые дороги, ее проезжая часть эксплуатируются максимум 3-4-5 месяцев. Нас об этом сейчас Наркомвнудел серьезно предупредил и заявлено, что тенденция строительства профилированных дорог — это тенденция врагов народа»²².

Рассуждая о развитии искусства и культуры, заместитель Председателя СНК И. А. Бобков на том же заседании говорил: «Мы должны

развивать свою культуру национальную по форме и социалистическому содержанию; но враги народа это дело так ставили — они пролетарской культуре противопоставили национальную культуру, проводили буржуазно-националистическую линию по всем вопросам и как результат при таком положении — целый ряд извращений, троцкистских толкований буржуазно-националистических и, по сути дела, развал этого участка»²³.

16 октября 1937 г., рассматривая вопрос «О контрольных цифрах плана развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1938 год», СНК вновь отметил роль «врагов»: «Достижения, по пути социалистического развития, Мордовия имела бы значительно больше, но враги народа — буржуазные националисты, троцкистско-бухаринские бандиты, пробравшиеся в руководство Обкома, Совнаркома, ЦИК, опираясь на своих агентов в ряде районов, умышленно тормозили выполнение директив партии и правительства по хозяйственному и культурному строительству и своей гнусной вредительской деятельностью нанесли огромный ущерб народному хозяйству Мордовии»²⁴.

Вредительством со стороны «врагов народа» объяснялись и неудачи в развитии просвещения. 5 марта 1938 г. СНК рассматривал вопрос «О состоянии дела народного просвещения по Мордовской АССР». Заслушав доклад исполнявшего обязанности наркома просвещения И. Т. Сайгушева, СНК констатировал: «Враги народа — троцкисты и буржуазные националисты, пролезшие в Совнарком, Наркомпрос и в районные отделы народного образования, путем издания вредительских программ и учебников, огульного охаивания и снятия с работы честных учителей, путем создания затруднений с топливом, недопустимой задержкой заработной платы, разложением аппарата Наркомпроса... стремились всемерно задержать развитие народного про-

Место, где расстреливали репрессированных в 1930-е гг.

свещения в республике». СНК прямо указывал на то, что причиной наличия серьезных недостатков в сфере народного просвещения является именно «вредительская работа врагов народа»²⁵.

11 сентября 1937 г. в правительстве слушали вопрос «О состоянии Муздрамучилища», в частности был заслушан доклад специальной комиссии СНК. Доклад содержал крайне жесткую критику работы муздрамучилища; часть его также касалась политической неблагонадежности директора училища Яковлева. Так, отмечалось, что Яковлев и его жена «систематически пьянствовали с врагами народа Вождаевым, Араповым», а также были тесно связаны с врагом народа Галаевым. Эта информация была получена комиссией в результате доносительства — «по заявлениям студентов, в частности: Овчинниковой, Николаева, Еделькина, Есипова, Кошкина, Киушкина и др.». Далее комиссия СНК сообщала: «С целью деморализации студенчества и артистов Мордовских театров под видом шуток распространена среди них вредительская теория, что „нельзя стать хорошей актрисой не выходя пять шесть раз замуж“, „быть актером надо быть вне политики“, „Свободная любовь“. „Ставить спектакли надо в тех районах где имеется пиво“ и т. д.»²⁶. Эти аргументы могут показаться несерьезными, но СНК их принял и представленные выводы комиссии утвердил. Обрушившись с критикой на организацию работы муздрамучилища, правительство снова обвинило во всем «врагов»: «СНК отмечает, что орудовавшие на культурном фронте враги народа — Галаев, Вождаев и друг. своей гнусной подрывной деятельностью не обошли и Муздрамучилище, где до последнего момента имело место запустение учебно-педагогической работы... Среди педагогов наличествовало пьянство, дразги, беспринципная склока,

куда втягивалась и учащаяся молодежь. Директор школы Яковлев проявил полную бездеятельность и вкуче с врагами народа разваливал учебно-педагогическую работу школы»²⁷.

СНК снял с работы директора Яковлева с формулировкой «как не обеспечившего работу школы, имевшего связь с врагами народа и потерявшего авторитет со стороны педагогов и учащихся»²⁸. Это достаточно характерный момент: многих людей увольняли либо исключали из ВКП(б) за связь с «врагами народа» (например, за связь с «врагами народа» по решению СНК был снят с должности директор Мордовского рабфака А. И. Куркин)²⁹, после чего для них могла наступить и более серьезная ответственность. Связь с «врагами» трактовалась широко; как правило, любого, кто работал вместе с арестованным НКВД и объявленным «врагом народа» человеком, могли обвинить в связях с ним. Подпадали под связь с «врагами народа» и их близкие родственники. Так, 21 марта 1938 г. Мордовский обком ВКП(б) исключил из рядов партии В. С. Антипова за связь с родным братом — «врагом народа» и скрывание его враждебной деятельности³⁰.

В условиях раздутой вокруг «врагов народа» атмосферы массовой истерии случались и курьезы. В Ичалковском районе Мордовии один из колхозов носил имя Шубрикова (видимо, в честь В. П. Шубрикова — крупного партийного деятеля, работавшего секретарем Куйбышевского обкома ВКП(б)). 9 августа 1937 г. он был арестован, 29 октября того же года осужден и уже на следующий день расстрелян³¹. Разумеется, мордовский колхоз спешно переименовали, дав ему нейтральное название «Луч Коммуны», но когда на 21 октября 1937 г. составлялась повестка дня заседания СНК, работники аппарата случайно допустили ошибку. На заседании должно было рассмат-

риваться ходатайство двух колхозов из Ичалковского района об уничтожении чересполосицы земель; один из них был колхоз «Луч Коммуны», ошибочно названный в повестке заседания колхозом им. Шубрикова. СНК постановил: «1. Учитывая, что в формулировке пункта пятого повестки дня заседания СНК допущено упоминание фамилии врага народа — объявить выговор Ответственному Секретарю Республиканской Земельной Комиссии т. Биркману, включившему фамилию врага народа в перечень вопросов для рассмотрения на заседании СНК и и. о. Управделами СНК т. Жалнину, не исключившему фамилии врага народа при передаче этого перечня для перепечатки в повестку дня заседания СНК. 2. В целях повышения бдительности работников аппаратов Наркомзема и СНК обязать т.т. Биркмана и Жалнина доложить об этом решении на общих собраниях работников Наркомзема и Совнаркома»³². Фамилию «врага» в повестке дня спешно закрашили карандашом.

Какая же судьба постигла арестованных в 1937 — 1938 гг. членов СНК и работников его аппарата? Большинство из них были приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР 23 — 24 мая 1938 г. к высшей мере наказания с конфискацией имущества в пользу государства. Все они были осуждены по знаменитой статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР, устанавливавшей ответственность за контрреволюционную деятельность:

А. Я. Козиков — Председатель СНК, приговорен по ст. 58—1а, 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.;

В. М. Ванд (настоящее имя Вальтер Вальдшмидт) — начальник Мордовского отдела ГПУ, затем мордовского Управления НКВД (до 11 января 1937 г.), приговорен по ст. 58—6, 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.;

*Начальник Управления
НКВД Мордовской АССР
В. М. Ванда
(до 11 января 1937 г.)*

*Нарком внутренних дел
Мордовской АССР
С. М. Вейзагер
(11 января —
21 ноября 1937 г.)*

*Нарком внутренних дел
Мордовской АССР
Н. В. Красовский
(21 ноября 1937 г. —
2 февраля 1939 г.)*

И. С. Еремеев — нарком земледелия, приговорен по ст. 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.;

В. А. Ляхов — нарком финансов, приговорен по ст. 58—6, 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1999 г.;

Н. Н. Важдаев — нарком просвещения, приговорен по ст. 58—1а, 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.;

П. Д. Смирнов — нарком коммунального хозяйства, приговорен по ст. 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.;

П. В. Галаев — начальник Управления по делам искусств при СНК, приговорен по ст. 58—2, 58—7, 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.;

И. Т. Огин — управляющий делами СНК, приговорен по ст. 58—8, 58—11 УК РСФСР, расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.³³

Выше упоминался референт аппарата СНК С. М. Нелюбин, следствие в отношении которого было прекращено. Это не единственный человек, кому удалось избежать обвинительного приговора. Как правило, материалы следствия строились на признательных показаниях подозреваемых, добытых путем применения «конвейера», избиений и пыток³⁴. К

этим показаниям прилагались доносы и оговоры других лиц, которые также могли добываться насильственными методами. Например, Председатель ЦИК МАССР Н. Г. Сурдин в ходе допроса не только сознался сам во всех предъявленных ему обвинениях, но и «уличил» прочих участников «антисоветской организации» — М. Д. Прусакова, А. Я. Козикова, Н. Н. Важдаева, В. М. Ванда, И. Т. Огина и др.³⁵ Если арестованный человек не ломался и не подписывал подсовываемые ему протоколы, следствие могло просто рассыпаться. Видимо, так было в случае И. А. Бобкова — заместителя Председателя СНК, арестованного в ноябре 1937 г. Заседавшая в мае 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР отпустила его. Вместе с ним были оправданы еще нескольких лиц, в том числе нарком здравоохранения К. Д. Рыскин, уполномоченный по заготовкам по Мордовской АССР Н. М. Миронов и др.³⁶ Впоследствии И. А. Бобков вернулся на работу в СНК, и в 1940-х гг. стал наркомом местной промышленности, а затем — заместителем Председателя СНК.

Нельзя не коснуться вопроса о том, какая судьба постигла руководство мордовского НКВД, несущего непосредственную ответственность

за репрессии. С 11 января 1937 г. Управление НКВД возглавил капитан государственной безопасности С. М. Вейзагер (с 16 февраля — нарком внутренних дел МАССР). Именно под его руководством органы государственной безопасности сфальсифицировали дело «правотроцкистской буржуазно-националистической террористической организации». Вейзагера арестовали 21 ноября 1937 г., когда он находился в командировке в Москве. Его обвинили в измене Родине «как английского и немецкого шпиона» и, приговорив к расстрелу 9 мая 1938 г., в тот же день привели приговор в исполнение³⁷.

После С. М. Вейзагера НКВД Мордовии возглавил полковник Н. В. Красовский. Именно тогда репрессии достигли наивысшего пика. И. С. Сибиряк вспоминал: «В тюрьме Вейзагер слыл бесчеловечным деспотом, хотя при нем избиения, пытки и истязания не носили массовый характер. Во всяком случае, криков в коридорах тюрьмы не было слышно (периодически избивать до приезда Красовского начали с появлением нового заместителя наркома Михайлова)». И далее: «В отличие от вейзагеровских софизмов и сочинительств, приезд Красовского характерен переходом к массовым избиениям и пыткам на конвейерах допросов, продолжительностью до двух и более недель без пищи, воды и вывода из кабинета»³⁸. Красовский был арестован 2 февраля 1939 г. и 15 февраля 1940 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к 10 годам лишения свободы. С 1941 г. он содержался в Северном железнодорожном ИТЛ, дальнейшая его судьба неизвестна. Красовский не был реабилитирован³⁹.

Итак, массовые репрессии 1937 — 1938 гг. затронули значительную часть аппарата исполнительных и распорядительных органов МАССР. В числе репрессированных оказались

советские и государственные руководители — Председатель СНК МАССР А. Я. Козиков, наркомы и их заместители, начальники управлений. При этом многие из них, по видимому, действительно допускали хищения, растраты и другие нарушения закона, за которые несли прямую ответственность. Однако они были обвинены по политической 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и

объявлены «иностранными шпионами» и «врагами народа». Можно отметить, что в результате проведенных органами НКВД «чисток» состав правительства оказался фактически разгромлен. В то же время, являясь объектом масштабных «чисток», СНК издавал постановления, в которых во всех допущенных просчетах и недостатках обвинялись «враги народа» и «шпионы». По-

добного рода постановления принимались по итогам рассмотрения практически любых вопросов — начиная от развития промышленности и сельского хозяйства и заканчивая культурной сферой. СНК, таким образом, занимал двойственный статус и сам вносил вклад в создание атмосферы массовой истерии, способствовавшей продолжению репрессий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Сталинизм в советской провинции: 1937 — 1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М., 2009. С. 13 — 60.
- ² См.: **Верт Н.** Террор и беспорядок. Сталинизм как система / [пер. с фр. А. И. Пигалева]. М., 2010. С. 237.
- ³ См.: **Юрчѐнков В. А.** Модернизация с изъяном: Мордовия конца 1920-х — 1930-е гг. в историографии // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х — 1930-х гг. : сб. науч. ст. / редкол.: Т. Д. Надькин (отв. ред.), В. В. Кондрашин, А. В. Мартыненко [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2013. С. 15 — 48 и др.
- ⁴ Материалы февральско-мартовского пленума 1937 года // Вопр. истории. 1995. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/1937/> (дата обращения — 02.04.2015).
- ⁵ См.: **Арсентьев Н. М., Юрчѐнков В. А., Яровой А. В.** От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ по Республике Мордовия. Саранск, 2003. С. 155.
- ⁶ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 443. Л. 8. (далее — ЦГА РМ).
- ⁷ См.: **Арсентьев Н. М., Юрчѐнков В. А., Яровой А. В.** Указ. соч. С. 154 — 156.
- ⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 181. Л. 16.
- ⁹ См.: **Кожурин Ю. Ф.** Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 303 — 310.
- ¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 437. Л. 2 — 3.
- ¹¹ См.: **Верт Н.** Указ. соч. С. 237.
- ¹² См.: **Кожурин Ю. Ф.** Указ. соч. С. 308 — 310.
- ¹³ Красная Мордовия. 1938 г. № 4 (4521), 5 янв.
- ¹⁴ Там же. № 22 (4539). 28 янв.
- ¹⁵ Как я был репрессирован в Мордовии : Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздьяева), директора Научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak2.htm> (дата обращения — 02.04.2015).
- ¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 451. Л. 24.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Д. 452. Л. 6.
- ¹⁹ Там же. Д. 454. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 26.
- ²¹ Там же. Д. 514. Л. 7 — 8.
- ²² Там же. Д. 457. Л. 30 — 31.
- ²³ Там же. Л. 59.
- ²⁴ Там же. Д. 460. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 517. Л. 28.
- ²⁶ Там же. Д. 456. Л. 85 — 86.
- ²⁷ Там же. Л. 14.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 33.
- ³⁰ См.: Красная Мордовия. 1938. № 73 (4590), 30 марта.
- ³¹ См.: Владимир Петрович Шубриков [Электронный ресурс]. URL: <http://gubernya63.ru/Lichnost-v-istorii/ruc/shubrikov.html>. (дата обращения — 07.04.2015).
- ³² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 461. Л. 26 — 27.
- ³³ См.: Жертвы политического террора в СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/>. (дата обращения — 06.04.2015).
- ³⁴ См.: **Медведев Р. А.** О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 3. С. 170.
- ³⁵ См.: **Арсентьев Н. М., Юрчѐнков В. А., Яровой А. В.** Указ. соч. С. 156.
- ³⁶ См.: Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздьяева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak2-1.htm> (дата обращения — 02.04.2015).
- ³⁷ См.: **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Кто руководил НКВД, 1934 — 1941 : справ. / Общество «Мемориал» и др. ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М., 1999.
- ³⁸ Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздьяева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak2.htm> (дата обращения — 02.04.2015).
- ³⁹ См.: **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Указ. соч.

Михаил Андреевич Бибин,
доктор исторических наук, профессор
(г. Саранск)

НАЦИОНАЛ–СЕПАРАТИЗМ НА МОРДОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

В последнее время финно-угорские народы Российской Федерации стали объектом пристального внимания западных стран, которые пытаются представить положение в регионах их расселения как «дискриминацию» и ущемление титульных национальностей со стороны российского государства. Вынашиваемый американцами глобальный проект предусматривает создание на базе «угро-финских» субъектов РФ федеративного образования «Финно-Угрия». Данный план получил одобрение еще при президенте Дж. Буше-младшем. Ставка делается на этнический реваншизм и этно-сепаратизм. В книге Т. Грачёвой «Война против России» дается следующая характеристика проекту: «Планируется, что реализация проекта пойдет в двух направлениях. Во-первых, через культивирование русофобии и антироссийских настроений среди угро-финских народов России (карелов, коми, хантов, манси, марийцев, мордовцев, удмуртов), внушения им мысли о том, что они могут добиться процветания, только освободившись от „русского гнета“. Во-вторых, путем разжигания в сознании этих народов настроений радикального национализма и шовинизма. Деятельность по разжиганию экстремизма имеет свою региональную

специализацию. В Карелии ее проводят финские националисты, а в Марий Эл — эстонские реваншисты. Главный лозунг проекта: „Освобождение Финно-Угрии от русского застоя“, что подразумевает „восстановление справедливости“ за счет отторжения территорий»¹.

Автор статьи «Великая „Финно-Угрия“ — сделано в США» В. Гулевич констатирует, что «в финно-угорском мире наблюдается специализация ролей. Если марийцев, не спрашивая их о том, «назначили» главным детонатором финно-угорской молодежи в масштабах всей страны, то роль главного финно-угорского имперостроителя отводится мордовскому народу, причем не всему (мордовский народ состоит из двух субэтнических групп — эрзя и мокша), а строго определенному большинству — морд-ве-эрзя. Мокшу из-за ее чрезмерной пророссийскости западные грантодатели считают «пятой колонной»².

Мордовский народ, действительно, имеет богатое имперское прошлое. С течением истории мордовский имперский импульс гармонично слился с государствообразующим импульсом русских, инстинктивно повинувшись довлеющим геополитическим реальностям. Видимо, поэтому среди мордвы практически не было предателей,

массово перебегающих на сторону врагов России в тяжкие моменты истории.

«Финно-угорская карта», появление которой вызвано якобы насильственной ассимиляцией финно-угорских народов, выступает важным средством внешнеполитического давления Евросоюза на Россию.

28 июня 2008 г. на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске президент Эстонии Т. Ильвес заявил, что «финно-угорский вопрос» станет неотъемлемой частью диалога России и Евросоюза, и действия ЕС направлены на защиту прав этих народов», ЕС уже направил полтора миллиона евро в Россию для «поддержания финно-угорских народов»³.

Финно-угорский сепаратизм заключается в стремлении лидеров этнонациональных движений в финно-угорских республиках России добиться независимости данных субъектов федерации от российского государства. А если этого добиться в силу ряда объективных причин невозможно, то протаскивается мысль о создании этнократической республики внутри самого субъекта РФ. Идея достижения «независимости от русских оккупантов» сочетается с мыслью о «родстве по крови» финно-угорских

народов с народами Финляндии, Эстонии и Венгрии, с идеями о культурном и политическом единстве «финно-угорского мира». Лидеры и активисты этнонациональных движений в финно-угорских регионах России в выступлениях перед единомышленниками заявляют, что, получив независимость от России, данные регионы вступят в политический союз с Финляндией, Эстонией и Венгрией. В своих мечтаниях они видят некую утопическую конфедерацию, которая будет существовать в рамках Евросоюза, а сами они будут членами Европарламента. При этом лидеры этнонациональных движений финно-угорских народов игнорируют

тот факт, что между этими народами нет единства территории и под вопросом единство культур (в частности, вряд ли следует говорить о культурном единстве урбанизированной эстонской нации и манси-хантов — оленеводов)⁴. Однако местные националисты надеются на то, что если в составе Мордовии будет образована «Эрзянская республика» и в нее в результате территориальных претензий будут включены этнические эрзяне из других субъектов РФ, то эти различия будут быстро устранены и со временем ликвидированы.

Сегодня политическое и культурное влияние на финно-угорские народы России наиболее активно осу-

ществляет Эстония. На V Всемирном конгрессе финно-угорских народов ее президент Т. Ильвес фактически призвал финно-угорские народы России к сепаратизму: «Наши поэты мечтали об эстонском государстве, и мы сделали выбор в пользу свободы и демократии. Многим финно-угорским народам еще предстоит сделать такой выбор. Это видно на примере Эстонии: как только вы почувствуете вкус свободы, вы поймете, что это вопрос выживания, без которого нельзя обойтись»⁵. По мнению В. Иванова, данный призыв Т. Ильвеса привел к тому, что в кулуарах конгресса делегаты от финно-угорских регионов России всерьез стали обсуждать воз-

Ю. Бакаева. Навекы с Россией

возможные перспективы отделения от Российской Федерации»⁶.

Идеологическое влияние Финляндии, Эстонии и Венгрии на финно-угорские народы России базируется на концепции «единого финно-угорского мира». Пропаганда этой концепции направлена на формирование новой этнической идентичности на территории России, которая будет противопоставляться русскому населению. Целью распространения данной идеологии, как считает В. Иванов, «является формирование у финно-угорских народов РФ чувства общности с населением Финляндии, Эстонии и Венгрии, отношения к русским как к врагам, „чужим“, а к России — как к „чуждому“ государству, которое является «оккупантом» по отношению к финно-угорским народам»⁷.

Таким образом, призывы к финно-угорским народам России добыть независимость от нее по примеру эстонцев и деятельность различных антироссийских центров по «спасению» этих народов объединены в один информационный проект, направленный на развал страны. И проблемы финно-угорских народов, как и их культура, беспокоят Запад в этой игре меньше всего.

К сожалению, угро-финский проект по развалу России имеет сторонников на территории ряда субъектов Российской Федерации, в том числе в Мордовии. Весной 1989 г. в Саранске по инициативе национальной творческой интеллигенции было образовано мордовское культурно-просветительское общество «Масторава». В декабре 1992 г. из общества «Масторава» выделилась радикально настроенная часть, которая создала движение «Эрзянь Мастор», а в феврале 1993 г. на базе названного движения образовался Фонд спасения эрзянского языка (далее — ФСЭЯ). Для популяризации своих откровенно антироссийских и националистических взглядов лидеры ФСЭЯ

Г. Д. Мусалёв, Е. В. Четвергов и А. М. Шаронов с 20 сентября 1994 г. начали издавать общественно-политическую газету «Эрзянь Мастор». С момента образования ФСЭЯ его отцы-основатели через газету «Эрзянь Мастор» льют потоки грязи на Российское государство, наряду с этим пересматривая историческое прошлое мордовского народа, а традиционные дружественные отношения двух братских народов — русского и мордовского — объявляя враждебными. Это, безусловно, ложь, имеющая сознательно организованный характер. Без организованной лжи ни ФСЭЯ, ни газета «Эрзянь Мастор» никогда не могли бы выжить. Вместе с тем газетная «фантастика» способна обмануть лишь тех, кто «сам обманываться рад».

Автор статьи «Бандеровская игла русофобии под кожей Мордовии» С. Маньшин пишет: «О том, что националистические движения — суть геополитические проекты третьих сил, непосредственно на месте событий не присутствующих, известно каждому здравомыслящему человеку. Но количество здравомыслящих не совпадает с количеством народонаселения. Так всегда было, и так будет. Многие, одурманенные националистическим ядом мозга (мозги ли это?), искренне считают себя и только себя истинным выразителем идей благоденствия собственного народа»⁸. Нечто подобное происходит и с лидерами ФСЭЯ. Их рассуждения об этноструктуре мордвы заставляют читателей заглядывать «во времена старины глубокой». Они объявили слово «мордва» этническим прозвищем, а единый мордовский народ — эрзя и мокша — признали двумя совершенно разными народами, отдаленными друг от друга территориально: эрзяне издревле проживали на территории современной Мордовии, а мокшане пришли откуда-то с далекого юга. По сути, это политика разжигания межнациональной розни.

30 мая 2014 г. в газете «Эрзянь Мастор» была опубликована провокационная статья экстремистского толка под названием „Мордва“ или Эрзя, мокша». Уже в самом названии наблюдается оскорбительный тон в отношении слова *мордва*, потому что оно поставлено в кавычки. Редакция этим подчеркивает, что такого слова и народа не существует. Слово *эрзя* напечатано с большой буквы, а слово *мокша* с маленькой, как будто мокшане — низшая раса. В статье автор Е. В. Четвергов привел список различий между народами эрзя и мокша, причем редакция прокомментировала эти различия. Приведем наиболее существенные:

1) эрзянский и мокшанский языки — разные языки (как известно, нет языка — нет народа). Общая лексика в эрзянских и мокшанских селах отдаленных районов Мордовии — 73 %, для примера: русского и украинского — 86 %. Что касается литературных языков, то власти искусственно довели общую лексику до 90 %, но на чисто литературном никто не общается. Поэтому такая цифра — лишь на бумаге;

2) Эрзя и Мокша — этнонимы двух народов, общего этнонима нет, есть только инородческий экзоэтноним;

3) Эрзя и мокша отличались в религиозно-мифологическом плане; разные названия имели дохристианские божества. Так, верховные боги Инешке паз, Чам паз — у эрзи, Вярде шкай, Шкабавас — у мокши. То же касается и других божеств;

4) различаются национальный костюм и орнамент;

5) различия в водчестве;

6) различия в антропологическом типе;

7) что касается шокши — как раз она и есть этнографическая группа эрзи (также себя называют эрзя). То есть Эрзя является общим этнонимом для всей эрзи и, в частности, для эрзи Теньгушевского района

(шокши). Поэтому эрзя и шокша — один народ;

8) на исторических землях отсутствует чересполосное проживание эрзян и мокшан, т. е. народы эрзя и мокша жили по соседству, но не попережку. Только после татаро-монгольского нашествия эрзянский и мокшанский народы пришли в движение — эрзянские села появились в Пензенской области попережку с мокшанскими. Но даже при этом они сохраняют эрзянское или мокшанское самосознание⁹.

На наш взгляд, приведенный список различий в большей мере доказывает, что эрзя и мокша — субэтносы одного народа: 73 % общей лексики как раз свидетельствуют о единстве мордовского языка. В Дагестане общей лексики между аварцами и другими народами и того меньше, однако все говорят о едином народе. В религиозно-мифологическом плане отличались не только эрзя и мокша, но и соседние восточнославянские племена, имевшие разных дохристианских божеств. Что же касается национальных костюмов, орнамента и зодчества, то в них, как нам представляется, действительно было много различий, но и немало общего. Причем различались по форме одежды и строений селения, принадлежавшие как эрзянам, так и мокшанам. Очень много различий в одежде, архитектуре, способах строительства и даже в говоре между архангельцами и воронежцами, саратовцами и оренбуржцами и т. п. По антропологическому типу мокшане и эрзяне существенно друг от друга не отличаются. И последнее: отсутствие чересполосного проживания эрзи и мокши было связано с распределением земельных наделов или привязанности к земле. Известно, что эрзяне и мокшане были земледельцами, а не кочевниками. То, что эрзяне и мокшане сохраняют свое самосознание — это очень хорошо, но скорее всего, у богатых самосознание

одно, а у бедных другое, и национальность здесь ни при чем.

Таким образом, рассуждения о различиях между эрзянами и мокшанами являются неубедительными, научно не подкрепленными. Для того чтобы иметь доказательства в их правоте, необходимы этнографические исследования, археологические раскопки и т. д. Насколько нам известно, представители ФСЭЯ не делают ни того, ни другого.

Анализ имеющихся в распоряжении ученых древних и средневековых источников показывает, что мордва — один из архогенетических аборигенных этносов Восточной Европы, возникших в конце I тыс. до н. э. Мордва (эрзяне и мокшане) ниоткуда не пришла: ни с территории Финляндии или Эстонии, ни с Урала, ни с Эгейского моря, ни из каких-либо других мест. Мордовская этническая территория, по мнению известного российского и регионального этнографа-этнолога Н. Ф. Мокшина, «искони находилась в междуречье Волги и Оки»¹⁰. Этой же точки зрения придерживается крупнейший отечественный исследователь мордовской истории В. А. Юрченок. В недавно вышедшей весьма интересной и содержательной монографии с использованием новых исторических документов, впервые введенных в научный оборот, В. А. Юрченок пишет: «Древняя мордва селилась в плодородных долинах Оки, среднего течения Волги, Мокши и Суры»¹¹. Характерно то, что В. А. Юрченок и Н. Ф. Мокшин в отличие от А. М. Шаронова не называют народ мокша пришельцами.

Этимологически этноним *мордва* восходит к ираноскифским языкам (сравните: таджикское *мард* — «мужчина»). В мордовских языках указанное слово сохранялось для обозначения мужа («мирде»). В русском слове *мордва* частица «-ва» имеет оттенок собирательности, а не оскорбительности, как считают новоявлен-

ные знатоки мордовской истории. Его можно сопоставить с этнонимом *литва*. Причем, у литовцев этот этноним не вызывает чувство брезгливости или грубости, как, скажем, у А. М. Шаронова этноним *мордва*. Ничего оскорбительного не видят в названии своего народа ингуши, узбеки и киргизы.

Как полагал известный региональный археолог В. Н. Шитов, «примерно в III в. н. э. сложились основные признаки древнемордовской культуры, и с этого времени можно говорить о древней мордве как этнокультурной общности. ...Начиная с III и вплоть до XII в., то есть в течение тысячи лет, характерным общемордовским украшением была женская височная подвеска в виде стержня, со спиралькой на одном конце и грузиком на другом. Еще более длительное время использовались застежки-сюлгамы, непрерывная эволюция которых прослеживается вплоть до XIX в.»¹².

В I — начале II тыс. н. э. территория расселения древней мордвы включала большую часть Окско-Сурского междуречья: от правобережья Волги на севере до верховьев Мокши и Суры на юге. Соседями древней мордвы в пределах Окско-Сурского междуречья тогда были рязанско-окские славянские племена в низовьях Мокши и именьковцы — в Среднем Посурье¹³.

Вхождение мордовского народа в состав Российского государства было достаточно длительным и много определяющим в последующем развитии этноса, его функционировании в рамках российского имперского социума. Оно распадается на несколько тесно взаимосвязанных, но асинхронных процессов. По мнению В. А. Юрченок, «первоначально сложились политические предпосылки в виде присоединения к Московскому государству мордовских земель в составе Нижегородского и Рязанского великих княжеств»¹⁴.

В 80-е гг. XV в. в связи с определением восточной границы Русского государства, как считает В. А. Юрчёнков, вопрос о вхождении мордовского народа был решен политически, а его правовое оформление затянулось до Свияжской присяги народов Среднего Поволжья Ивану IV Грозному (1551) и ознаменовалось рядом предшествующих этому юридических актов. Взятие в 1552 г. Казани и ликвидация Казанского ханства обеспечили вхождение мордвы в состав Русского государства с военной точки зрения. Вторая половина XVI — XVII в. характеризуется экономическим освоением земель и включением региона в политическую и социальную структуру русской сословно-представительной монархии, что можно рассматривать как последствия этого процесса. В то же время, на взгляд автора, идет имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных структур (административно-территориальное деление, специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда и т. п.), интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, экономической и социокультурной модернизации. В результате край оказался полностью интегрированным в территориальную структуру будущего имперского центра, и к нему стала применяться такая же политика, как и к другим провинциям метрополии. «Поэтому, — заключает автор, в строгом смысле слова отношение центра к мордве нельзя назвать имперским, а модели и терминология исследований колониализма (colonial studies) не всегда подходят для характеристики положения мордвы в империи, поскольку акцентируют внимание на отдельных аспектах, а в ряде случаев уводят в ложном направлении»¹⁵.

Ложное направление пытаются навязать и лидеры ФСЭЯ, трактуя дружественные отношения русского

и мордовского народов как враждебные и агрессивные. Россию они представляют как преступное государство и ненавистного врага, т. е. «империю зла». В публикуемых в газете «Эрзянь мастор» материалах русские князья и цари предстают перед читателями зловещими фигурами, завоевателями и оккупантами. Против них, создав в XII — XIII вв. «федерацию „Эрзянь Мастор“» под руководством вождей Орбана и Пургаза, эрзянский народ вел тяжелые оборонительные, кровопролитные и ожесточенные бои, которые продолжались до XVI столетия. Для поддержки антироссийских взглядов издали «Эрзянь Мастор» перепечатывают целые абзацы из ненавидимых ими же произведений марксистов-ленинцев М. Н. Покровского и Т. В. Васильева¹⁶. Для наглядности процитируем несколько выражений, опубликованных в газете: «С захватом русскими столицы Эрзянь Мастор — Абрамова города — Нижегородский князь Константин Васильевич отдал эрзянские селения на поток и разграбление русским колонизаторам»¹⁷; «Русские князья имели в виду полный захват богатейших пространств Окско-Волжского бассейна путем вытеснения оттуда всех „нечестивых племен“»¹⁸.

Задумаемся, зачем лидерам ФСЭЯ перепечатывать целые главы из книг коммунистов-большевиков. Причина, на наш взгляд, в том, что большевики историю России до 1917 г. оценивали критически, показывали ее исключительно с классовых позиций, русские князья и цари представлялись кровавыми злодеями и завоевателями. Лидеры ФСЭЯ пошли дальше. У них уже вся история России связана с постоянным захватом чужих земель и уничтожением нерусских народов. По их мнению, даже «тишайший государь» Алексей Михайлович «жарил на костре эрзян»¹⁹. Вместе с тем много похвальных слов в газете «Эрзянь мастор» посвящается «выдающемуся

государственному деятелю полководцу государства первой половины XIII в. Пургасова Русь — Пургазу»²⁰. Из обращения к Главе РМ В. Д. Волкову от имени ФСЭЯ Г. Д. Мусалёва мы узнаем удивительные и в то же время весьма сомнительные вещи. Оказывается, «Пургаз возглавил национально-освободительную борьбу против монгол и в 1240 году, так же, как и булгары, освободил свои земли от захватчиков». Кроме того, «в 1223 году, его отряды совместно с булгарами впервые разгромили монгольскую орду Джебе и Субедея в районе деревни Андреевка Ульяновской области; в 1232 году Пургаз со своими войсками помог булгарам отбить нападение монгол, тем самым они удержали на 14 лет их вторжение на свои земли и земли русских княжеств»²¹.

Это, несомненно, голословные утверждения, не имеющие ничего общего с реальностью. Как можно поверить в то, что 70 — 80-тысячное войско монголов могло проиграть эрзянам и булгарам у д. Андреевки, когда до этого монголы завоевали мощные в военном отношении государства Азии и Востока. Мы допускаем, что у этой деревни потерпел поражение и был разгромлен небольшой, скорее всего разведывательный, отряд монгольской конницы. Что же касается указанного срока в 14 лет, то при простом сложении с 1232 г. мы получаем 1246 г., к тому времени монголы завоевали почти все, что можно, и вернулись из заграничного похода.

Лидеры ФСЭЯ, когда пишут о Пургазе, часто употребляют термин «Пургасова Русь». И объясняют это просто и примитивно: «...в Эрзянь Мастор (в эрзянскую федерацию. — М. Б.) стекались недовольные феодальным режимом своих князей русские крестьяне, но Пургаз привлекал эти недовольные элементы в свою армию. Наличие в армии эрзянского инязора Пургаза русских крестьян и давало летописцам повод для

названия „Пургасова Русь“»²². На наш взгляд, русские летописцы под термином «Пургасова Русь» имели в виду территорию, вошедшую в состав Суздальского или Рязанского княжеств.

Весьма сомнительным выглядит тезис о том, что «Пургасова Русь» во главе с Пургазом спасла народы Западной Европы от монгольского порабощения²³. Вполне возможно, эрзяне, как и другие народы, в этом благородном деле сыграли не последнюю роль и внесли свой небольшой вклад в спасение европейских народов, но не более того.

И последнее, но, пожалуй, самое главное — автор этих строк не верит в реальность существования Пургаза. На наш взгляд, Пургаз в большей

степени личность легендарная и в меньшей степени историческая. Великие русские историки В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский о полководце, инязоре Пургазе не написали ни одного слова. Один из крупных русских историков XIX в. Н. И. Костомаров первым назвал Пуреша мокшанским, а Пургаза эрзянским князем²⁴. Но у Костомарова это, вероятно, предположение, а не утверждение. В русских летописях есть всего четыре упоминания о Пургазе: «Мордва Пургасова», «Мордва с Пургасом», «Пургасова волость» и «Пургасова Русь». Талантливо написанное произведение известного мордовского писателя К. Г. Абрамова «Пургаз»²⁵ является романом-сказа-

нием, в котором на первом плане художественный вымысел, а не исторический факт, поэтому он не может заменить научные труды и монографии. Тогда зачем не существовавшего вождя объявлять национальным героем и возводить памятник человеку, который всю свою сознательную жизнь «боролся против русских завоевателей»?

Еще более сомнительно появление на сцене другого вождя эрзянского народа — Орбана, который якобы основал на месте современного Нижнего Новгорода «Абрамов город»²⁶ и одним из первых принял на себя удар русских завоевателей.

У лидеров ФСЭЯ вызывает восхищение Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина, которую они называют национально-

Ю. Бакаева. Эрзянки

освободительной. По мнению редактора газеты «Эрзянь Мастор» Е. В. Четвергова (Нуянь Видяз), «в ней участвовали многие народы многих провинций Всея Руси, но центром борьбы была Нижегородская губерния, прежде всего А(Э)рзамас. Самые жестокие бои с царскими войсками и наемниками шли в районе Мурашкина. Основной силой в той войне были эрзяне. И Акай Боляй, и Олёна Эрзамасская — эрзяне»²⁷. Каждому здравомыслящему человеку сегодня понятно, что крестьянские войны XVII — XVIII вв. кроме вреда ничему стране не принесли. Они почти полностью истощили казну и экономически отбросили государство на много лет назад. После них многократно выросли налоги, сборы и пошлины, которые тяжелым бременем ложились на плечи крестьян. При этом не следует забывать о разгуле стихии, воровства и бандитизма.

11 июня 2014 г. в газете «Эрзянь Мастор» была опубликована откровенно провокационная статья «Русификация», в которой автор Дригань

Толай написал: «Как только не именовалась во все века Русь-Россия, но суть оставалась имперской, а у империй законы неизменны: захват земель, уничтожение или покорение коренных народов, их ассимиляция с насильственным насаждением чуждой им идеологии, религии и общего для всех языка. ...И самое страшное и непоправимо смертельное проявляется тогда, когда Иваны (Иоанны), не помнящие родства, начинают считать себя хозяином всего и вся. ...Сначала им удается поработить мирные народы, захватывая обширные территории миссионерством, мечом, обманом, подкупом и обещаниями, ползучей оккупацией»²⁸.

Эти оскорбительные слова, сказанные автором в адрес России, являются плодом его воспаленного и болезненного воображения. Если раньше оккупантами и захватчиками считали гитлеровцев, то теперь лидеры ФСЭЯ так называют нас, россиян.

Лидеры ФСЭЯ неправомерно называют Россию империей и тюр-

мой народов²⁹. По словам известного российского политика, руководителя Комитета по образованию Государственной Думы РФ В. А. Никонова, «Россия стала крупнейшей по территории страной на планете, заполнив геополитический вакуум, образовавшийся после распада самой обширной и могучей империи в истории человечества — империи Чингизидов. ...Территориальная экспансия не сопровождалась уничтожением этносов или культур, превращением новых подданных в рабов. Система управления нерусскими областями отличалась сочетанием максимально допустимого сохранения местных особенностей и жизненных устоев, невмешательства в сферы, регулируемые традицией и обычаями с учетом местных традиций и особенностей»³⁰. Он справедливо утверждает, что система национального господства со стороны «имперской нации» — русских — отсутствовала; на них, напротив, «распространялись самые тяжелые повинности и формы дискриминации — от крепостного

права и рекрутчины, до репрессий и отсутствия этнической государственности. Правящий класс всегда был многонациональным, с непропорционально низким представительством собственно русских. ...Страна веками сохраняла высокую степень веротерпимости, в ней не было инквизиции и охоты на ведьм. Миссионерское начало было развито гораздо меньше, чем на Западе, а о насаждении своей веры силой оружия речи вообще не шло»³¹. «Притеснения иноверных, гонения на еретиков и даже пресле-

Торжественное открытие фестиваля «Шумбрат, Финно-Угрия!» в г. Саранске. 2007 г.

дования старообрядцев, — заключает В. А. Никонов, — имели куда меньшие масштабы, чем в Западной Европе. Россия не знала религиозных войн»³².

В годы советской власти произошли качественные изменения не только в социальной структуре, но и в типологии мордовского этноса, который, как считает Н. Ф. Мокшин, «обретя свою национальную государственность, стал формироваться в нацию»³³. В первые годы после Октября 1917 г. наряду с тенденцией к дальнейшей интеграции эрзи и мокши в этноструктуру мордовской нации заметной была и тенденция к дифференциации их не просто на внутриэтническом (субэтническом) уровне, а на уровне основных этнических единиц — этносов (народов)³⁴.

Этноразделительная тенденция отчасти проявилась и при обсуждении проекта первой Конституции Мордовской АССР, принятой в 1937 г. К статье первой предлагалась поправка: «Принять название республики Мокша-Эрзянская АССР». Однако конституционная комиссия, которую возглавлял Председатель ЦИК Мордовской АССР Н. Г. Сурдин, обсудив ее, пришла к заключению, что республику «более правильно будет назвать Мордовской АССР» по той причине, что «исторически все народы знают мордовскую национальность», а не отдельные части — мокша и эрзя. И, кроме того, сам мордовский народ — и мокша и эрзя — именуют себя мордвой. Отсюда едва ли есть необходимость искусственно создавать другое название»³⁵.

Но кто тогда мог предположить, что в будущем небольшая, но весьма агрессивная группа лиц из ФСЭЯ будет пересматривать федеративное устройство РФ и требовать для себя создания автономной эрзянской республики на территории современной Республики Мордовия, которая яв-

ляется полноправным субъектом Российской Федерации?

В реальности они не питают никаких иллюзий в отношении образования на территории одного из субъектов РФ какой-либо независимой и самостоятельной республики, не верят и в то, что федеральный центр пойдет навстречу требованиям новоявленных национал-сепаратистов. Они преследуют единственную цель: расстроить улей, поссорить между собой мирно проживающие в республике народы, посеять между ними семена подозрительности и недоверия, организовать конфликты на национальной почве, спровоцировать русских и мокшан на создание внутри Мордовии маленьких квази-республик и в конечном счете развалить ее. При этом они прекрасно понимают, что этот апробированный здесь сценарий может быть вполне успешно реализован в финно-угорских и других республиках РФ.

К сожалению, многие до сих пор не придают особого значения поползновениям зарвавшихся национал-сепаратистов, полагая, что их действия не представляют никакой опасности для целостности государства. Однако в жизни все возможно. В начале XX в. в царской России также не придавали особого значения появлению на политической сцене кучки революционеров-большевиков, а результат их деятельности оказался для страны и правящего монархического (дуалистического) режима катастрофическим и весьма плачевным — империя рухнула, а носитель верховной власти со своей семьей был расстрелян.

Хотя бы на минуту себе представим, что вдруг эта автономная этнократическая республика будет создана. Буквально на следующий же день будут предъявлены территориальные претензии и требования к соседним областям о возврате «исторически законных» эрзянских земель. Если им в этом будет отказано, то

сразу поднимется крик об ущемлении прав коренных народов, с подключением Эстонии, Финляндии, ООН и Евросоюза. А если федеральный центр вернет эти «исторически принадлежащие эрзянам земли», то мы получим в территориальном плане мощное этнократическое финно-угорское образование, которое будет разваливать саму Российскую Федерацию.

Главным аргументом образования этнократической квази-республики у местных национал-сепаратистов является то, что якобы «Республика Мордовия не выполняет обязанности, ради которых она утверждалась», что «руководство Республики проводит слегка закамуфлированную политику ликвидации коренных Эрзя и Мокша народов» и «Республика стала смертоносной силой для этих народов»³⁶.

В качестве подтверждения своих провокационных мыслей они приводят такие доводы: «уменьшение численности эрзянского и мокшанского населения по России с 2002 по 2010 г. на 360 тыс., или на 48,5, а с 1989 по 2010 г. численность мордвы сократилась с 1 073 тыс. до 744 тыс., т. е. за 21 год убыль составила 329 тыс., или 30,7 %»³⁷.

Цифры почему-то скачут от 48,5 до 30,7 %, где правда и ложь, трудно понять. Ими не учитывается естественная смертность по возрасту и по болезни, и то, что за тот период население России сокращалось ежегодно почти на 1 млн чел., причем процентов 80 из них составили русские. Точно так же не говорят о том, что правительство РФ и Республики Мордовия в результате принятых мер социального характера (материнский капитал, ипотечное жилье, предоставление рабочих мест, увеличение пенсий и т. п.) сумели остановить убыль населения и привели к демографическому росту. По переписи 2010 г., число мордвы в Республике Мордовия увеличилось по сравнению с 2002 г. с 283 861 до 333 112 чел., или на 8,1 %³⁸.

19 декабря 2014 г., в день пресс-конференции Президента РФ В. В. Путина, председатель ФСЭЯ Г. Д. Мусалёв (Кшуманцянь Пиргуж) задал Президенту РФ провокационный вопрос: «Скажите, почему Россия для коренных народов так и осталось тюрьмой? Коренные народы уничтожают экономически, политически, юридически, физически»³⁹. Автору этих строк также хочется обратиться к господину Г. Д. Мусалёву и задать несколько вопросов.

1. Почему Вы бесцеремонно искажаете историческую и реальную действительность?

2. Кто дал Вам право обращаться от имени всех коренных народов?

3. Может быть, Вы посещали народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, изучали экономику, политику и юриспруденцию Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Чувашии и Удмуртии? Насколько нам известно, Вы облюбовали для себя Эстонию, где права других народов более всего ущемляются и нарушаются. Но Вы об этом скромно молчите, зато на каждом углу громко кричите о гибели и уничтожении эрзянского народа, получаете из рук президента Эстонии Т. Ильвеса орден Земли Марии V степени⁴⁰.

Автор этих строк хочет напомнить всем «говорунам», подобным Мусалёву, что по оценкам экспертов, Мордовия — один из самых благоприятных регионов для инвестирования. За последние годы реализовано более 200 проектов развития с объемом инвестиций более 120 млрд руб.⁴¹

В республике уделяется большое внимание вопросам сохранения и развития национального языка и самосознания мордвы, укрепления связей с многочисленной мордовской диаспорой в разных регионах страны и ближнего зарубежья. Мордовия стала признанным центром

межнационального и культурного общения финно-угорских народов России, Центром финно-угорской культуры.

Отметим и то, что вместе с требованием образования Эрзянской автономной республики со стороны ФСЭЯ раздаются голоса о спасении гибнущего эрзянского языка. Дело дошло до обращения в октябре 2013 г. к Президенту РФ В. В. Путину, в котором они просили его: «помочь сохранению и развитию эрзянского языка, который находится в числе тех, которым угрожает из-за дискриминации государством опасность исчезновения»⁴².

Объектом критики являются не только Правительство РМ, но и Государственная Дума РФ: она в конце 2012 г. внесла поправку в Закон о языках, согласно которому русский язык всем россиянам преподавать обязательно, а язык родной — по выбору родителей». По мнению Г. Д. Мусалёва, «это явное проявление колонизаторской политики» и «предложил законодателям Российской Федерации переделать этот закон, чтобы он не оскорблял и не унижал коренные народы России». Русский язык преподавать всем россиянам обязательно, заключил он, на основании родного языка. Это будет научно, гуманно и справедливо»⁴³.

Суть требований ФСЭЯ сводится к выполнению трех условий:

— увеличить число часов, отводимых на эрзя- и мокша-языки;

— ввести воспитание в детских садах на языках эрзи и мокши;

— включить эрзя- и мокша-языки в число предметов, сдаваемых при поступлении в высшие и средние учебные заведения»⁴⁴.

Как нам представляется, Правительство РМ выбрало сегодня правильный и оптимальный вариант, введя со второго класса по два часа в неделю в школах республики преподавание эрзянского и мокшанского языков. В то же время, на наш взгляд,

воспитание в детских садах на языках эрзи и мокши необходимо осуществлять с учетом желания родителей. Что же касается включения эрзя- и мокша-языков в число предметов, сдаваемых при поступлении в высшие и средние учебные заведения, то это уже происходит, например, при зачислении на национальные отделения филологических факультетов.

В гибели эрзянского языка лидеры ФСЭЯ обвиняют Правительство РМ и министра по национальной политике А. М. Чушкина. Автор этих строк категорически с этим не согласен, потому что Министерство по национальной политике проводит большую работу по развитию системы образования и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения. В целях сохранения и развития мордовского (мокшанского, эрзянского) языка организована работа двух республиканских экспериментальных площадок, где дети с двухлетнего возраста находятся в языковой среде общения с воспитателями в течение дня на родном (мокшанском, эрзянском) языке⁴⁵. Работа по формированию этнокультурного и языкового самосознания учащихся продолжается в школе.

Наряду со сказанным, одной из приоритетных задач республиканской образовательной политики является этнокультурное развитие мордовской диаспоры в России, укрепление ее связей с республикой. Сегодня за пределами республики функционируют 129 школ с преимущественным контингентом детей мордовской национальности, в которых изучается мордовский (мокшанский, эрзянский) язык»⁴⁶.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

История России и Республики Мордовия со стороны лидеров и активистов ФСЭЯ сопровождается волной критики, постоянно искажается и часто извращается. Русско-мордовские дружественные отношения

представляются как полоса постоянных войн и затяжных конфликтов между эрзянами и русскими завоевателями.

В основе образования Эрзянской автономной республики лежит тезис о превосходстве эрзянского народа над представителями других национальностей, проживающих в Мордовии. По сути, лидеры ФСЭЯ требуют формирования этнократического политического режима. Деятельность ФСЭЯ по формированию подобного режима создает условия для возникновения праворадикальных политических сил в Республике Мордовия.

Лидеры ФСЭЯ стараются пробудить национальные чувства и воодушевить эрзянина чувствовать себя господином на своей земле. Они требуют сохранения эрзянской идентичности через развитие родного языка, но навязывают его другим национальностям, проживающим на территории Республики Мордовия, что вызывает недовольство со стороны других народов.

Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, будешь любить другие народы, другие семьи. Если в человеке доминирует настроенность к восприятию

чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию собственной ценности, поэтому в высших осознанных проявлениях национальность всегда миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям. Национализм, который проповедают лидеры ФСЭЯ, — это проявление слабости нации, а не ее силы.

И последнее, лидеры ФСЭЯ отвергают христианскую православную религию и отдают предпочтение язычеству, поэтому они придумали себе языческие псевдонимы, выбрали царя (инязора) и влекут эрзянский народ к дикости, варварству и средневековью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Грачева Т. В. Святая Русь против Хазарии. Рязань, 2009. С. 39.
- ² Гулевич В. Великая «Финно-угрия» — сделано в США. 2010. 20 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ljplus.ru/img4/h/m/hmelnicky/finno-ugry.jpg> (дата обращения — 05.05.2015).
- ³ Цит. по: Иванов В. Национал-сепаратизм. Финно-угорские республики РФ и зарубежный фактор // Москва. 2014. № 6. С. 154.
- ⁴ Там же. С. 155.
- ⁵ Там же. С. 157.
- ⁶ Там же. С. 158.
- ⁷ Там же. С. 165.
- ⁸ Маньшин С. Бандеровская игла русофобии под кожей Мордовии [Электронный ресурс]. URL: <http://banderology.nnm.me/> (дата обращения — 05.05.2015).
- ⁹ См.: Эрзянь Мастор. 2014. 30 мая.
- ¹⁰ Мокшин Н. Ф. Два берега у одной реки // Совет. Мордовия. 1994. 10 июня.
- ¹¹ Юрчёнков В. А. Мордовская история : курс лекций. Саранск, 2014. С. 55.
- ¹² Шитов В. Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность : материалы II всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 53.
- ¹³ Там же. С. 54 — 55.
- ¹⁴ Юрчёнков В. А. Мордовский народ в Российской империи: XVIII — начало XX вв. // Мордва Российской империи / сост. В. А. Юрчёнков. Саранск, 2014. С. 7.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен : в 4 т. М., 1933. Т. 1. С. 241 — 247; Васильев Т. В. Мордовия. М., 1931. С. 35 — 47.
- ¹⁷ См.: Эрзянь Мастор. 2015. 16 марта.
- ¹⁸ Там же. 27 февр.
- ¹⁹ Там же. 2014. 29 авг.
- ²⁰ Там же. 2015. 31 марта.
- ²¹ Там же. 2014. 17 янв.
- ²² Там же. 2015. 31 марта.
- ²³ Там же. 2014. 17 янв.
- ²⁴ См.: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Калуга, 1995. Кн. 1, вып. 1 — 3. С. 80. Взгляды историка-федералиста Н. И. Костомарова на историю мордовского народа и края подробно изложены в статье В. А. Юрчёнкова «История мордовского края в трудах Н. И. Костомарова: „местный колорит“ и „федеративная теория“» (см.: Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республика Мордовия. 2014. № 4 (32). С. 73 — 92).
- ²⁵ См.: Абрамов К. Пургаз : роман-сказание. Саранск, 1993. Роман вышел в свет в 1988 г. на эрзянском языке, а в 1993 г. — на русском.
- ²⁶ См.: Эрзянь Мастор. 2015. 27 февр.; 16 марта.
- ²⁷ Там же. 16 янв.
- ²⁸ Там же. 2014. 11 июня.
- ²⁹ Там же. 2015. 16 янв.
- ³⁰ См.: Никонов В. А. Слово главного редактора // Стратегия России. 2014. № 2. С. 4.
- ³¹ Там же. С. 4 — 5.
- ³² Там же. С. 5.
- ³³ См.: Мокшин Н. Ф. Указ. соч.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-234. Оп. 8. Д. 55. Л. 61.
- ³⁶ Эрзянь Мастор. 2014. 14 нояб.
- ³⁷ Там же. 2014. 14 нояб.; 14 февр.; 2015. 27 февр.
- ³⁸ Там же. 2014. 14 февр.
- ³⁹ Там же. 2015. 16 янв.
- ⁴⁰ Там же. 2014. 14 марта.
- ⁴¹ См.: 85 лет мордовской автономии // Изв. Мордовии. 2015. 9 янв.
- ⁴² Эрзянь Мастор. 2014. 31 янв.
- ⁴³ Там же. 11 июня.
- ⁴⁴ Там же. 29 авг.
- ⁴⁵ Текущий архив Министерства по национальной политике Республики Мордовия. Отчет о реализации в Республике Мордовия в 2014 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года. С. 13.
- ⁴⁶ Там же. С. 14.

Василий Александрович Григорькин,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Саранск)

ДВА ФЕСТИВАЛЯ

2013 год выдался весьма наполненным различными праздниками и отмечаемыми юбилеями. Это и 400-летие окончания Смуты и восстановления российской государственности, и 1025-летие Крещения Руси и многие другие. Год оказался весьма насыщен мероприятиями в области исторической реконструкции.

Клубу исторического фехтования и реконструкции «Варма» («Ветер») посчастливилось присутствовать на одном из самых масштабных мероприятий — II Международном фестивале живой истории «Волжский путь» в Ульяновской области, а также поучаствовать в организации подобного мероприятия уже на мордовской земле — фестиваля реконструкции истории и культуры города Темникова «Спасские встречи».

Подобные фестивали являются своеобразными «барометрами» историко-культурной жизни общества, привлекают огромное внимание публики и представляют собой значительные возможности для бизнеса и туризма, во всем мире вокруг подобных мероприятий вырастает целая инфраструктура, закладываются туристические маршруты, готовится сувенирная продукция, подтягиваются все силы города и региона, которому повезло попасть в подобное течение ветра истории.

Именно поэтому, исходя из важности и масштабов мероприятий данного толка, в данной статье сделана

попытка рассмотреть некоторые их аспекты на конкретных примерах.

Фестивали исторической реконструкции, как правило, проводятся на средства, выделяемые из бюджета администрациями городов, областей, а также на средства спонсоров — различных организаций и частных лиц. У главных заказчиков мероприятия соответственно свои требования и свое понимание происходящего. Для них важны зрелищность действия, развитие туризма, привлечение максимально возможного числа зрителей, снижение затрат за счет самоокупаемости мероприятия, и не так важна аутентичность, что изначально на уровне экономического подхода к организации фестиваля снижает план-

ку с Living History («Живая история») до уровня «Культурное общественное мероприятие».

Это — первое, но не самое важное различие, которое стоит отметить в сравнении «Волжского пути» и «Спасских встреч». Разумеется, первый фестиваль, более масштабный, проходящий два месяца — с 12 июня по 12 августа 2013 г., организованный с помощью местных туристических центров (ТРЗ «Центр ремесел Ульяновского района» в с. Новая Беденьга и АТК «Русский берег» в Старомайском районе), с участием министра экономики региона Олега Асмуса и директора ОГКУ «Ульяновский областной ресурсный центр развития туризма и сервиса» Сергея

На II Международном фестивале живой истории «Волжский путь»

Лаковского, охватывающий своими мероприятиями практически всю область, легко выигрывает по сравнению с гораздо более скромным мордовским фестивалем «Спасские встречи» с бюджетом и масштабом развернутых площадок. Важно другое различие.

Формат «Живая история» подразумевает более глубокий и научный подход к изучению и изготовлению объектов материальной культуры, комплектов одежды и вооружения. Это направление еще называют прикладной и экспериментальной археологией, т. е. исторический эксперимент как метод исследования некоторого явления в управляемых условиях является основополагающим в данном направлении. Именно этим принципом руководствовались организаторы «Волжского пути» — не забывая про «шоу для зрителей», была сделана попытка максимально полного погружения в историческую реальность: «Волжский путь» задумывался для воссоздания исторического облика и культуры народов Восточной Европы X — XIII вв. Плюс к этому фестиваль проходил на территории расположенного здесь археопарка, где восстановили двухкамерное жилище именьковской культуры (VI — VII вв). Поэтому участники фактически жили в историческом месте, в историческое время, в исторической атмосфере. Клубы исторической реконструкции располагались в палатках, являющихся репликой раннесредневековых европейских палаток и шатров, пища готовилась на огне, было запрещено использование современных материалов (синтетики), дождливая погода в полной мере произвела испытания одежды и обуви реконструкторов — реплик рубах, шаровар, ботинок, поршней и сапог. Здесь была своя «валюта» — монеты, которые действовали наравне с российскими деньгами. Фестивальная «валюта» была двух видов: одна монета — точная

копия золотого динара X в.; вторая — с логотипом «Волжского пути». Их выдавали в обмен на рубли в специальных лавках. Желающие могли отчеканить и собственную монету.

На «Волжском пути» работало около дюжины площадок реконструкций, где были созданы действующие модели древних производств: гончарной, кожевенной, металлообрабатывающей и др. Пользовались огромным спросом и сувенирные лавки, в которых продавалось все — от украшений до меда. Проводились мастер-классы по изготовлению бус, клепанию кольчуг, вышиванию и т. д.

Не стали пренебрегать организаторы и научной сферой: более 30 ученых стали участниками международной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». Интересно, что в ходе конференции изготавливались реплики старинных изделий с установлением специфики их производства в прошлые эпохи.

Индивидуальные и массовые схватки дружин различных клубов из Саратова, Пензы, Оренбурга,

*Руководитель клуба исторического фехтования и реконструкции «Варма»
В. А. Григорькин*

На II Международном фестивале живой истории «Волжский путь»

Ульяновска и других городов, конкурс костюмов, показательное сражение, совмещенное со штурмом крепости, конный турнир и многое другое не давало скучать многочисленным зрителям.

Таким образом, на примере фестиваля «Волжский путь» мы можем наблюдать успешный пример, когда туризм и наука соединены в единый кластер — значительное достижение, имеющее огромное значение в будущем.

К сожалению, не обошлось и без «ложки дегтя»: им стало практически полное отсутствие реконструкций костюмов автохтонных народов Среднего Поволжья: мордвы, марийцев, удмуртов и т. п. По всей видимости, их реконструкции не пользуются особым спросом в Среднем Поволжье. Но стоило бы помнить, что 2013 г. является также юбилейным для мордвы: 910 лет назад, в 1103 году мордовское войско разбило дружину муромского князя Ярослава — это одна из первых зафиксированных побед мордовского оружия. Да и последующие века отнюдь не были мирными для поволжских и приуральских народов. Объяснение такому «пренебрежению», видимо, стоит искать в «региональности» истории местных финно-угорских народов, уступающих по масштабам свершений викингам, руссам или волжским булгарам.

Еще большей «ложкой дегтя» для нас — клуба исторического фехтования и реконструкции «Ветер» — единственного мордовского клуба на фестивале, оказались совсем другие обстоятельства. Как нам удалось выяснить, в других регионах Российской Федерации движение исторической реконструкции находится под покровительством местной власти,

которая финансирует ряд клубов, дает им помещение, оказывает поддержку в работе с молодежью и т. д., достигая таким образом сразу нескольких целей: реклама региона на фестивалях и турнирах, экономия средств на молодежных и культурных программах (в них участвуют и нередко организуют сами реконструкторы, которые и получают нужные средства), развитие спорта в регионе (фехтование и др.), развитие культурно-массовой сферы (с участием тех же реконструкторов) и т. д. и т. п.

В ряде клубов насчитывается несколько десятков человек, что позволяет выезжать сменными командами сразу на несколько фестивалей, турниров, мероприятий, демонстрируя жизнеспособность, рекламируя и представляя свой регион, который их поддерживает. Для нас это весьма необычно — вниманием со стороны властей клуб не избалован, денег за мероприятия, в которых участвовал, не получал и находится на полном и крайне недостаточном самообеспечении. Стоит напомнить также, что последний мордовский фестиваль — «Весенние ристания» прекратил свою деятельность в 2011 г.

Таким образом, Мордовия просто неизвестна на фестивалях, турнирах,

посвященных определенному историческому периоду (IX — XIII вв.). Известны люди, которые участвуют в них, переписываются с другими реконструкторами, но они не ассоциируются с 13-м регионом РФ. Доходило до анекдотичных ситуаций, когда спрашивая о том, что известно о Мордовии представителей других регионов, чаще вспоминались места лишения свободы, чем люди, события, клубы...

Закончив на столь печальной ноте рассказ об ульяновском фестивале, мы возвращаемся на мордовскую землю, где с 14 по 20 августа 2013 г. проходили «Спасские встречи» — фестиваль реконструкции истории и культуры города Темникова в рамках проекта «Креативно-культурное пространство Темникова».

Данный проект был осуществлен обладателем президентского гранта — общественной организацией «Агентство волонтерской службы „Пиэтас“»

*Директор Клуба возрождения
финно-угорских воинских игр «Тюштя»
П. В. Мигунов*

«Спасские встречи» в г. Темникове

Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Руководила проектом директор РОО АВС «Пиэтак» Наталья Васильевна Герасимова. В фестивале активное участие принимали работники культурных учреждений Темниковского района, преподаватели детской музыкальной школы им. Л. И. Войнова, студенты медицинского училища и сельскохозяйственного колледжа, а также учащиеся Темниковской средней общеобразовательной школы № 2. Помощь в подготовке оказывали библиотекари и сотрудники Историко-краеведческого музея им. Ф. Ф. Ушакова.

В качестве гостей на фестиваль-реконструкцию были приглашены представители из Самары, Ульяновска, Челябинска, Пензы, Перми и Саранска.

На мероприятии присутствовали глава администрации района И. Н. Гамаюнов, глава городского поселения В. В. Афонин, депутат Государственного Собрания РМ, директор медицинского училища Е. Г. Фомина, директор республиканского Дома народного творчества С. В. Чиндина, начальник отдела культуры Кочкуровского района Э. И. Ляшина, начальник отдела по культуре Темниковского района Н. В. Кулькова и др.

Основным событием фестиваля стала реконструкция темниковской ильинско-спасской ярмарки, которая была проведена 19 августа в окрестностях Емашевской рощи в формате мероприятия районного масштаба.

Среди событий фестиваля стоит отметить следующие:

- концерт участников художественной самодеятельности района;
- «Хлебосольная сторонюшка» — дегустация национальных блюд;
- интересные мастер-классы, например «200 способов завязывания платков», плетение из бисера нагрудного украшения — тифкс, уроки по вязанию крючком, на спицах, по вышиванию лентами.

Для любителей спорта была устроена площадка, где соревновались темниковские лаптисты — бронзовые призеры открытого Кубка Волги по мини-лапте на пляже, прошедшего с 1 по 3 августа в Темникове.

В фестивале принимали участие представители мордовских клубов реконструкции и фехтования «Ветер» и клуба возрождения финно-угорских игрищ «Тюштя» (директор П. В. Мигунов). Количество участников было ограниченным, поэтому основными предпринятыми нами действиями были следующие:

- организация спортивных мероприятий (стрельба из лука и бросание сулиц);
- примерка зрителями средневековых доспехов;
- отдельные представления, связанные с демонстрацией клинкового боя.

Не избалованная подобными зрелищами публика приняла предлагаемые представления с большим удовольствием.

При сравнении двух данных мероприятий мы в первую очередь обращаем внимание на их цели. И, если в случае «Волжского пути» целью была «живая история», то в случае «Спасских встреч» — это шоу, «работа на публику», что — совершенно правильно и логично.

Сами «экспериментальные археологи» — реконструкторы — являются современными людьми, носителями современной культурной парадигмы, поэтому погружение в нужную эпоху не только технически, но и психологически не легкая задача. На фестивалях почти всегда присутствуют зрители, фактор, слабо поддающийся контролю. И, если присутствие зрителей на мероприятиях, подобных «Волжскому пути», нивелируется соответствующим числом участников и огромным историческим лагерем, то в окрестностях Емашевской рощи это было в принципе невозможным.

К тому же заказчики и спонсоры фестиваля не готовы оплачивать длительные затраты на подготовку какого-либо исторического действия и аутентичность результата — им нужна зрелищность при минимальных затратах. Поэтому — да здравствует шоу, для которого не важны научные цели и знания. В развлекательном мероприятии не так важна научная обоснованность реконструкций объектов материальной культуры и выполняемых действий, как их соответствие неким субъективно усредненным «жестким требованиям» организаторов и публики. Более того, порой участникам ставится в укор то, что их вид несколько «непрезентабелен» и не выделяется пышностью отделки или дорогими тканями.

Любое шоу проводится для зрителей, а им и подавно не нужна наука и высокая аутентичность, они пришли отдохнуть и насладиться зрелищем. Пример из описываемого фестиваля: была разыграна сценка «божий суд» — два участника разыграли ссору и последующий поединок на мечех, имитируя судебный поединок, описанный в первых судебниках Руси. Зрителей волновали не правила поединка, они не заметили, что поле было не ограничено, что поединщики перед боем не показали судье свое оружие и прочие тонкости, на которые обратил бы внимание любой историк, их прежде всего интересовал сам бой.

На фестивале формата «развлекательное шоу» востребованы ремесла и действия, во-первых, понимаемые обывателем, во-вторых, отличающиеся зрелищностью процесса и осознанностью результата.

Признаки шоу хорошо видны в самом зрелищном направлении — «исторический бой». Рассмотрим это также на примере «Спасских встреч»: зрители охотно и активно примеряли доспехи (шлема и кольчуги), практически не интересуясь их историзмом, соответствием историческим аналогам,

На II Международном фестивале живой истории «Волжский путь»

не обращая внимания на аутентичность доспеха и вооружения, которые дорого производить даже на современном оборудовании. Им требовалось в основном внешнее сходство образцов с историческими аналогами, т. е. зрелищность, а не аутентичность материалов и технологий производства.

Поэтому, с одной стороны, выставление высоких требований уровня «живая история» к комплексу не соответствует шоу-формату фестиваля «Спасских встреч». С другой стороны, заказчик фестиваля требовал зрелищность и минимизацию затрат — и они были обеспечены. Никто же не требовал быть абсолютно точными в реконструкции отрезка жизни темниковцев конца XIX — начала XX в. Отсюда и театральные мордовские костюмы, отсутствие аутентичных украшений, реконструкция обряда массового моления мордовского народа «Озим пуре» («Озимой квас») и освящения «святой водой» яблочек...

Может сложиться неверное впечатление, что «Спасские встречи» безнадежно уступают «Волжскому пути». С точки зрения масштабов — безусловно. Но вместе с тем

Темниковский фестиваль послужил прекрасной площадкой, на которой был произведен отличный социологический эксперимент — по реакции зрителей, по их предпочтениям, по произведенному эффекту мы попытались выявить наиболее волнующие их проблемы; приемы и сценки, которые им особенно понравились; наиболее посещаемые действия... В частности, было установлено следующее.

1. В области культурно-массового отдыха населения: оно лишено масштабного зрелищного мероприятия, проводимого с высоким уровнем организованности и культуры, позволяя не только увидеть, но и прикоснуться и попробовать историю «на вкус». Имеется в виду приготовление пищи в натуральных условиях средневекового лагеря либо — подобно «Спасским встречам» — предложение традиционных национальных блюд и напитков мордовской кухни.

2. В области туристической политики: в отличие от Выборга, Рязани, Ульяновска и других городов, Саранск и Мордовия относительно «бедны» в плане туристических объектов. Средством привлечения туристов мог бы стать фестиваль, подоб-

ный описанным выше. В ряде регионов такие мероприятия являются «золотой жилой», и при должной организации фестиваль мог бы стать полностью коммерческим и окупаемым.

Предпринятые нами наблюдения позволили сделать следующие выводы:

— историко-культурные мероприятия по-прежнему пользуются высоким спросом и активно посещаются населением (в случае «Спасских встреч» была зафиксирована посещаемость в несколько сотен человек);

— посетители активно раскупили сувенирную и другую продукцию, предлагаемую на продажу, а также с охотой питались предлагаемыми продуктами (хлебобулочные изделия, слабоалкогольная продукция и т. д.);

— особой популярностью пользуются выступления «милитаризированных» клубов исторической реконструкции.

Таким образом, «живая история», в Мордовии пользуется активным спросом населения, а грамотные действия могут с ее помощью поднять престиж республики в целом. Кроме того, это поможет решению важнейших общественно-культурных задач:

— развитие духовных и культурных традиций на основе изучения истории и культуры народов, участвовавших в формировании Древнерусского государства (в том числе мордовского);

— освоение навыков воинского ремесла X — XVII вв.;

— укрепление межрегиональных спортивных и культурных связей на основе спортивно-исторической деятельности и многие другие.

Надеемся, что наш призыв будет услышан.

По традиции напоминаю о том, как желающие могут попасть в клуб или связаться с его руководством: наша группа Вконтакте http://vk.com/mroo_kir_varma.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

Юрчѐнков Валерий Анатольевич — директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор

e-mail: valera.historian@yandex.ru

МОРДОВСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова. Казачество, Оренбургское казачье войско, станица, поселок, атаман

Аннотация. В статье анализируется ситуация в среде мордовского казачества накануне революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Предпринимается попытка определить место казаков-мордвы в структуре Оренбургского казачьего войска, выделить особенности их положения и жизнедеятельности.

Сухова Ольга Александровна — заместитель заведующего кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

e-mail: savtemp@yandex.ru, suhhov747@yandex.ru

ВОССТАНИЕ ОБЩИН: ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Ключевые слова. Гражданская война, крестьянство, община, восстание, самосуд, дезертирство, обывденное сопротивление

Аннотация. В статье анализируются формы крестьянского сопротивления в условиях Гражданской войны в России. Посредством применения достижений междисциплинарных исследований (в области изучения социальной психологии и народного правосознания) решается проблема определения характера и направленности крестьянских выступлений применительно к различным этапам «общинной революции».

Щербинин Павел Петрович — заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор исторических наук, профессор

e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

ДЕТИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ, ПОДРОСТКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ...

Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны

Ключевые слова. Революция, дети, Первая мировая война, беспризорность, беженцы, общество, Гражданская война.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования поколения революции 1917 г. и Гражданской войны сквозь призму кризисного детства в результате войн и социальных катаклизмов начала XX в. Уточнены факторы, повлиявшие на развитие агрессивности, психических расстройств и травматичности у «поколения революционеров». Доказано, что войны и революции начала XX в. привели к ломке традиционных устоев и повседневно-бытовых реалий детей и подростков, оказали мощнейшее воздействие на семейные, социальные и профессиональные отношения, а также воспитательные и образовательные практики рассматриваемого хронологического периода.

Гусаров Юрий Владимирович — ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, кандидат исторических наук

e-mail: gsr63@yandex.ru

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ТАЙНИКА В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ: О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ЭТНОГРАФА Н. В. НИКОЛЬСКОГО

Ключевые слова. Иконография, чувашский этнограф, Н. В. Никольский, чувашский поэт, переводчик, Т. К. Кириллов, история Чувашии, история чувашской литературы начала XX в., политические репрессии, история рода Никольских.

Аннотация. В статье рассказывается о самой ранней фотографии в иконографии этнографа Н. В. Никольского, история которой тесно связана с судьбой его родственников — Кирилловых, Романовых и Лесиных, чьи представители пострадали от гонений советской власти на духовенство и политических репрессий конца 1930-х — начала 1950-х гг. В 1899 г. Н. В. Никольский сфотографировался на память об окончании Казанской духовной семинарии, в 1900 г. подарил свой фотопортрет молодоженам, чувашскому поэту и священнику Т. К. Кириллову и Е. В. Кирилловой (Никольской). В 1930-е гг. Е. В. Кириллова из страха обыска и ареста спрятала фотографию в тайник, сделанный в семейном альбоме. В 2008 г. фотография была случайно найдена ее дочерью К. Т. Серовой и ухаживавшей за ней родственницей З. З. Березиной. С 2010 г. фотография хранится в семейном архиве дальнего родственника Н. В. Никольского, археолога из г. Чебоксар А. Ю. Березина.

Сулдына Людмила Викторовна — старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, кандидат исторических наук

e-mail: guniign@list.ru

ИЗ ИСТОРИИ РОДА КИКИНЫХ

Ключевые слова. Род Кикиных, Наумовы, Е. Н. Кикин, Селезневы, с. Трофимовщина, Саранский уезд.

Аннотация. Статья посвящена происхождению дворянского рода Кикиных. На основе разнообразных источников была прослежена история рода по настоящее время. Большое внимание уделено тому, как Кикины попали в мордовский край и какую роль здесь сыграли.

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Director, NIIGN, Doctor of History, Professor

e-mail: valera.historian@yandex.ru

THE MORDOVIAN COSSACKS ON THE EVE OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 AND THE CIVIL WAR

Key words. The Cossacks, Orenburg Cossack army, stanitsa, settlement, ataman.

Annotation. The situation among the Mordovian Cossacks on the eve of the revolutionary events of 1917 and the Civil War are analyzed in the article. An attempt to determine the place of Cossacks — the Mordvins in the structure of the Orenburg Cossack army is made, as well as to distinguish features of their state and life.

Sukhova Olga Aleksandrovna — Deputy Head of Department “History of Russia, Local History and Teaching Methods of History”, Penza State University, Doctor of History, Professor,

e-mail: savtemp@yandex.ru, suhhov747@yandex.ru

THE REVOLT OF COMMUNITIES: THE INNER FRONT OF THE CIVIL WAR IN THE MIDDLE VOLGA REGION VILLAGE

Key words. The civil war, the peasantry, the community, revolt, mob law, desertion, everyday resistance.

Annotation. The forms of peasant resistance during the Civil War in Russia are analyzed in the article. The problem of determination of the nature and direction of peasant uprisings in relation to different stages of “communal revolution” is solved by means of achievements of interdisciplinary studies (in the field of social psychology and public sense of justice).

Shcherbinin Pavel Petrovich — Head of the UNESCO Department on Human Rights and Democracy of the Institute for Law and National Security, G. R. Derzhavin Tambov State University, Doctor of History, Professor

e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

CHILDREN OF THE RUSSIAN-JAPANESE, TEENS OF THE FIRST WORLD...

Stages of becoming grown-up of participants of the revolution of 1917 and the Civil War

Key words. Revolution, children, the First World War, homelessness, refugees, society, the Civil War.

Annotation. The article is devoted to the problems of formation of the generation of the revolution of 1917 and the Civil War, considered from the point of view of the crisis childhood as a result of wars and social cataclysms of the early XX century. The factors, influenced on the development of aggression, mental disorders and injuries of the “generation of revolutionaries” are clarified. It is proved that wars and revolutions of the early XX century resulted in destruction of traditional foundations and everyday life realities of children and adolescents, had a tremendous impact on family, social and professional relationship, as well as on educational practices of the chronological period under review.

Gusarov Yury Vladimirovich — Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities by the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic, Candidate of History

e-mail: gsr63@yandex.ru

HISTORY OF THE PHOTO FROM A HIDING PLACE IN THE FAMILY ALBUM

About kinship of an ethnographer N. V. Nikolsky

Key words. Iconography of Chuvash ethnographer N. V. Nikolsky, Chuvash poet, translator T. K. Kirillov, history of Chuvashiya, history of Chuvash literature of the early XX century, political repressions, history of the Nikolskys.

Annotation. The article tells about the earliest photo in iconography of an ethnographer N. V. Nikolsky, which history is closely connected with the fate of his relatives — the Kirillovs, the Romanovs, the Lesins, whose members suffered persecution for the clergy and political repressions of the Soviet regime at the end of the 1930s — the beginning of the 1950s. In 1899 N. V. Nikolsky made the photo in the memory of graduating from the Kazan Theological Seminary, in 1900 he presented his photo to a Chuvash poet and priest T. K. Kirillov and E. V. Kirillova (Nikolskaya), who were the newlyweds. In the 1930s E. V. Kirillova being in fear of search and arrest put the photo in a hiding place, made in the family album. In 2008 the photo was occasionally found by her daughter K. T. Serova and her relative Z. Z. Berezina, who was looking after her. Since 2010 the photo has been kept in the family archive of a distant relative of N.V. Nikolsky, an archeologist from Cheboksary A. Yu. Berezina.

Suldina Lyudmila Viktorovna — Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, Candidate of History

e-mail: guniign@list.ru

FROM THE HISTORY OF THE KIKINS' FAMILY

Key words. The Kikins' family, the Naumovs, E. N. Kikin, the Seleznevs, the Trofimovschina village, the Saransk Uyezd.

Annotation. The article is devoted to the origin of the noble family of the Kikins. The history of the clan is followed till the present on basis of a variety of sources. Much attention is paid to the fact how the Kikins got to the Mordovian region and what role they played here.

Кустов Владимир Владимирович — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН

e-mail: pimp65rip@mail.ru

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ К. СМОРОДИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА «ПОСЛАНИЙ К АННЕ»)

Ключевые слова. Лирическая миниатюра, поэтическая молитва, метафора, синтаксический параллелизм, рефрен, антитеза.

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворений Константина Смородина из сборника «Послания к Анне», в которых наиболее ярко отражены духовные искания лирического героя, обусловленные драматическими событиями жизни.

Бикейкин Евгений Николаевич — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, кандидат философских наук, доцент

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Задкова Татьяна Юрьевна — старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, кандидат исторических наук

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

«ЧТО ВОЙНА?.. КУПЦЫ ПРОТОРГОВАЛИСЬ, А С НАС ШКУРУ ДЕРУТ...»

Восприятие войны и образ врага в воспоминаниях участников Первой мировой войны — уроженцев мордовского края

Ключевые слова. Мемуары, Первая мировая война, восприятие, психология солдата, кризисное сознание, образ врага.

Аннотация. В статье исследуются психология солдата и трансформация его ценностных ориентаций и поведения в экстремальных условиях. На основании мемуаров участников Первой мировой войны делается вывод об изменении образа войны и врага, на что повлияли продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу.

Учватов Павел Сергеевич — аспирант отдела истории НИИГН

e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

«ВРЕДИТЕЛИ» И «ВРАГИ НАРОДА»

СНК Мордовской АССР в период репрессий 1937 — 1938 гг.

Ключевые слова. Совет Народных Комиссаров Мордовской АССР, народный комиссар, НКВД, репрессии, Большой террор.

Аннотация. В статье рассмотрены массовые «чистки», осуществленные в Совете Народных Комиссаров МАССР в 1937 — 1938 гг., проанализирован смысл их проведения. Дан обзор примеров постановлений, принятых СНК в данный период.

Бибин Михаил Андреевич — ведущий научный сотрудник отдела истории НИИГН, доктор исторических наук, профессор

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

НАЦИОНАЛ-СЕПАРАТИЗМ НА МОРДОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Ключевые слова. Национальность, народ, этнос, мордовский народ, эрзя, мокша, русские, финно-угры, территория, регион, республика, язык, сепаратизм, экстремизм, оккупант, агрессор, завоеватель, независимость, организация, движение.

Аннотация. Статья посвящена деятельности общественного движения Фонд спасения эрзянского языка. В ней с использованием широкого круга источников анализируются национал-сепаратистские взгляды лидеров и руководителей данного фонда, нашедшие отражение в материалах издаваемой ими общественно-политической газеты «Эрзянь Мастор».

Григоркин Василий Александрович — доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарёва, кандидат исторических наук, доцент

e-mail: wormannmeister@gmail.com

ДВА ФЕСТИВАЛЯ

Ключевые слова. Фестиваль, реконструкция, фехтование, Мордовия.

Аннотация. В статье анализируются состояние и перспективы развития средневековой исторической реконструкции и фехтования в Республике Мордовия.

Курсева Галина Александровна — заместитель директора по научной работе НИИГН, доктор исторических наук, профессор

e-mail: guniign@list.ru

Минеева Ирина Николаевна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, кандидат исторических наук

e-mail: guniign@list.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В МОРДОВИИ В 1990 — 2000 гг.

Ключевые слова. Художественная культура, литература, театр, творческие союзы, художественная самодеятельность, изобразительное искусство.

Аннотация. В статье анализируется развитие художественной культуры в Мордовии в период 1990 — 2000 гг.

Kustov Vladimir Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN

e-mail: pimp65rip@mail.ru

A LYRICAL HERO OF K. SMORODIN AS A REFLECTION OF SPIRITUAL QUESTS OF THE AUTHOR (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF "MESSAGES TO ANNA")

Key words. Lyric miniature, poetic prayer, metaphor, syntactic parallelism, refrain, antithesis.

Annotation. The article deals with the analysis of poems by Konstantin Smorodin from his collection "Messages to Anna", where the spiritual quests for lyrical hero, caused by dramatic events of life, are reflected most clearly.

Bikeikin Evgeny Nikolayevich — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Candidate of Philosophy, Associated Professor

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Zadkova Tatyana Yuryevna — Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Candidate of History

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

"WHAT'S THE WAR?.. MERCHANTS HAVE LOSSES, AND BLEED US WHITE..."

The perception of the war and the enemy image in the memories of the participants of the First World War — the natives of the Mordovian land

Key words. Memoirs, the First World War, perception, psychology of a soldier, crisis consciousness, enemy image.

Annotation. The psychology of a soldier and transformation of his value system and behaviour in extreme conditions are analyzed in the article. Based on the memoirs of participants of the First World War it is concluded that the image of the war and the enemy changed under the influence of the duration of the war, the course and nature of warfare, victory and defeat, attitude of mind at the front and in the rear.

Uchvatov Pavel Sergeevich — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN

e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

"THE WRECKERS" AND "THE ENEMIES OF NATION"

The CPC of Mordovian ASSR in the period of repressions 1937 — 1938

Key words. Council of People's Commissars of the Mordovian ASSR, people's commissar, NKVD, repressions, The Great terror.

Annotation. The mass purges carried out in the Council of People's Commissars MASSR in 1937 — 1938 are considered in the article. The meaning of them is analyzed. A review of examples of decisions of the CPC in this period is cited.

Bibin Mikhail Andreyevich — Leading Researcher of Department of History, NIIGN, Doctor of History, Professor

e-mail: otdel_istorii@mail.ru

NATIONAL SEPARATISM IN THE MORDOVIAN LAND

Key words. Nationality, nation, ethnos, Mordovian people, the Erzya, the Moksha, the Russians, the Finno-Ugrians, territory, region, republic, language, separatism, extremism, occupier, aggressor, conqueror, independence, organization, movement.

Annotation. The article is devoted to the activity of the Fund for Saving the Erzya Language movement. National and separatist views of leaders and managers of the Fund, represented in materials of the social and political newspaper "Erzyan Mastor", published by them, are analyzed on basis of a wide range of sources.

Grigorkin Vasily Aleksandrovich — Assistant Professor of Department of Economic History and Information Technology of History and Sociology Institute, N. P. Ogarev Mordovia State University, Candidate of History, Associate Professor

e-mail: wormannmeister@gmail.com

TWO FESTIVALS

Key words. Festival, reconstruction, fencing, Mordovia.

Annotation. The state and prospects for development of medieval historical reconstruction and fencing in the Republic of Mordovia are analyzed in the article.

Kursheva Galina Aleksandrovna — Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, Doctor of History, Professor

e-mail: guniign@list.ru

Mineeva Irina Nikolaevna — Senior Teacher of Department of Civil and Law Disciplines, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation, Candidate of History

e-mail: guniign@list.ru

Art Culture of Mordovia in the 1990 — 2000

Key words. Art culture, literature, theater, creative unions, amateur arts, fine art.

Annotation. The development of art culture in Mordovia in the 1990s — 2000s are analyzed in the article.

Мироськина Александра Ефимовна — кандидат филологических наук, член Союза журналистов СССР и России

e-mail: guniign@list.ru

ДОРОГИЕ МОИ РЕДАКТОРЫ

Школа жизни

Ключевые слова. Газета, редактор, корреспондент, корректура, газетная полоса.
Аннотация. В статье повествуется о редакторах многотиражных газет «Трибуна строителя» и «Строитель» в Мордовии.

Краснов Владимир Геннадьевич — экономист

e-mail: guniign@list.ru

ЗЕМСКИЙ ВРАЧ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Ключевые слова. Земский врач, сельская медицина, просветительская деятельность, организация здравоохранения, Герой Труда.

Аннотация. В статье на основе материалов из личного архива Героя Труда А. П. Воскресенского и печатных изданий о нем даются новые сведения о его жизни, ранее не известные широкому кругу читателей.

Клюева Ирина Васильевна — профессор кафедры культурологии и этнокультуры МГУ им. Н. П. Огарёва, кандидат философских наук

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

М. М. БАХТИН МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ: ВСТРЕЧИ В МАЛЕЕВКЕ (1963 — 1966)

Ключевые слова. Гуманитарная интеллигенция в СССР, М. М. Бахтин, Э. Л. Линецкая, Л. Е. Пинский, Е. М. Лысенко, П. С. Кобзаревский.

Аннотация. В статье рассматриваются эпизоды жизни и деятельности М. М. Бахтина, связанные с его пребыванием в Доме творчества писателей в подмосковной Малеевке в 1963 — 1966 гг., анализируются его творческие контакты того периода. Источниками исследования являются материалы и документы из личной библиотеки и архива мыслителя. Впервые публикуется ряд неизвестных фотографий, сделанных в Малеевке, уточняется датировка ранее опубликованных фотодокументов.

Корякова Ирина Константиновна — доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса МГУ им. Н. П. Огарёва, кандидат исторических наук, доцент

e-mail: koryakova@yandex.ru

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

Профессор Николай Васильевич Сивачёв

Ключевые слова. История, американистика, университет, США, исторический факультет, преподаватель, студент.

Аннотация. В статье рассказывается о выдающемся отечественном историке Н. В. Сивачёве. Рассматривается его вклад в становление советской американистики, в создание отечественной школы исследования США, в укрепление научных связей между СССР и США.

Кемаев Евгений Николаевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН

e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Пронин Александр Сергеевич — младший научный сотрудник отдела археологии НИИГН

e-mail: archeoniirm@yandex.ru

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА

Ключевые слова. И. М. Петербургский, археология, раскопки, экспедиции, НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР, вклад в науку.

Аннотация. Материалы включают воспоминания друзей, коллег и учеников И. М. Петербургского о жизни и деятельности ученого.

Ломшин Владимир Александрович — главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, кандидат исторических наук, доцент

e-mail: guniign@list.ru

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УСТОЯВШИЕСЯ СТЕРЕОТИПЫ

Рецензия на книгу Н. А. Крисановой «Высшая школа Мордовии в системе советской идеологии»

Ключевые слова. Высшая школа, университет, профессорско-преподавательский состав, студенты, идеология.

Аннотация. Дается подробный анализ монографии Н. А. Крисановой, посвященной роли идеологии в развитии высшей школы Мордовии.

Смирнов Юрий Николаевич — декан исторического факультета, заведующий кафедрой документоведения Самарского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

e-mail: smirnov@ssu.samara.ru

«МОРДОВСКАЯ ИСТОРИЯ» ПРОФЕССОРА В. А. ЮРЧЕНКОВА: LOCAL HISTORY КАК ОБЛАСТЬ ИСТОРИОПИСАНИЯ

Рецензия на книгу В. А. Юрчénкова «Мордовская история : курс лекций»
Ключевые слова. Курс лекций, историописание, local history, концепция, региональная история.

Аннотация. В статье анализируется концепция истории мордовского края, предложенная в лекциях профессора В. А. Юрчénкова.

Miroshkina Alexandra Efimovna — Candidate of Philology, Member of the Union of Journalists of the USSR and Russian

e-mail: guniign@list.ru

MY DEAR EDITORS

School of life

Key words. Newspaper, editor, reporter, proofreading, newspaper page.
Annotation. The story of editors of large-circulation newspapers “Tribune of the Builder” and “The Builder” in Mordovia is told in the article.

Krasnov Vladimir Gennadyevich — Economist

e-mail: guniign@list.ru

ZEMSKY DOCTOR ALEKSANDR PETROVICH VOSKRESENSKY

Key words. Zemsky doctor, rural medicine, educational activities, organization of public healthcare, Hero of Labour.

Annotation. New details about life of the Hero of Labour A. P. Voskresensky, previously known to a wider audience, are given in the article on basis of the materials from his personal archive and publications about him.

Klyueva Irina Vasilyevna — Professor of Department of Cultural Studies and Ethnic Culture, N. P. Ogarev Mordovia State University, Candidate of Philosophy

M. M. BAKHTIN BETWEEN THE CAPITAL AND THE PROVINCE: MEETINGS IN MALEEVA (1963 — 1966)

Key words. Humanitarian intelligentsia in the Soviet Union, M. M. Bakhtin, E. L. Linetskaya, L. E. Pinsky, E. M. Lysenko, P. S. Kobzarevsky.

Annotation. The episodes of the life and work of M. M. Bakhtin related to his stay at the House of Writers in Maleevka near Moscow in 1963 — 1966 are considered in the article, as well as his creative contacts of the period are analyzed. The sources of research are materials and documents from the personal library and archives of the thinker. A number of unknown photographs, taken in Maleevka, are published for the first time, the dating of the previously published photographic documents are clarified.

Koryakova Irina Konstantinovna — Assistant Professor of Department of General History and World Political Process, N. P. Ogarev Mordovia State University, Candidate of History, Associate Professor

e-mail: koryakova@yandex.ru

THINKING OF THE TEACHER

Professor Nikolay Vasilyevich Sivachyov

Key words. History, American studies, university, the USA, department of history, teacher, student.

Annotation. The article tells about the outstanding Russian historian N. V. Sivachyov. His contribution to the formation of Soviet American studies, to the establishment of the national school of the United States studies, as well as to the promotion of scientific contacts between the USSR and the USA is considered in it.

Kemaev Evgeny Nikolayevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN

e-mail: archeoniirm@yandex.ru

Prinin Aleksandr Sergeevich — Junior Researcher of Department of Archaeology, NIIGN

e-mail: archeoniirm@yandex.ru

IN MEMORY OF THE PATRIARCH

Key words. I. M. Peterburgsky, archaeology, excavations, expedition, research institute of language, literature, history and economy, contribution to science/

Annotation. Materials include memories of friends, colleagues and students of I. M. Peterburgsky about his life and work.

Lomshin Vladimir Aleksandrovich — Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support for Studies, NIIGN, Candidate of History, Associate Professor

e-mail: guniign@list.ru

NEW VIEW ON FIXED STEREOTYPES

Review of the book “Higher School of Mordovia in the System of Soviet Ideology” by N. A. Krisanova

Key words. Higher school, university, faculty members, students, ideology.

Annotation. A detailed analysis of the monograph by N. A. Krisanova on the role of ideology in the development of the higher school of Mordovia is made.

Smirnov Yury Nikolayevich — Dean of Faculty of History, Head of Department of Documents Study, Samara State University, Doctor of History, Professor

e-mail: smirnov@ssu.samara.ru

“MORDOVIAN HISTORY” BY PROFESSOR V. A. YURCHENKOV: LOCAL HISTORY AS THE FIELD OF HISTORY DESCRIPTION

Review of the book “Mordovian History : Lectures” by V. A. Yurchenkov
Key words. Lectures, history description, local history, concept, regional history.

Annotation. The concept of history of the Mordovian land, suggested in the lectures of Professor V. A. Yurchenkov, is analyzed in the article.

Галина Александровна Куршева, доктор исторических наук, профессор,
Ирина Николаевна Минеева, кандидат исторических наук
(г. Саранск)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В МОРДОВИИ В 1990 – 2000 гг.*

Период 1990 — 2000 гг. стал важным этапом в развитии художественной культуры Мордовии. На качественно более высоком уровне отображались важные явления жизни мордовского народа, заметно расширился тематический диапазон, значительно обогатились жанровые формы. Изменения в национальном сознании, возросший мировоззренческий и нравственный опыт позволили писателям раздвинуть горизонты в познании действительности. Объективный взгляд через «перестроечные позиции» на все сферы общественно-политического и социального переустройства страны получил достаточно широкое отображение. Художественное осмысление формировало новое человеческое сознание, в полной мере отвечавшее потребностям и велениям времени.

Жанр исторического романа, в котором история как наука перекликается с искусством, в конце XX в. занимал одно из ведущих мест в мордовской литературе. Появлялись произведения об исторических судьбах эрзян и мокшан, об их вкладе в развитие российской державы.

В 1996 г. в свет вышло крупное художественное историческое полотно, созданное А. М. Дорониным «Баягань сулейть» («Тени колоколов»), где автор продолжает и развивает лучшие традиции отечественного и национального исторического романа. Произведение представляет собой развернутую, сложную и многогранную картину России XVII в., связанную с эпохой царя Алексея Михайловича и никоновской реформой церкви¹.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14—11—13001.

Новый жанр в художественной мордовской прозе — жанр политического романа — открыл М. Т. Петров трилогией «Красный колосс». Фабула романа строится на фоне событий, связанных с подготовкой и развязыванием Второй мировой войны, с началом нашествия коричневой чумы на нашу страну, с разгромом гитлеровских войск.

В жанре рассказа происходило дальнейшее расширение тематического и стилистического горизонта, интенсивно развивались жанры мемуаров и лирической миниатюры (Л. П. Седойкин, Т. С. Баргова, Е. В. Четвергов, А. В. Арапов), значительное распространение получили жанры фантастический и детективный рассказ (Н. С. Рузанкина, А. С. Тикшайкин, М. И. Брыжинский, Е. С. Конкина и др.), научно-художественный рассказ-эссе (М. И. Брыжинский, К. А. Тангалычев и В. А. Юрчёнков), постмодернистский и этнопостмодернистский рассказ (В. А. Петрухин, А. Кизяев и др.), юмористический и сатирический рассказ (П. А. Ключагин, М. С. Моисеев, Числав Журавлёв и др.)².

Движение жанра повести развивалось по традиционным направлениям, хотя она постоянно видоизменялась, принимая разнообразные формы. Приоритет был за лирической повестью, особенностью которой являются не только четкая последовательность в изложении материала, но и обязательное вторжение в мир чувств, переживаний и эмоций (Никул Эркай, К. Г. Абрамов, И. М. Девин, И. П. Кишняков, Г. И. Пинясов, В. И. Мишанина, М. И. Брыжинский, А. И. Петайкин и др.).

В рассматриваемый период жанровая палитра литературы Мордовии пополнилась разновидностями повести: фантастической — «Тяште лангонь алашат» («Звездные кони», 1991) А. П. Тяпаева, «Взорванный остров» (1991) Н. И. Учватова, «Отказ от земного» (1995) Н. Я. Трemasова; мелодраматической — «Стряпухины» (2-е изд., 1992) В. Д. Ерёмкина; философской — «Явление апостола» (1992) В. Н. Радина, документальной — «Васенце теште» («Первая звезда», 1994) П. К. Любаева, «Круты берега Черноталки» (1990) А. И. Инчина, «На звериной тропе» (1993) Н. Н. Скороходова; детективной — «При загадочных обстоятельствах» (1991) В. М. Смирнова и др. В творчестве А. В. Зевайкина, Н. И. Учватова, А. С. Тикшайкина и А. П. Тяпаева и других писателей повестийная форма реализовалась в жанрах фантастики и детектива.

Первое место у мордовских авторов по-прежнему занимало художественное осмысление истории России и в ее контексте — истории мордовского народа. Характерной чертой творчества писателей, описывавших исторически важные события, является то, что они при исследовании исторического прошлого мордовского на-

рода старались понять и художественно изобразить историческую закономерность его жизни и диалектическую связь времен³.

Новый импульс получил жанр исторического романа. Были опубликованы исторические романы «Румянцев-Задунайский» (1996), «Адмирал Ушаков» (1996), «Генерал Пуркаев» (2000) М. Т. Петрова, «Ды таго кирвазь зорювась» («Снова восходит заря», 2000) А. И. Брыжинского, «Любовь государева» и «Похищение орла» (1996) Ю. Ф. Козлова и др.

В конце 1990-х гг. писатели Мордовии отдавали предпочтение жанру лирико-философской повести — «Сувсто лисема» («Выход из тумана», 1997) В. Л. Алтышкина, «Оду аф ныйсамасть» («Больше меня не увидите», 1997) М. С. Моисеева, «Ломантти эряви кельгома» («Человеку нужна любовь», 1996) И. Н. Кудашкина, «Каворксу ки» («Ухабистая дорога», 1996) П. К. Торопкина и др. Кроме того, были изданы поэтические сборники Г. С. Гребенцова «Ростки» (1996), А. А. Громыкина «В соборе чувств» (1997), Н. И. Ишуткина «Пейзаж души» (1998), В. Н. Корчеганова «Свет негасимый», П. К. Любаева «Сюкпря» («Спасибо», 2000), К. В. Смородина «Стихотворения» (1997), А. Н. Терентьева «Заветная звезда» (1997), В. В. Бирюкова «Сиротливая сирень» (2000) и др.

Следует особо отметить факт международного признания мордовской литературы: роман А. М. Доронина «Кузьма Алексеев» был удостоен Литературной премии Общества М. А. Кастрена (Финляндия); в Эстонии на эстонском языке вышли книги «Сиянь ракакудня» («Серебряная ракушка») В. И. Мишаниной и «Ниле ават — ниле морот» («Четыре женщины — четыре песни»), куда вошли стихи мордовских поэтесс А. Д. Сульдиной, Маризь Кемаль (Р. С. Кемайкиной), М. И. Малькиной и П. В. Алёшиной; на сценах театров Финляндии и Эстонии ставились спектакли по пьесам А. И. Пудина.

Таким образом, этап развития мордовской литературы, охватывающий последнее десятилетие XX в. — первое десятилетие XXI в., проходил на фоне реформ, которые развернулись в стране. В сложное переходное время общество нуждалось в укреплении нравственных начал⁴. В тот период нестабильности и материальной, и духовной литература характеризовалась дальнейшим художественным мужанием, отражением важных событий в жизни мордовского народа, расширением тематического диапазона и обогащением жанровых форм.

Схожие процессы происходили и в другой культурной сфере республики — театре. Смена политической формации в начале 1990-х гг. и длительный период экономической разлуки внесли кардинальные изменения в

жизнь театров, наиболее важным из которых было ослабление идеологического контроля, сопровождавшееся эйфорией: можно ставить и показывать зрителям что угодно⁵.

В 1990-х гг. театр подвергся серьезным испытаниям: отсутствие репертуара спектаклей по современным пьесам (если же такие спектакли появлялись, то материал брался низкого качества); проблема смены поколений (использовались старые приемы и методы); недостаточное финансирование⁶.

Государственная поддержка отрасли культуры в определенной степени способствовала росту престижа занятых в ней специалистов, стимулировала их повседневный труд и творчество. Республиканские театры ежегодно включали в репертуар около десяти премьерных спектаклей. С успехом шли в Саранске балет «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и опера «Аида» Дж. Верди (Государственный музыкальный театр им. И. М. Яшуева), «Банкрот» по пьесе А. Н. Островского (Государственный русский драматический театр), «Тюштя» по мотивам мордовского эпоса «Масторава» (Мордовский государственный национальный драматический театр) и «Солдатский котелок» (Государственный театр кукол). Все чаще с аншлагом проходили не только премьерные, но и обычные спектакли⁷.

В 1989 г. на основе актерской труппы Мордовского государственного театра драмы был создан Государственный русский драматический театр. Репертуар 1990 — 2000-х гг. включал следующие постановки: «Семья преступника» П. Джакометти, «Чайка» А. П. Чехова, «Машенька» В. В. Набокова, «Замок Броди»

Государственный русский драматический театр

Г. М. Мелехин

А. Д. Кронина, «Касатка» А. Н. Толстого, «Квадратура круга» В. П. Катаева, «Король Лир» У. Шекспира, «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Н. Островского, «Тартюф» Ж. Б. Мольера, «Визит дамы» Ф. Дюрренматта, «Не убий» Л. Н. Андреева, «Зойкина квартира» М. А. Булгакова. Большой вклад в становление и развитие театра внесли заслуженный и народный артист РСФСР Г. М. Мелехин, заслуженный артист РСФСР и народный артист МАССР С. И. Колганов, заслуженные артисты РСФСР и МАССР

В. А. Зорин и В. Н. Ширманов, заслуженные артисты МАССР А. А. Аржадеева, А. М. Бабахан, П. И. Богатырева, М. В. Богданов, А. П. Дивеев, Б. И. Карпов, Л. Г. Куделькина, Е. Д. Миронова, М. Ф. Румянцев, Е. Л. Террочиано, артисты А. И. Абрамова, К. М. Тягушев; режиссеры — заслуженные артисты МАССР В. И. Княжич, А. А. Шорин, заслуженный артист Удмуртской АССР С. П. Ящиковский, заслуженный деятель искусств МАССР В. Ф. Королько, С. И. Каминка; художники — заслуженный деятель искусств МАССР Е. С. Никитина, Л. А. Алексеева и

Б. И. Росленко-Риндзенко⁸.

В начале рассматриваемого периода, параллельно с действующим русским драматическим театром, открылся национальный театр. Несмотря на первые неуверенные шаги и противоречивые оценки со стороны театральной общественности, коллектив смог уловить тенденции дальнейшего развития российского театра⁹.

Основу театральной труппы национального театра составили выпускники мордовской студии Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина при Малом театре. Молодежная труппа была подкреплена опытными актерами Н. В. Храмовым, В. Н. Гудожниковым, Т. В. Весеньевой и М. Н. Плотниковой. В репертуаре театра — произведения мордовских авторов: «У каждого своя болезнь» К. Г. Абрамова, «Голубое сияние» и «Звезда поэта» Г. Я. Меркушкина, «Анахореты, или Угол для сирот» и «Жизнь Василия Фивейского» А. И. Пудина, «Когда у ворот лает собака» и «Не убий, не укради» В. И. Мишаниной, «Сороковины» А. П. Терешкина и др. Ставились переводные классические и современные произведения: «Доходное место» А. Н. Островского, «Живи и помни» В. Г. Распутина и др. Многообразная работа национального театра осуществлялась силами театральных деятелей таких как: М. П. Плотникова, И. И. Алексеева, В. Н. Гудожников, В. В. Долгов, А. Н. Ермолин и др.¹⁰

Актеры Мордовского национального театра. 1989 г.

спектаклю «Сияжар» была присуждена Государственная премия Республики Мордовия.

Режиссер, актер и театральный деятель В. В. Долгов в Государственном музыкальном театре работал главным режиссером с 1995 г. Его воспитанники — М. Е. Максимова, В. Н. Гудожников, Н. В. Храмов, Т. В. Весеньева и С. Н. Эскин. Имея огромный опыт работы в драме, Долгов чувствовал специфику оперной режиссуры, поэтому сумел привнести в нее свой «почерк», что обогатило театр. Его постановки середины 1990-х гг. — «Эзоп» (1995) Г. Фигейредо, «Русалка» (1998) А. С. Даргомыжского. Живой интерес вызвали у зрителей премьеры оперетт И. Штрауса «Летучая мышь» (1999) и И. Кальмана «Сильва» (2002). Долгов стал первым

В 1999 г. в театр пришли молодые актеры, окончившие отделение актерского искусства факультета национальной культуры Мордовского государственного университета: Л. В. Антипкина, Г. Н. Гришуткина, А. Б. Кипайкин и О. Н. Надорова. Театр является постоянным участником фестивалей финно-угорских и приволжских театральных коллективов (Финляндия, 1998 г., Йошкар-Ола, 1997 г.), знакомит со своим искусством мордовскую диаспору Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской и Нижегородской областей¹¹.

В 1992 г. Мордовский театр музыкальной комедии был преобразован в Государственный музыкальный театр (с 1995 г. — имени И. М. Яшueva). В труппе театра на 2001 г.: певцы — заслуженная артистка РСФСР и МАССР Л. В. Мишанская, заслуженные артисты МАССР А. Г. Калинин, Р. И. Князькина, М. Е. Максимова, С. А. Плодунин, С. Р. Семенов, С. Н. Эскин; артисты балета — С. А. Кожанов, Е. Н. Рогудяева и др. Главный режиссер — заслуженный деятель искусств РСФСР и МАССР В. В. Долгов, режиссер — М. А. Трофимов, дирижер — Р. Н. Хамзин, хормейстер — Е. А. Пурилкина, балетмейстер — О. В. Васильева, главный художник — заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель искусств МАССР Е. С. Никитина. В 2001 г. в хоре насчитывалось 35 человек, в оркестре — 37. В рассматриваемый период наиболее яркими из постановок были: оперы «Травиата», «Риголетто» Верди, «Севильский цирюльник» Дж. Россини, «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Евгений Онегин», «Иоланта» П. И. Чайковского, «Сияжар» М. Н. Фомина, «Русалка» А. С. Даргомыжского; балеты «Шопениана» и «Коппелия» Л. Делиба, «Жизель» А. Адана; оперетты «Баядера» И. Кальмана, «Цыганский барон» И. Штрауса, «Донна Люция» О. Б. Фельцмана и «Женитьба гусара» Г. И. Гладкова¹². В 1998 г.

Л. В. Мишанская

Е. А. Пурилкина

*Сцена из спектакля «Сияжар».
Нуя — М. Е. Максимова, Сияжар — С. Н. Эскин*

Сцена из балета Л. Делиба «Коппелия». 1998 г.

главным режиссером, не приглашенным со стороны, а выращенным в театрах малой родины¹³.

С 1938 г. в республике функционирует Государственный театр кукол Республики Мордовия. В 1990-е гг. труппа театра пополнилась выпускниками Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства и Саранского художественного училища. В труппе состоят актеры Е. А. Бурланкова, Э. А. Варданян, Н. В. Королёва, Р. А. Ляпин, Е. В. Романовская, Л. В. Фридолина, Ю. А. Халиков, А. В. Щуров, В. В. Эрденоко, Г. В. Якушина и др.; главный режиссер — заслуженная артистка МАССР Л. А. Сидорина; главный художник — Н. В. Кочнева; режиссер — Л. В. Шахова. К числу наиболее ярких постановок конца 1990-х — начала 2000-х гг. относятся «Кот Васька и его друзья» Э. Лившица, «Веселые медвежата» М. Поливановой, «Машенька и медведь» М. Садовского, «Дикие лебеди» С. Прокофьева и И. Токмаковой и «Чудеса в решетке» Н. Шувалова¹⁴.

С 1992 г. в Саранске работает муниципальный театр кукол (с 1995 г. — Городской детский центр театра и кино «Крошка»). Здесь показано более 1 500 спектаклей, в том числе «Ярмарка чудес» Н. Касиана, «Три поросенка» С. Михалкова, «Бука» М. Супонина, «Маленький Змей Горыныч» Т. Митрофановой,

«Ну, волк, погоди!» А. Хайта и А. Курляндского. С театром связано творчество Ю. Базеева, С. Вишнякова, С. Л. Хрупало, Г. В. Якушина, Г. В. Хрупало, Н. П. Бухтаева и др.¹⁵

Большое влияние на театральную жизнь республики оказывал Союз театральных деятелей Мордовии, созданный в 1936 г. как Мордовское отделение Всероссийского театрального общества, с 1986 г. — Союз театральных деятелей — региональное отделение Союза театральных деятелей России. Он оказывал материальную и профессиональную помощь театральным деятелям и коллективам, народным театрам, содействовал развитию массовых форм театрального искусства; организовывал фестиваль «Поют актеры драматических

театров», фестиваль-конкурс им. М. Н. Антоновой «Народная песня» и др., бенефисы и отчеты театральных деятелей, обсуждение спектаклей. Кроме того, Союз театральных деятелей учредил премии за лучшие женские и мужские роли сезона. В 2003 г. в нем состояли 170 членов. В рассматриваемый период союз возглавлял В. В. Долгов (1983 — 2001 гг.)¹⁶.

В постсоветский период взаимоотношения государственных структур и театров значительно изменились. Они характеризовались складыванием парадоксальной тенденции почти полного ухода власти от управления репертуаром и параллельно сохранением патернализма в области финансирования театральных коллективов. В этих условиях, по мнению И. В. Зубова, «в мордовском

Сцена из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 1997 г.

Фестиваль «Фольклор земли мордовской». 1990-е гг.

государственном национальном театре самыми успешными театральными продюсерами становились режиссеры и актеры, которые сами организовывали выезды и гастроли, знакомя зрителя с новыми спектаклями на родном и русском языках, опора на собственные силы помогла вписаться в ситуацию перехода к новым ценностям ориентирам, уцелеть и получить возможность раскрытия своих творческих идей в будущем¹⁷.

С театрами Мордовии тесно сотрудничал Союз композиторов Мордовии, созданный в 1982 г. Он проводил фестивали, авторские вечера, творческие встречи, концерты и конференции; выступил одним из организаторов ежегодного Фестиваля музыки композиторов Поволжья и Урала в столицах региона (с 1982 г.). Произведения композиторов исполнялись в концертах республиканских и российских фестивалей, в том числе «Панорама музыки России», «Московская осень», «Композиторы России — детям», а также за рубежом (Венгрия, Польша, Финляндия и Эстония), а также издавались в республиканских и российских нотных сборниках. Музыковеды принимали участие в международных, российских и республиканских научных конференциях, их монографии и статьи публиковались в отечественной и зарубежной печати. В 2003 г. Союз композиторов объединял 13 человек — Н. И. Бояркин, Д. В. Буянов, Г. Г. Вдовин, И. А. Галкина, Н. В. Кошелева, Е. В. Кузина, А. И. Макарова, Н. Н. Митин, Н. М. Ситникова, Г. Г. Сураев-Королёв, С. Я. Терханов, Е. В. Уварова и М. Н. Фомин. Председателями правления являлись: с 1982 г. — Г. Г. Вдовин; с 1997 г. — Н. Н. Митин; с 2002 г. — Н. В. Кошелева¹⁸.

Важное и необходимое условие развития музыкальной культуры — наличие исполнительских коллективов,

дирижеров, солистов-певцов и инструменталистов. В республике успешно функционировали Государственный ансамбль песни и танца «Умарина», Государственный камерный хор Министерства культуры РМ, ансамбль мордовской народной музыки «Торама» (первый компакт-диск с традиционными эрзянскими песнями ансамбль записал 25 — 27 апреля 1996 г. в Финляндии при содействии Общества М. А. Кастрена, Министерства образования Финляндии и Академии им. Сибелиуса), а также Мордовская государственная филармония¹⁹.

Концертная организация — Мордовская государственная филармония — была создана в г. Саранске в 1943 г. на базе Концертно-эстрадного бюро. С целью пропаганды лучших образцов классической, народной и современной музыки (в том числе композиторов Мордовии), а также исполнительского искусства. В 1980 — 1990-е гг. в состав Мордовской государственной филармонии входили эстрадный ансамбль «Лайме», ВИА «Вастома», певцы М. Н. Антонова и Д. И. Еремеев, пианисты-концертмейстеры В. Н. Рупышева, заслуженный работник культуры Мордовии Т. В. Фраткина и Е. В. Богатикова, баянисты-аккомпаниаторы заслуженные артисты Мордовии В. И. Козляков, В. П. Кошелев и В. Ф. Чирков, а также В. П. Абрамов (гитара), В. Н. Зимин (балалайка), музыковеды Н. М. Ситникова и Ф. А. Шкермонтова. Музыкальный лекторий вели певцы Е. А. Охотина, заслуженная артистка МАССР Г. И. Стародубова, Р. С. Анисимова, Р. Н. Исаева и Ю. К. Соболев. В 2002 г. в Мордовской государственной филармонии действовали: фольклорный ансамбль «Келу», танца — «Лейне», российской песни «Светлица» и «С песней по России», казачьей песни — «Разгуляй»; ВИА «Алые паруса»; театр песни «Росичи»; шоу-балет Art-

Vision; концертная группа с участием Н. В. Спиркиной; музыкальный лекторий (руководитель — музыковед, заслуженный работник культуры Республики Мордовия Л. С. Носенкова). При филармонии функционировали студии: театральная — «Зеркало», детских танцев — «Тропинка», художественных ремесел, оздоровительной физкультуры и центр эстетического развития детей. Коллективы и солисты Мордовской государственной филармонии гастролировали по Мордовии, России и за рубежом: ансамбль «Разгуляй» — в Китае, филармонические коллективы — в регионах компактного проживания мордвы за пределами республики, ансамбль «Умарина» — в Болгарии на Международном фестивале «Витоша» и т. д. С 2000 г. проводятся ежегодные фестивали, самодеятельного творчества — «Мастер-Хит», детского творчества — «Пластилиновая ворона»²⁰.

Активно развивалась в республике и художественная самодеятельность — более 3 тыс. хоровых и театральных коллективов, фольклорных ансамблей, оркестров народных и духовых инструментов, агитбригад, студий и кружков декоративно-прикладного искусства, хореографических коллективов и дискотек. Это Темниковский оркестр русских народных инструментов (художественный руководитель Ю. Н. Тараканов), народный хор с. Кочетовка Инсарского района (художественный руководитель А. Т. Асташкина), Ардатовский народный театр (режиссер А. В. Киушкин), народный ансамбль песни и танца «Литова». Популярностью в республике и за ее пределами пользовались Сгаротеризморгский народный фольклорный хор (художественный руко-

водитель В. П. Ямашкина), фольклорный ансамбль «Цёковне» с. Низовка Ардатовского района (Г. К. Приставкин), Саранский городской оркестр русских народных инструментов (Г. Ф. Лукьянов), хор птицефабрики «Октябрьская» Лямбирского района (Л. Г. Чернуха) и ансамбль народной песни «Поляне» Зубово-Полянского ДК (художественный руководитель А. М. Шестаков)²¹.

Анализ динамики музыкальной культуры Мордовии показывает, что она активно развивалась. Ее становление в многоликое высокопрофессиональное явление еще далеко не закончено. Одна из актуальных ее проблем — подготовка специалистов по разным видам музыкально-творческой деятельности, обладающих глубокими знаниями народного духовного наследия, способностью органично и талантливо претворять их в современных формах искусства.

С большими трудностями в начале 1990-х гг. наряду с другими отраслями культуры столкнулось изобразительное искусство Мордовии. Самоизоляция отразилась в склонности к самокопированию, снижению творческой активности, потере перспективных кадров и общественного авторитета Союза художников, еще в 1980-е гг. попавшего в длительные судебные тяжбы и разбирательства. В результате была утрачена его материальная база, прекратилась работа молодежной секции и ослабли связи с союзами соседних регионов.

Всего за тот период количество выставок, в которых участвовали мордовские художники, уменьшилось почти вдвое. Десять всероссийских, две региональные и семь республиканских — таков скромный «послужной» список первого постсоветского десятилетия. Дальнейшая дей-

Фольклорный ансамбль «Келу»

деологизация общества, заметно изменила выставочную политику в стране, что сказалось на тематике и республиканских экспозиций. Лишившись привычного ориентира — традиционных юбилеев, местное искусство долгое время пребывало в растерянности, не зная, каким темам посвящать новые выставки. Остались лишь некоторые даты — Победа в Великой Отечественной войне, юбилеи Союза художников и автономии Мордовии, проповедались новые темы — экология, образ женщины. За это время в республике не состоялось ни одной (!) республиканской молодежной экспозиции.

Положительным моментом можно считать организацию большого числа персональных выставок молодых авторов, которые начинали в 1980-е гг. с участия в групповых или республиканских «молодежках». Среди них — Е. Г. Балакшин (1990, 1994), С. Ф. Коротков (1992, 1993, 1994, 1998), В. А. Карасёв (1990, 1992, 1996), А. С. Алёшкин (1994, 1995), Х. И. Бикбаев (1995), В. И. Ливанов (1990, 1991, 1998), Ю. А. Дырин (1992, 1994, 1995, 1996), В. М. Шанин (1994), М. В. Салдаев (1997), О. В. и Л. Н. Колчановы (1993), Н. М. и Г. М. Филатовы (1992), В. П. и А. П. Шадрины (1990), М. Н. Ямбушев (1998), Г. Орлов (1992), К. В. Попков (1993, 1994), Т. А. Булычёва (1993), В. Сафонкин (1992), Н. В. Рябов (1997) и др.²² Некоторые художники провели персональные выставки в других городах страны, а также за рубежом (В. И. Ливанов, А. С. Алёшкин, Ю. А. Дырин, В. Сафонкин).

К 1990-м гг. в мордовском искусстве сложился определенный тип концептуальной картины. Экологический аспект современного самосознания наиболее ярко проявился в работах живописцев В. И. Ливанова, В. А. Карасёва, В. М. Шанина, В. Д. Малышева и В. Д. Внуковского. Их мир — мир под угрозой: человек и природа словно заряжены силой давнего нескончаемого противостояния²³. Поиски позитивных духовных ценностей и ориентиров, которые могли бы внести стабилизирующее начало в жизнь человека, ведет живописец С. Ф. Коротков. Христианскую тематику с ее вечными поисками некоего нравственного императива, способного удержать душу от деградации и распада, в том числе — творческого, поддерживают В. А. Попков и Е. И. Родионова²⁴. Концентрация интересов на историческом прошлом, опора на этнографию и народную культуру в поисках национальной самобытности — все это проявилось в творчестве художников старшего поколения, продолжавших активно работать и в описываемый период, — А. И. Коровина, В. А. Попкова, Н. С. Макушкина и В. И. Беднова. Цель их творческого поиска — создать изобразительный язык, который не только аккумулировал бы в себе память традиций, но и воспринимался актуально²⁵.

В. А. Попков в мастерской

В тот период Мордовия включилась в движение финно-угорских народов. Одним из лидеров новой генерации мордовских художников, занявших активную общественную позицию, стал А. С. Алёшкин. Он трактует образы своих картин не в описательно-бытовом плане, а в монументально-пластическом обобщении, переводя решение национальной проблематики в плоскость пластических исканий. Сюжет в его работах не играет роли, зато ясно читается интерес к прошлому²⁶.

Круг авторов-«этнографистов» был небольшой, но интересный. Национальная тема реализовалась в лирико-эпических картинах-пейзажах А. Н. Баргова, посвященных традиционным праздникам мордвы, а также М. С. Шанина. По-новому — пародийно — звучит деревенская тема в творчестве М. В. Салдаева, он умеет сочетать декоративность манеры с чертами гротеска, тональность которого меняется от легкой иронии до едкого сарказма. Иная концепция у Х. И. Бикбаева — красота человека для него основывается на извечных духовно-этических ценностях сельского жителя²⁷.

Наметилась тенденция к возрождению монументального искусства, столь нелюбимого в период политической нестабильности. Стали появляться большие государственные заказы на создание общественно значимых объектов и произведений, актуальные в эпоху осознания Саранска как столичного города. Большим событием в культурной жизни Саранска было открытие в 1996 г. бронзового памятника выдающемуся скульптору С. Д. Эрзе к 100-летию со дня рождения скульптора, выполненного

С. Д. Эрзя. Скульптор Н. М. Филатов. 1996 г.

скульптором Н. М. Филатовым при участии Г. М. Филатова (архитектор В. В. Годунов). В 2001 г. на Фонтанном спуске был установлен Н. М. Филатовым выполненный в бронзе памятник А. С. Пушкину²⁸.

В конце XX в. духовно-философская и национальная темы были одними из центральных в пластике и декоративно-прикладном искусстве (Е. И. Родионова, Н. В. Ершков и В. И. Колмыков). Традиционную резьбу по дереву с ее условностью, лаконичностью форм и орнаментальными геометрическими мотивами развивали Н. И. Мاستин, А. В. Рябов, Н. В. Рябов и Ю. А. Рябов. Традиции классиков искусства Мордовии в живописи и графике поддерживали и развивали молодые талантливые художники С. В. Нестерова, В. С. Коротков, Е. В. Колмакова и О. В. Филипеня²⁹.

В 1990-е гг. продолжилась творческая работа художников, начинавших творческий путь в 1960 — 1970-е гг. В региональных и всероссийских экспозициях участвовали живописцы В. Д. Илюхин, В. А. Беднов, В. А. Попков, Н. П. Рожков, И. И. Сидельников, В. И. Петряшов, скульпторы В. М. Потапов, Е. И. Родионова, Е. М. Шалаева, графики Ю. В. Смирнов, Л. В. Попов, Н. С. Макушкин, А. И. Коровин, М. С. Шанин, Л. С. Шанина-Трембачевская, вышивальщицы Л. Ф. Игнатъева и О. Д. Шереметова³⁰.

Одним из наиболее интересных вариантов реализма 1990-х гг. стал гиперреализм. Он оказал заметное влияние

на творчество В. А. Карасёва, братьев В. П. и А. П. Шадриных, Е. Г. Балакшина и С. Ф. Короткова, разработавших собственную эстетику с опорой на слайд.

Позднее в современном искусстве обнаружилась тенденция к возрождению классических форм. Апелляция к классической традиции сказалась в создании ряда работ и в мордовском искусстве. Черты неоакадемизма проявились не только в образно-пластическом решении картин «Оплакивание» (1998) и «Вознесение» (1997) Е. Г. Балакшина, но и в стилистике полотна А. И. Кияйкина «Пора спелых вишен. Мокшанки» (2004), натюрмортах О. В. Павликова и О. П. Елистратовой, а также в творчестве скульптора Н. М. Филатова³¹.

Оригинальный локальный вариант постмодернизма — этнофутуризм — начали разрабатывать в тот период финно-угорские художники, в том числе А. С. Алёшкин, М. В. Салдаев, Л. Н. Колчанова, Ю. А. Дырин, С. С. Борисова и Н. В. Рябов. Их эксперименты с формой привели к открытию своеобразных авторских манер, а интерес к фольклору обогатил их содержанием.

Нетрадиционное искусство нуждалось в соответствующей общественной презентации. Новыми формами его экспонирования можно считать акции концептуалиста В. И. Ливанова у кинотеатра «Октябрь» (1998), арт-группы «Артома» к 10-летию газеты «Столица С» (2003), интерактивные действия и work-in-progress на открытиях персональных выставок Л. Н. Колчановой «Птица RU» (2001) и А. И. Кияйкина (2004). Новые жанры искусства — перформансы, видеоарт, инсталляции, арт-объекты, ready-made — отработывались в ходе реализации выставочного проекта «Этно: параллельные миры» (2004), организованного Мордовским республиканским музеем изобразительных искусств им. С. Д. Эрзя³².

Отказ от государственной поддержки изобразительного искусства в форме заключения долгосрочных договоров с художниками на создание творческих произведений и обязательных закупок лучших работ с выставок Министерством культуры и музеями; натиск массовой культуры и подчинение художественного творчества рынку, а также заниженные требования к вновь вступающим в Союз художников негативно сказались на общем уровне изобразительного искусства Мордовии³³.

Появление различных художественных объединений в республике способствовало увеличению числа организуемых выставок. Как правило, это были небольшие групповые и персональные выставки. Помимо Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзя и его выставочного зала, выставки коммерческого характера начали проходить в Центре делового и культурного сотрудничества, возникшего на базе ликвидированного Музея интернациональной дружбы.

К 2000 г. увеличилось количество пленэров, фестивалей, ярмарок и выставок, в которых принимали участие члены Союза художников (всероссийские — 1997 г. — «Россия — IX» (Москва), выставка к 850-летию Москвы (Москва); 1999 г. — «Болдинская осень» (Москва), «Академический рисунок» (Санкт-Петербург); 2000 г. — «Имени твоему» к 2000-летию принятия христианства (Москва), «Мир отстояли — мир сохраним» к 55-летию Победы (Москва); региональные — 1998 г. — 7-я выставка «Российский Север — 98» (Киров); республиканские — 1996 г. — «Ваше величество женщина» (Саранск), 1-я экологическая выставка «Человек и природа» (Саранск); 1997 г. — выставка к 60-летию Союза художников МАССР (Саранск); 2000 г. — выставка произведений художников Мордовии к 55-летию Победы (Саранск); международные — 1997 г. — пленэр российских и белорусских живописцев (Минск — Могилев), 1998 г. — фестиваль финно-угорских художников (Таллинн), 2000 г. — финно-угорская выставка «Золотая пчела» (Ижевск), фестиваль-выставка финно-угорских народов «Ugriculture — 2000» (Хельсинки) и пленэр финно-угорских художников (Таллинн); зарубежные — 1997 г. — выставка произведений российских художников (Берлин))³⁴.

Художественная культура Мордовии, как и другие сферы социокультурного развития, в полном объеме испытала на себе трудности, вызванные политической и социально-экономической нестабильностью в обществе периода 1990-х гг. Невзирая на сложные финансово-экономические условия, они не только выжили, но и продолжили динамичное развитие. Во многом это произошло благодаря мощному потенциалу, сформировавшемуся в предшествующие десятилетия, и беззаветной преданности делу творческой интеллигенции, а также благодаря всемерной помощи и поддержке законодательной и исполнительной власти республики, активизация которой пришлась на 2000-е гг.

В Республике Мордовия, которой присущи полиэтничность и поликонфессиональность, внимание властей традиционно акцентируется на вопросах межэтнических взаимоотношений. Поэтому важная роль в продуцировании динамики в данной сфере на региональном уровне отводилась художественной культуре, рассматриваемой в качестве эффективного канала реализации культурной политики и воспроизводства социально-политических отношений. Данное обстоятельство стало одной из главных причин бурного развития указанной сферы социокультурной жизни Мордовии в 2000-е гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Ерёмкина Н. В.** Современное изображение исторических фактов в романном творчестве мордовских художников слова // Социально-экономические и правовые проблемы региона : материалы V Макаркин. науч. чтений. Саранск, 2005. С. 235 — 236.
- ² См.: Все о Мордовии : энцикл. справ. Саранск, 2005. С. 645.
- ³ См.: **Имяреков М. Г.** Писательсь и эряфсь. Саранск, 1992. С. 10.
- ⁴ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск, 1996. С. 32.
- ⁵ См.: **Зубов И. В.** Театральное искусство Мордовии второй половины XX в. в контексте социокультурного развития региона // Проблемы развития республиканского социума : материалы междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2006. Ч. 2. С. 324.
- ⁶ См.: **Воронина Н.** Через модернизацию к традициям // Лит. Россия. 2007. 30 марта.
- ⁷ См.: Десять лет созидания. Республика Мордовия. 1995 — 2005 гг. Саранск, 2005. С. 258.
- ⁸ См.: Все о Мордовии. 2005. С. 701.
- ⁹ См.: **Зубов И. В.** Указ. соч. С. 324 — 325.
- ¹⁰ См.: **Мирская Н. М.** Мастера сцены Мордовии. Саранск, 2005. С. 19 — 20, 48, 132.
- ¹¹ См.: Все о Мордовии : справ.-энцикл. изд. Саранск, 1998. С. 706.
- ¹² См.: Все о Мордовии. 2005. С. 705.
- ¹³ См.: **Мирская Н. М.** Указ. соч. С. 53 — 56; Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 289.
- ¹⁴ См.: Все о Мордовии. 2005. С. 706.
- ¹⁵ Там же. С. 698.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 713.
- ¹⁹ Там же. С. 720.
- ²⁰ См.: Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 25; Десять лет созидания. С. 258.
- ²¹ См.: Все о Мордовии. 2005. С. 723.
- ²² См.: Искусство Мордовии конца XX — начала XIX века: новые пути : альбом. Саранск, 2004. С. 9, 12.
- ²³ См.: **Осянина Н.** Художник и время // Известия Мордовии. 1998. 14 янв.
- ²⁴ См.: 70 лет Союзу художников Республики Мордовия : альбом. Саранск, 2007. С. 39.
- ²⁵ См.: **Воронина Н. И.** Лики провинциальной культуры. Саранск, 2004. С. 135.
- ²⁶ См.: **Бутрова Е. В.** Читающие текст мироздания // Центр и периферия. Саранск, 2003. С. 34.
- ²⁷ См.: Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. С. 811 — 815. Владимир Шанин : буклет-каталог персональной выставки. Саранск, 1994. С. 2.
- ²⁸ См.: **Гольщенко Е. В.** Изобразительное искусство Мордовии рубеж XX — XXI вв. // Центр и периферия. Саранск, 2007. С. 93 — 102.
- ²⁹ См.: Искусство Мордовии конца XX — начала XXI века. С. 41.
- ³⁰ См.: Мордва. С. 813 — 814.
- ³¹ См.: 70 лет Союзу художников Республики Мордовия : альбом. Саранск, 2007. С. 34.
- ³² См.: Искусство Мордовии конца XX — начала XXI века. С. 14.
- ³³ См.: **Осянина Н.** Указ. соч.
- ³⁴ См.: Десять лет созидания. С. 259.

Александра Ефимовна Мирошкина,
кандидат филологических наук, член Союза журналистов СССР и России
(г. Саранск)

ДОРОГИЕ МОИ РЕДАКТОРЫ

ШКОЛА ЖИЗНИ

Волей счастливого случая мне довелось проработать около 30 лет в многотиражных газетах «Заводская трибуна», «Трибуна строителя» и «Строитель». До этого, правда, после окончания Мордовского государственного университета (1962) некоторый опыт приобрела в роли корреспондента и корректора в городской и районной газете «Ленинский путь» (г. Ковылкино), обслуживающей после структурных преобразований в сельском хозяйстве территорию нескольких районов. Помогала вычитывать оригиналы, опубликовала несколько заметок на ее страницах и (ради любопытства что ли?) как-то нажала на кнопку печатного станка в типографии. Испугалась, что она не остановится и грохнется на пол. Что тогда будет?.. В редакции мигом узнали об этом, и строгий, с армейской выправкой, главный редактор Е. С. Мечкаев и его заместитель Е. А. Котиков, с укоризненной усмешкой пообещав «удержать» что-то из заработной платы за нарушение правил техники безопасности, уже с доброжелательной улыбкой отпустили меня, дав очередное задание... С той поры с интересом отслеживала в печати материалы авторов «Ленинского пути» — писателя Василия

Радина, журналистов Зинаиды Гуськовой-Степарёвой, Екатерины Комковой, Евгения Котикова из Ковылкина, Василия Заиграйкина из Зубовой Поляны, Петра Самсонкина из Рыбкина и других...

«Заводская трибуна», орган издания администрации, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ Саранского механического завода (в ту пору подобные средства массовой информации квалифицировались именно так — по принадлежности к определенному предприятию, организации, ведомству и т. д.; с 1991 г. все они стали газетами трудовых коллективов), имела свою типографию. Здесь вручную, по букровке (литера), набирали текст и верстали полосы опытные ветераны-полиграфисты Л. И. Абрамова и В. П. Москвитина. После того как оттиски в двух экземплярах подписывал редактор на общественных началах, руководитель одного из отделов коммунист И. Я. Буланов, их относили в лито (отдел цензуры, который располагался на Советской улице, в Доме печати), где после ознакомления давали разрешение на выход газеты в свет. Печатали 1 тысячу экземпляров и распространяли среди работников по цехам и отделам завода, отсыла-

ли в соответствующие инстанции. Фактически газету делали штатные ответственный секретарь (он же фотограф), тоже член партии Б. В. Головачев и корректор (брали и беспартийных; с июля 1964 г. им стала я).

Буквально через три дня Борис Васильевич ушел в отпуск, оставив фотографии на четыре номера (газета на двух полосах строго определенного формата выходила один раз в неделю), посоветовав в случае затруднений обращаться к Ивану Яковлевичу. Тот сразу подключил в помощь начальников всех отделов, секретаря комитета комсомола и профсоюзных активистов, так что со сбором материала проблем не было. А Людмила Ивановна и Вера Петровна по-своему помогли вникнуть в типографские тонкости:

— Это что ты тут наколбасила?.. — на следующий день после ухода в отпуск секретаря вихрем влетела в редакцию с правкой полосы разгоряченная Людмила: глаза мечут молнии, грудь вздымается, позванивают в такт взмахам рук огромные висячие серьги и нечто крупное, вроде монисто («Кармен» — да и только!). — Это кто же так большой текст сокращает?.. Нащипала по одному слову, иди сама верстай.

— А как надо?.. Абзацами?..

Как говорят, с горем пополам справились мы с материалом. В конце рабочего дня «Кармен» даже ободряюще подмигнула. К возвращению Бориса Васильевича мы работали уже в полном согласии. «Жаловалась, наверное», — услышала через полуоткрытую дверь разговор женщин с секретарем-редактором. — «Да что вы! Она в восторге от вас...».

Через год расставались друзьями, радовались коротким случайным встречам, обменивались новостями. Как много осталось в душе и памяти от общения с этими замечательными женщинами, с трудовым коллективом заводчан! В частности, незабываемы беседы о смысле жизни и профессиональном мастерстве с Марией Ивановой Цыгановой-Марцинкевич, знатным токарем-орденоносцем, депутатом Верховного Совета МАССР трех созывов, и Валентиной Андреевной Сапуновой, бригадиром фрезеровщиков, активисткой комсомола, спортсменкой. В начале 1970-х гг. искренне радовалась избранию ее депутатом Верховного Совета РСФСР...

В газете «Трибуна строителя» объединения «Мордовстрой» сразу почувствовался иной масштаб: газета на четырех полосах; в штате — редактор Н. С. Афонин (1937 — 1997), выпускник университета; ответственный секретарь М. В. Игнатовский (1914 — 2002), бывший редактор армейской газеты, ветеран Великой Отечественной войны; литературные работники Л. Н. Рогоулёва (1928 — 2013) из газеты треста «Химмашстрой»¹ и А. Ф. Алёшин (1938 — 1996), выпускник Мордовского университета. Кроме них, объединение содержало вне штата четверых сотрудников (их почему-то называли «подснежниками»). Николай Степанович осуществлял, как говорят, общее руководство: ходил на еженедельные планерки в кабинет начальника объединения А. В. На-

Н. С. Афонин

конечного, доводил до сведения редакционного коллектива главные направления о ходе строительства республиканских особо важных объектов, замечания руководства по газете и свои собственные, редакторские. «Наша задача, — всякий раз напоминал он, — не только собирать информацию о передовом опыте и производственных проблемах, но и отражать многогранную жизнь строителей, их быт, устремления, обычаи и нравы. Нужно, чтобы на страницах нашей многотиражки (как в большой печати) нашли постоянную прописку

яркие зарисовки, очерки, репортажи, интересные снимки, другие газетные жанры на культурные, учебно-воспитательные, моральные и семейно-бытовые темы».

Защитив кандидатскую диссертацию по истории, он перешел в Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева. В памяти остался добропорядочным человеком и грамотным специалистом, не лишенным юмора по отношению и к самому себе: «Приехав в Саранск после двух лет работы учителем истории в сельской школе, пошел в милицию... — рассказывал на досуге. — Не взяли по причине нестандартной фигуры и якобы кривых ног; а в только что созданную „Трибуну“ устроился свободно — тут особой выправки не требовалось...». Любил безобидные шутки, розыгрыши. Знал много интересных случаев из жизни известных и неизвестных актеров, художников и писателей; мастерски мог прочесть стихи русских и советских поэтов. Предпочитал есенинское: «Я иду долиной. На затылке кепи, / В лайковой перчатке смуглая рука. / Далеко сияют розовые степи. / Широ-

Коллектив редакции газеты «Трибуна строителя» (слева направо): сидят Л. Н. Рогоулёва, В. В. Летин, А. Е. Мирошкина; стоят: М. В. Игнатовский (редактор), В. А. Чугунов и А. Ф. Алёшин. Фото М. И. Козлова. 1965 г.

ко синее тихая река. /...К черту я снимаю свой костюм английский. / Что же, дайте косу, я вам покажу — / Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, / Памятью деревни я ль не дорожу?...».

Как ученый интересовался вопросами лекционной пропаганды и агитации. Известны его брошюры «Лектор и аудитория», обобщившая опыт работы Ковылкинского Дома культуры (Саранск, 1962), и «Лекционная пропаганда: Вопросы теории и практики» (в соавторстве с Ф. Л. Бурдаковым, руководителем правления Мордовской республиканской организации общества «Знание»; Саранск, 1976), а также серьезное исследование «Политическая агитация в трудовом коллективе» (Саранск, 1976)².

Сменивший его М. В. Игнатовский унаследовал высокие требования к малой печати и привнес свои. При нем каждый сотрудник научился макетировать полосы (для этого заказывались в типографии «Красный Октябрь» специальные бланки на шесть колонок по 2,12 квадрата; здесь же, кстати, газета версталась и печаталась), выбирать шрифты для заголовков статей, рубрик и «шапок», заставки и линейки для отбивки текстов и украшения, размечать снимки и ставить их на страницы так, чтобы смотрели в текст, а не из него и не «разваливали» полосу. Дал всем по строкомеру (узкая стальная линейка с делениями на сантиметры и квадраты), чтобы быстро измерять количество строк в любом шрифтовом наборе и размечать фотографии.

Михаил Васильевич тоже требовал, чтобы мы наряду с информацией о техническом прогрессе разнообразили содержание газеты другими жанрами. Поэтому на страницах «Трибуны» часто публиковались очерки В. Чугунова и А. Алёшина, зарисовки о людях труда и на моральные темы Л. Рогоулёвой, статьи не

только о разных сферах строительного производства, но и о культуре и быте, отдыхе и учебе строителей в школах рабочей молодежи, техникумах и вузах, их творческих увлечениях и проблемах ведомственных общежитий.

Приносили в редакцию свои лирические стихотворения и сонеты каменщики Владимир Ивенин и Георгий Мелентьев, а с уклоном в философские размышления — прораб Александр Матюшкин; «проходили» через газету и рассказы начальника управления Александра Косенкова о строителях, яркие анализирующие материалы искусствоведа картинной галереи К. Полтавского. Писали мы о книжных новинках, отзывы о кино, театральных спектаклях, встречах молодежи с писателями Мордовии. По заказу редактора в ту пору были опубликованы и мои «заметки зрителя» «Свадьба в Малиновке» на спектакль гастролировавшего в Саранске театра оперетты из Запорожья. Сотрудники «Трибуны», а с 1967 г. и «Строителя» активно сотрудничали с республиканскими газетами «Советская Мордовия», «Молодой ленинец», «Мокшень правда» и «Эрзянь правда», коллективными литературно-художественными и публицистическими сборниками Мордовского книжного издательства, писали книги³.

Наш новый редактор — человек своеобразный, из категории так называемых неулыбчивых молчунов. Бывало, что за день от него можно услышать не больше десятка слов. Он четко и ясно определял задания сотрудникам, завершая, как правило, примерно такой фразой: «Коли все всё поняли — идите по объектам...». Мы привыкли к тому, чтобы в следующие два-три дня готовый материал уже лежал на его столе.

В пятницу был день верстки в типографии. На выпуске газеты дежурили по очереди, контактируя с наборщиками на линотипах, версталь-

щиками, цинкографами, корректором, печатниками и другими полиграфистами. В понедельник дежурный приносил часть газет в редакцию, и номер коротко обсуждался: отмечались особо интересные публикации, критические материалы, требующие отсылки по инстанциям для принятия мер, и недостатки в разработке тем, стиливая небрежность и т. д. Михаил Васильевич был беспристрастным в оценках, но обладал чувством меры и тактом. В итоге с его мнением соглашались все.

Сравнительно быстро мы адаптировались в обстановке и почувствовали в начальнике не просто хорошего и доброго человека, но и надежного защитника. Михаил Васильевич ни разу никого из нас не послал к высшему руководству объясняться по каким-либо недоразумениям — за все наши вольные или невольные промахи отвечал сам. А со временем стал чаще улыбаться, вникать в проблемы и нашего бытия. По четвергам, например, после отправки материала в типографию, мог неожиданно заявить: «На сегодня все свободны. Мужчины могут заниматься самообразованием, а женщины... пусть идут варить суп».

Мы с Лидией Николаевной Рогоулёвой так и поступали. Только варили не суп, а вкусную рассыпчатую картошку, которую семья Рогоулёвых выращивала в пойме реки Инсар и которую вкупе с добавками из их же погреба (соленья-варенья, маринованные грибы и квашеная капуста с яблоками) мы «окрестили» царским ужином. Супруги Рогоулёвы — уроженцы Смоленщины: Савелий Степанович — участник Великой Отечественной войны, Лидия Николаевна была в оккупации. Сполна познали всю горечь военного периода и первых послевоенных лет восстановления народного хозяйства страны, высоко ценили дружбу и всегда были готовы откликнуться на зов о помощи. В начале 1960-х гг. с двумя

несовершеннолетними сыновьями Мишей и Сережей они переехали в Саранск.

Начало журналистской деятельности Лидии Николаевны совпало с бурным ростом промышленного и гражданского строительства в Мордовии. Все это в полной мере отражено в ее многочисленных публикациях и радиопередачах. Открытое лицо, ясный взгляд, искренняя душевность, четкая дикция и правильная, литературная речь с легким налетом юго-западного акцента вызывали ответную реакцию. С ней охотно беседовали и делились сокровенным рабочие, инженерно-технические специалисты, служащие и руководители строек, особенно когда сама стала редактором... Лидия Николаевна активно сотрудничала с республиканскими газетами, книжным издательством, участвовала в подготовке трех справочных сборников «История Мордовии в лицах», двухтомной энциклопедии «Мордовия»...

Михаил Васильевич после получения новой квартиры, смущенно

улыбаясь, сообщил: «Моя хозяйка давно хочет познакомиться с вами и приглашает всех, когда вам будет удобно. В субботу или в воскресенье?..». В один из выходных дней новоселье состоялось. Мужчины потом нередко вспоминали о том, что Михаил-то Васильевич, оказывается, мужчина — что надо, и жена Анастасия Григорьевна (1918 — 2001) под стать ему, и дети. Старшая дочь Валентина — филолог, после окончания университета работала в одной из школ г. Архангельска, позднее по контракту преподавала русский язык и литературу в учебных заведениях Монгольской Народной Республики. Сын Юрий — спортсмен, окончил физкультурный факультет МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Младшая дочь Елена — школьница. В заслугу супругам ставили их гостеприимство. Не разовое, вроде новоселья или праздника, — здесь обязательно находил временное пристанище кто-то из родственников, друзей или знакомых.

Кроме работы и семьи у Михаила Васильевича была еще одна страсть

в общественной жизни — устная пропаганда политической информации. Он постоянно держал сотрудников редакции и объединения в курсе всех значительных событий в нашей стране и за рубежом. В Саранске и республике его знали как одного из наиболее активных лекторов общества «Знание». С лекциями о международном положении он выступал в школах, трудовых коллективах различных организаций и ведомств, на заводах и стройках. В ту пору всех тревожили события на восточной границе страны — острове Даманском на реке Амур. Так сегодня мы переживали за судьбу многонационального населения Крыма, отстоявшего свое право на возвращение полуострова и города Севастополя в состав России, и с тревогой следим за событиями на юго-востоке Украины... Посещая могилы родных и близких, всякий раз подхожу к захоронению супругов Игнатовских, вчитываюсь в надпись под фотографией на памятнике Михаилу Васильевичу: «Защитнику Отечества». Просто и... потрясающе.

Редактор газеты «Строитель» А. П. Терёшкин (в центре, 8-й слева) с руководителями треста «Саранскжилстрой» и рабочими корреспондентами. Фото В. Т. Ярочкина. 1977 г.

Как и вся его скромная жизнь, посвященная защите рубежей нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, сохранению и созиданию материальных и духовных ценностей на благо народа в мирное время.

В 1967 г., в связи с очередной реорганизацией в системе строительства, из газеты «Трибуна строителя» выделилась новая многотиражка — «Строитель» треста «Саранскжилстрой». Обе газеты по-прежнему выходили по пятницам в типографии «Красный Октябрь». В сущности, для нас ничего не изменилось: то же дружелюбное окружение и приносящее удовлетворение общение духовно близких людей, ставших родными. Руководители треста «Саранскжилстрой» (управляющий Г. Е. Грушевский, секретарь парткома А. В. Молодых, председатель объединенного профсоюзного комитета С. Г. Максимов) искренне радовались, держа в руках первый номер своей газеты, редактором которой стал В. А. Чугунов.

Виктор Алексеевич Чугунов родился 9 ноября 1936 г. в русской деревне Лыковщине Ромодановского района Мордовии в крестьянской семье. Журналист, филолог по образованию. Заслуженный работник культуры РМ. После окончания средней школы работал в местном колхозе, в ЦОЛТШ ДОСААФ СССР (г. Саранск), на строительстве Ромодановского сахарного завода. В 1964 — 1981 гг. — заведующий отделами ромодановской районной газеты «Победа» и старошайговской — «Трудовая победа», редактор многотиражных газет «Строитель» и «Трибуна строителя». В 1981 — 1991 гг. — ответственный секретарь журнала «Блокнот агитатора», переименованного вскоре в «Политический вестник», Мордовского обкома КПСС; с 1993 по 2002 г. — редактор, исполняющий обязанности заведующего (после В. С. Лунина), заведующий редакционно-издательским энциклопеди-

ческим отделом в НИИЯЛИЭ при Совете Министров МССР (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве РМ). Всюду он проявил себя профессионалом, тонко чувствующим пульс времени, творческий и духовный потенциал своих сотрудников.

Возглавляемые им «многотиражки» неоднократно поощрялись за актуальность и доступность в изложении разрабатываемых тем и проблем, чистоту языка и авторских помыслов в публикациях, расширение актива рабочих корреспондентов в подготовке материалов и т. д. Положительно воспринимались также природная смекалка редактора и его склонность к юмористическим обобщениям негативных сторон повседневной жизни и отражение их на страницах газеты. Невозможно было, например, без улыбки читать воспроизведенный им рассказ знатного каменщика о его первой самостоятельной кладке русской печки: «...Почти всю сложил, трубу уже собрался за потолок выводить, только вижу — вроде бы на бок стала заваливаться моя печка. Кричу подсобнице: „Марфа!.. Тащи веревку!..“. Не успела: рассыпалась печь, как карточный домик...». Интересно, с глубоким анализом событий и явлений, в свойственной ему манере письма поделился Виктор Алексеевич с читателями республики своими наблюдениями о метаморфозах «перестройки» в начале 1990-х гг. К сказанному стоит добавить, что представители Государственного научного издательства «Большая Российская энциклопедия» — директор и главный редактор А. Горкин и первый заместитель главного редактора по общественным и гуманитарным наукам В. Карев — в свое время отмечали высокий методический уровень подготовки материалов для региональной энциклопедии «Мордовия». Благодаря обширной переписке и личным встречам

В. А. Чугунова с авторами удалось уточнить даты жизни, получить фотографии и новые данные о деятельности многих героев биографических статей для энциклопедии «Мордовия»: доктора филологических наук профессора С. М. Петрова (от его внучки М. Мирзоян), доктора технических наук профессора Л. С. Чернобровкина (из отдела кадров Московского авиационного института) и др.

Воспитанный на лучших народных традициях заведующий отделом мордовской энциклопедии В. А. Чугунов стремился сохранять и приумножать их как в общественном плане, так и в семейно-бытовых, родственных (жена Нина, сыновья Виктор и Петр, внуки) и дружеских отношениях. Пришедший по его рекомендации в газету «Строитель» поэт и любитель-пчеловод А. А. Яшин из Ромодановской районной газеты «Победа» за сравнительно короткое время составил о себе хорошее впечатление. Как человек творческий, он приветствовал инициативу сотрудников в тематическом и жанровом выборе публикаций текстов и фотоснимков, макетировании и верстке газетных полос.

Некоторое время газету «Строитель» возглавлял выпускник Мордовского госуниверситета, сокурсник В. А. Чугунова, В. Ф. Сульдин. Владимир Федорович пришел из редакции университетской «многотиражки». Страстный поклонник античной литературы, эстетики эпохи Возрождения и поэзии Серебряного века, утонченный интеллигент с манерами поручика Голицына и его убеждениями в вопросах чести и справедливости. Рассказывают, что во время учебы Владимир поздней осенью, зимой и ранней весной непременно щеголял в офицерской шинели. Разумеется, он был не в восторге от нового места работы и вскоре уехал по приглашению на Дальний Восток в областную газету Петропавловска-Камчатского.

В 1975 — 1982 гг. редактором газеты «Строитель» уже при новом руководстве треста (управляющий А. Ф. Косенков, секретарь парткома А. А. Артемов) был уроженец г. Саранска Александр Петрович Терешкин (1937 — 2007), разносторонне одаренная личность: прозаик, драматург, юморист, в известной мере актер. Все жизненные события он пропускал через собственное восприятие, в лицах. Член Союза писателей СССР (1988). Заслуженный работник культуры РМ (1995). Родился в русской рабочей семье. Окончил отделения журналистики Московского института культуры (1959) и Ленинградской Высшей партийной школы (1967). Работал сотрудником газет «Авангард» (г. Рязск Рязанской области, 1962), «Трибуна строителя» (г. Саранск, 1963), корреспондентом (1964 — 1965), главным редактором (1965 — 1975) Комитета по телевидению и радиовещанию Мордовии, заведующим отделом народного творчества Министерства культуры МАССР (1982 — 1984), литературным сотрудником бюро пропаганды Союза писателей МАССР (1984 — 1990). Его очерки, фельетоны и юмористические рассказы составили первую книгу «Тринадцать историй о наших знакомых» (1969)⁴. Много времени отдавал драматургии. На сцене Мордовского театра драмы с успехом проходили спектакли по его пьесам «Крестник его величества» (1973), «В прощении отказать!» (1976), «В то жаркое лето» (1977), «Спецрейс» (1987); спектакль «Седьмые сутки пути» по пьесе «Эшелон жизни» поставил Пинский театр драмы (1980; Гродненская область Белорусской ССР), а пьесу «Рузаевская республика» — Чувашский театр юного зрителя (1985). Писал сценарии для коллектива Республиканского театра кукол. В 1986 г. в Саранске вышли отдельным изданием его пьесы, а в 1990 г. — сборник юмористических рассказов «Суббота — банный день»⁵.

Заместитель редактора газеты «Призыв» В. А. Пронин (второй справа) на встрече-семинаре журналистов районных газет Мордовии

Можно представить, с каким интересом и уважением встречались и общались с таким человеком рядовые рабочие и руководители всех рангов строительного производства, и с каким вдохновением тот переносил потом свои впечатления от увиденного и услышанного на обычный лист бумаги или диктовал на грохочущую, как трактор, тяжелую пишущую машинку «Башкирия». А сколько живых ярких сцен запечатлено было в его устных рассказах! В обсуждение авторских текстов или рисунков и фотоснимков внештатных корреспондентов поневоле втягивались все присутствовавшие в тот момент в редакции. Какое-то время здесь размещался стол инженера по гражданской обороне, причем одного И. Ф. сменил другой И. Ф. Оба — весьма оригинальные в поведении люди. Первый при появлении начальника отдела кадров начинал манипуляции с противогазом. У второго была привычка: уходя, запирает за собой дверь на ключ. Приходилось быть начеку. Наблюдательный Александр Петрович разгадал их секреты и с тонким юмором поведал о них в очередной устной юмореске. А при удобном случае не забывал предупреждать с легкой усмешкой: «Чай — это не наше казацкое питье...».

Немало памятных эпизодов произвел он о годах учебы в Москве и Ленинграде, где, по его признанию, прошли лучшие годы его юности: «Так случилось, что наш брак с Марией (она украинка) зарегистрирован в один день и в том же ЗАГСе, что и Муслима Магомаева с Тамарой Синявской. Выходит, они, их талант, неустанный труд на пути к совершенствованию профессионального мастерства и личных взаимоотношений волей-неволей стали для нас ориентиром и символом постоянной радости и счастья в познании друг друга. И наши дочери Оксана и Леся, считаю, рождались под ярким светом этих восходящих в ту пору звезд. Вполне естественно хотелось пожелать нашим детям и внукам такой же любви без конца и без края». После кончины мужа Мария переехала к детям в Москву...

Виктор Алексеевич Пронин (псевдоним Солнцев; 1937 — 1988), журналист, краевед. Родился в русской крестьянской семье. Окончил Мордовский университет. В 1957 — 1958 гг. работал заведующим библиотекой в пос. Известь Зубово-Полянского района Мордовии, в 1958 — 1969 гг. — литературным сотрудником в газете «Молодой ленинец», в 1969 — 1971 гг. — заместителем редактора газеты «Призыв»

Лямбирского района, в 1971 — 1972 гг. — научным сотрудником Воронежского областного архива, в 1972 — 1983 гг. — литературным сотрудником газеты «Советская Мордовия», в 1983 — 1985 гг. — редактором многотиражной газеты «Строитель». Как видно, последней газете снова повезло. Статьи, очерки и документальные рассказы Пронина открывали новые страницы истории и культуры Мордовии, воскрешали в памяти народа забытые имена⁶. Одним из первых высокий седовласый журналист с обликом видного ученого и аристократа-эрудита рассказал читателям о выдающихся уроженцах республики: академиках В. М. Перевошикове и Д. М. Перевошикове, ученице К. Э. Циолковского А. А. Никольской, Героях Советского Союза Г. П. Виноградове, К. А. Карачкове и др. Об отважном моряке Балтийского флота, уроженце поселка Журловка Кочкуровского района В. М. Марусеве газета «Советская Мордовия» дважды публиковала его материал: первый — под названием «Он штурмовал Зимний» (1976; 21 февр.), второй — «Вставал над Россией рассвет» (1983; 22 апр.). В уточненном и более расширенном варианте очерк о Марусеве вошел в литературно-художественный сборник «Откровение» (Саранск, 1988). Дотошный журналист «раскопал» сведения об одном из участников минского коммунистического подполья — Арсении Сергеевиче Гришине из Старых Турдак Кочкуровского района Мордовии, организовавших на оккупированной фашистами территории подпольные типографии, печатавших листовки и в мае 1942 г. набравших первый номер антифашистской газеты «Звезда». В коллективных сборниках «Живы в памяти народной» (1980), «Жизнь в борьбе и труде» (1987) опубликованы его очерки «Поправка к декрету», «Матрос с броненосца „Потемкин“», «Председатель Госплана

Фотокорреспондент В. Т. Ярочкин

СССР», «Партийная кличка „Юлий“». В газете «Советская Мордовия» (1981, 3 окт.) был напечатан обширный интересный очерк В. А. Пронина об уроженце с. Новое Аракчеево (ныне Красная Подгора), участнике трех войн, спортсмене Н. И. Золотове. Он автор исследований «Шагнувшие в небо. Книга о стратонавтах» (1986) и «Рассказы о нас живым. Книгопоиск» (1989)⁷. Журналистское мастерство, постоянный поиск в архивах и библиотеках, тщательная выверка фактов, дат и мест событий, неукоснительное следование исторической правде определяли стиль работы Виктора Пронина, приближая ее в известной мере к деятельности правоохранительных органов. Видимо, без учета подобного сходства среди друзей и коллег за ним закрепилось прозвище «майор Пронин» или просто «майор». Чувствовалось, что сам он вовсе не против подобного «величания», восприняв его, с одной стороны, как объективную оценку своего творчества, с другой — как хороший, добрый юмор собратьев по перу. К сожалению, многим замыслам «майора» Пронина не суждено было осуществиться — тяжелая болезнь вырвала его из жизни и творчества.

Редакторов названных строительных газет и их сотрудников-мужчин нельзя представить вне обычной среды их «обитания» — друзей из рес-

публиканских и городских газет и журналов, Мордовского книжного издательства, вузов и техникумов, творческих Союзов писателей, художников и кинематографистов. В их кабинеты могли запросто заходить с дружескими визитами журналисты В. А. Епишин, Ю. М. Павлов и А. М. Реводько, художники-фотографы Н. Е. Ревизов, В. Т. Ярочкин (позднее сотрудник газеты «Строитель») и М. И. Козлов, артисты театра драмы В. П. Акашкин и В. В. Долгов, историки Ю. Ф. Кожурин, В. С. Лунин и Н. Ф. Мокшин, филологи Н. Л. Васильев, Е. И. Чернов, В. И. Рогачёв, старшие прорабы Г. В. Мартьянов, А. А. Максимов, начальники управлений Н. М. Ковалёв, А. В. Гутковский и другие весьма достойные люди. На высоком профессиональном уровне дискутировали обо всем. Каждый мог откровенно высказать свою точку зрения по обсуждаемому вопросу, уважая мнение другого. Оказывалось, что всем были интересны разговоры как о политике с экономикой и социальной сфере жизни, так и об исторических судьбах литературы и искусства. Обычно склонный к обобщению литературных процессов А. Ф. Алёшин мог часами говорить об исследованиях критика и литературоведа М. А. Щеглова произведений советских писателей Вс. Иванова, С. П. Антонова, классического наследия Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. А. Блока, его проблемно-теоретических статьях об очерке и реализме, отмечая тонкий вкус и большую филологическую культуру критика. Драматурга Терешкина «тянуло» к разговору о специфике постановки спектаклей ленинградским режиссером и педагогом Г. А. Товстоноговым. Любимый «конек» редактора Чугунова — демократический пафос и эстетический вкус Д. И. Писарева, умевшего наряду с Добролюбовым и Чернышевским убедительно защищать реалистическое направле-

ние в литературе. Часто наведывался в редакционно-издательский отдел института ученый-педагог И. М. Ведяшкин из мордовского села Кельвядни, особенно ценивший замечания В. А. Чугунова относительно своих биографических статей о людях Ардатовского района для сборников «История Мордовии в лицах» и энциклопедии «Мордовия». Тепло вспоминали первых редакторов «малых» газет на стройках Саранска — известного в республике и за ее пределами мастера фельетонного жанра И. В. Юровского и мордовского поэта И. В. Чигодайкина, автора актуальной и самобытной поэмы «Хлеб и соль»... Это была своего рода творческая школа по обмену опытом — учились друг у друга, обогащались общедоступными знаниями и расходились, удовлетворенные общением, с неременной надеждой на новые встречи...

В начале 1990-х гг. каждый из нас по-своему пережил упразднение «многотиражек», происходившее под лозунгом борьбы за повышение эффективности строительного производства (ведь сотрудники газет не создавали материальных ценностей!). Л. Н. Рогулёва какое-то время сотрудничала с «Народной газетой», затем выполняла общественные обязанности в городском Обществе ветеранов и инвалидов СМИ. Сотруднице «Трибуны строителя» В. С. Бат-

мазовой стоило немалых духовных затрат, чтобы убедить властные структуры всех уровней в республике создать необходимую обществу газету для детей и подростков. Впоследствии Валентина Семеновна длительное время успешно возглавляла небольшой коллектив сотрудников такой газеты — «Диагональ». Врожденные чутье и такт, приобретенные в газетах «Молодой ленинец» и «Трибуна строителя» знания и собственный семейный опыт открывали перед ней широкие перспективы в познании истоков детской психологии, воспитания всесторонне развитой личности и, разумеется, создавали предпосылки для приобщения школьников к художественному творчеству (рисунок, фото, литературные пробы). Бывшему сотруднику «Строителя» филологу И. Л. Васильеву довелось успешно поработать в информационном отделе (пресс-центр) при первом и единственном Президенте Мордовии; затем он устроился в производственное объединение «Талина».

Не равнодушные к делам стройки журналисты с особым вниманием продолжали читать республиканскую газету «Стройинформ» холдинга «Саранскстройзаказчик». Ее редактор Л. В. Акимова сохранила равнение на лучшие образцы «высокой» прессы в компоновке и оформлении газетных полос, идейно-эстетической на-

правленности публикаций и, прежде всего, неукоснительном соблюдении литературных норм русского языка. Постоянную боль по поводу использования в СМИ, а также в устной речи ненормативной лексики и, нередко, неграмотных формообразований она выразила в своего рода экспромте «Не покупайте золотУЮ семечкУ» в одном из июньских номеров «Известий Мордовии» 2014 г.

Заметный след в формировании благожелательной и творческой атмосферы в коллективах редакций ведомственных строительных газет Мордовии оставили кандидат филологических наук, доцент Мордовского университета Г. С. Комарова, поэтесса Л. И. Дедина⁸ и библиотекарь Саранского художественного училища Р. И. Буданова (Попкова).

Каждый из упомянутых сотрудников «малой» прессы внес большой и неповторимый вклад в развитие журналистики Мордовии. Идет время, а вместе с ним проходят в общем строю со всеми и мои дорогие коллеги с отточенными перьями, ясными мыслями и чуткими сердцами, их ярким творчеством — на очередное поле битвы. Спасибо им от читателей, озабоченных судьбами русского и других национальных языков России, повседневными проблемами жития-бытия населения городов и сел родной Мордовии.

Фотографии из личных архивов автора и журналиста Н. А. Мисюры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Мирошкина А. Е.** Ее главный трудовой пост // *Стройинформ*. 2003. 31 янв.; **Ее же.** «...Охваченная счастьем бытия» // Там же. 2008. 25 янв.
- ² См.: Библиографический указатель (1917 — 1977). Саранск, 1997. С. 378.
- ³ См.: **Алешин А.** Эволюция творчества (о Никуле Эркае). Саранск, 1967; **Мирошкина А. Е.** О нашей полноводной жизни // *Литературная Мордовия* : лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. [Саранск]. 1965. № 3 (40). С. 116 — 122; **Ее же.** Сокращаются расстояния // *Содружество* (Вполнота). Саранск, 1991. С. 63 — 73; **Чугунов В. А.** О «рабочем месте», бартере и еще кое о чем. *Метаморфозы перестройки* // *Полит. вестн.* 1991. С. 19 — 31; **Пронин В. А., Климанов В. А.** Совершенно секретно // *Партизанская слава*. Саранск, 1999. С. 93 — 102; **Рогулёва Л. Н.** На волосок от смерти // Там же. С. 239 — 244; **Ее же.** Судьба — жить! // *Для них тыл был фронтом*. Саранск, 2002. С. 326 — 329.
- ⁴ См.: **Пиняев И. Д.** Ба, знакомые все лица // *Совет. Мордовия*. 1969. 29 мая.
- ⁵ См.: **Чернов Е. И.** Верность жанру // *Совет. Мордовия*. 1987. 12 февр.
- ⁶ См.: **Попов В.** «Расскажи о нас живым» // *Совет. Мордовия*. 1989. 5 мая.
- ⁷ См.: **Артамошкина Л. Т., Пронин Виктор Алексеевич** // *История Мордовии в лицах* : биогр. сб. Саранск, 1997. [Кн. 1]. С. 410 — 411; **Ениватов И. П.** Золотов Николай Иванович // Там же. 1999. Кн. 3. С. 111.
- ⁸ См.: **Мирошкина А. Е.** На качелях жизни. Лирика Елены Дединой в контексте русской поэзии XX века // *Центр и периферия*. 2014. № 3. С. 88 — 97.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

Владимир Геннадьевич Краснов,
экономист
(г. Чебоксары)

ЗЕМСКИЙ ВРАЧ

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Расскажу о своем деде Александре Петровиче Воскресенском — Герое Труда, посвятившем жизнь, а это более 48 лет трудовой деятельности, земской медицине Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Ардатовский район Республики Мордовия).

Я знаю его лишь по фотографиям, что нахожу в архивах, и воспоминаниям. Я ни разу не видел его, но с рождения до 4 лет жил в его доме в с. Анастасове с его супругой, Анастасией Григорьевной Воскресенской (в девичестве Баланова; она была сестрой моей бабушки и приходилась мне двоюродной бабушкой, но я всю жизнь считал их с Александром Петровичем родными дедом и бабушкой). В 1955 г. моих родителей Г. А. Краснова и Л. Ф. Краснову (в девичестве Баланова; тоже учитель (как и бабушка) русского языка и литературы) после окончания Чувашского педагогического института направили работать в Порецкий район Чувашии. За неимением жилья в Порецком мы поселились в с. Анастасове, что в 3 км от Порецкого, в доме Анастасии Григорьевны Воскресенской.

Мама с папой с утра уходили на работу, и мы оставались с бабушкой. Цепкая детская память помогает восстановить события того времени: помню дом, который построил А. П. Воскресенский после выхода на пенсию. Для того времени просто замок — огромный дом из белого кирпича с мансардой, рядом находилась церковь, недалеко протекала речка Мёня... Прошло более 50 лет, ушли из жизни и бабушка и родители, и Мёня стала как-то меньше...

А. П. Воскресенский

Сегодня я хочу восстановить прошлое своего героического деда А. П. Воскресенского, тем более в Мордовии в 2014 г. торжественно отмечали 160-летие со дня его рождения.

А. П. Воскресенский родом из семьи дьякона Тульской консистории Петра Александровича Воскресенского. В метрике, сохранившейся до сих пор, указано, что А. П. Воскресенский родился 14 января (по старому стилю) 1854 г. Детство и юношество он провел в г. Туле, где после окончания гимназии решил посвятить свою жизнь служению народу во врачевании.

В 1872 г. поступил учиться в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию (ныне Военно-медицинская академия) и в 1879 г. окончил ее, получив специальность врача-хирурга. Волею личных убеждений он ушел не в науку (они долго спорили с однокашником И. П. Павловым, будущим академиком: заниматься наукой либо лечить людей), а в народ (в то время молодежь была охвачена базаровскими веяниями) простым земским врачом в Ардатовский уезд Симбирской губернии, где и проработал всю долгую и непростую жизнь.

Естественно, при крайней малочисленности тогда врачей ему приходилось выезжать в близлежащие города и села, в частности в Алатырь, Ардатов, Киржеманы, Талызино, Курмыш и т. д., о чем рассказывали его жена Анастасия Григорьевна и моя мама.

Все жизненные силы и энергию А. П. Воскресенский отдавал жителям Ардатовского уезда. Несмотря на не-

*Учащиеся Тульской гимназии.
Второй справа стоит
Александр Воскресенский.
1871 г.*

*«Вы идите в бой стрелять,
в бой стрелять,
в бой стрелять.
Царей с тронов чтоб прогнать,
чтоб прогнать,
чтоб прогнать.
Власть пролетариата,
Власть его Советов
Водворить!
Укрепить!»*

(архив А. П. В.).

Откуда же бралась эта неутомимая энергия? Сложная и трудная жизнь была у А. П. Воскресенского. В детстве из-за бедности родителей он с третьего класса гимназии в Туле был вынужден работать: давал частные уроки в богатых семьях, так продолжалось до конца его учебы и в высшей школе. Участь в Тульской гимназии, А. П. Воскресенский, как и большинство молодежи того времени, увлекся чтением работ Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Д. И. Писарева и создал революционный кружок, который занимался чтением и самиздатом революционных

дуг (порок сердца после желтухи, перенесенной им в студенческие годы), он неутомимо трудился как врач-хирург. К тому же большую часть времени отдавал просвещению малограмотных крестьян и рабочих по вопросам здравоохранения и гигиены как в с. Хухорево и Чаадаевка, где он проживал, так и находясь в разъездах.

В воспоминаниях Александр Петрович писал: «...подвешивал на область сердца резиновый мешочек с кусочками льда, лед тает, тогда я наполнял мешочек водой из глубинных колодцев» (архив А. П. Воскресенского; далее — архив А. П. В.). И так каждый день. Он был настолько увлечен замыслами о здоровье населения, что не хватало времени думать о себе — организовал 10 (!) больниц (архив А. П. В.), участвовал в медицинских Пироговских съездах и во врачебных советах Симбирской губернии, открывал школы и библиотеки в Ардатовском уезде, причем сам писал сценарии. Например:

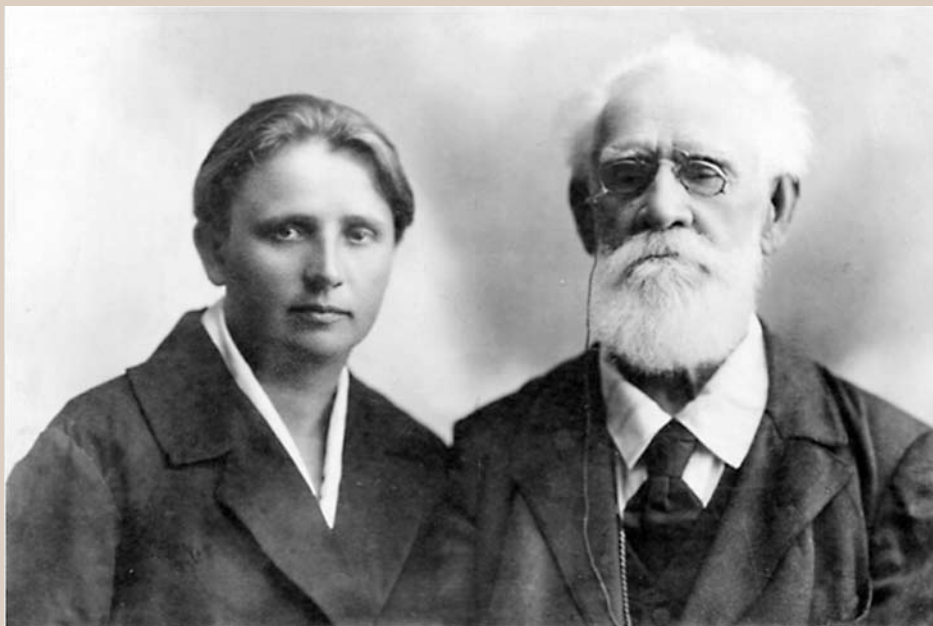

брошюр. В конце апреля 1870 г. состоялось его «боевое крещение» (архив А. П. В.) — он был арестован. Директор Тульской гимназии А. Ф. Малинин, по разным причинам симпатизировавший Александру, взял его на поруки, договорившись с генерал-майором А. И. Муратовым, возглавлявшим Тульское жандармское управление.

Обучаясь в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, А. П. Воскресенский продолжал заниматься революционной деятельностью — выступил «в роли лидера десятитысячной толпы студентов» (архив А. П. В.), хороня своего однокурсника Павла Чернышова, «замученного жандармами» (архив А. П. В.); участвовал в демонстрациях Г. В. Плеханова у Казанского собора, на похоронах поэта Н. А. Некрасова, а также в демонстрациях протеста учащейся молодежи против царского бесправия. Это не прошло бесследно: в 1877 г. А. П. Воскресенский был второй раз арестован Третьим отделением полиции и помещен в Петропавловскую крепость более чем на полгода (архив А. П. В.).

Наконец, учеба окончилась, и с 1880 г. А. П. Воскресенский — земский врач Ардатовского уезда Симбирской губернии. Жажда деятельности бурлила в нем: он активно просвещал крестьян деревенской глубинки по здравоохранению, гигиене и здоровому образу жизни, занимался частной хирургической практикой. В 1881 г. его стараниями были открыты 8 земских школ, в 1882 г. — еще 11 школ в разных концах Ардатовского

А. П. Воскресенский на выезде по Ардатовскому уезду. 1912 г.

Александр Петрович Воскресенский с супругой Анастасией Григорьевной. 1926 г.

уезда. В 1892 г. А. П. Воскресенский на свою заработную плату построил школу в с. Хухорево, в 1896 г. более 900 руб. (обед в то время стоил 5 коп.) вложил в школу в Манадышах и в том же году возвел школу в с. Липовка.

Кроме того, Александр Петрович большое внимание уделял земским библиотекам: они были открыты в Киржеманах (там книги «были куплены ценою в 530 руб.»; архив А. П. В.), в Большом Игнатове, в Манадышах (200 руб.), центральная в Ардатове для служащих уезда («ценою в 500 руб.») и др. В 1892 г. Александр Петрович на Всероссийском съезде врачей выступил с предложением организовать Комиссию по распространению гигиенических знаний, которая просуществовала более двадцати лет — до 1914 г.

В 1905 г. А. П. Воскресенский познакомился с З. П. Соловьевым (будущим основателем «Артека»), который в то время работал в Симбирске заведующим Санитарным бюро и с врачом Дмитрием Ульяновым. З. П. Соловьеву и Д. И. Ульянову на революционные издания нужны были деньги. А. П. Воскресенский, продав губернскому земству свои труды по медицине, передал более 500 руб. Зиновию Петровичу (кстати, это знакомство переросло в крепкую дружбу, которая продолжалась до их кончины).

В 1925 г. З. П. Соловьев, в то время заместитель наркома здравоохра-

нения РСФСР, познакомил А. П. Воскресенского с Н. А. Семашко, «а через него с дорогим М. И. Калининым». «Их обоих ласковые отношения до конца моей жизни у меня останутся в памяти», — запишет в своих воспоминаниях Александр Петрович (архив А. П. В.). После выхода на заслуженный отдых А. П. Воскресенский продолжал работать врачом, построил дом в с. Анастасове, где проживал с супругой А. Г. Воскресенской, которая была моложе его на 34 года и которую он сильно любил. Скончался он там же в 1942 г.

За честный, добросовестный труд и значительный вклад в дело здравоохранения А. П. Воскресенскому — первому из врачей Симбирской губернии — 13 мая 1933 г. за подписью М. И. Калинина была вручена грамота № 572 «О присвоении звания Героя Труда».

Несколько лет назад я долго искал могилу деда в с. Анастасове, где, по рассказам его супруги А. Г. Воскресенской и моих родителей, был похоронен А. П. Воскресенский. Был и на «новом» и на «старом» кладбищах. С первого раза не удалось найти. Затем расспросил старожилов об А. П. Воскресенском — помнят ли они врача, Героя Труда? — оказывается, помнят! И помнят с искренним уважением, очень тепло отзываются о его деятельности. Одна из престарелых жительниц с. Анастасова рассказала о своей тетке, которая сильно болела, и семья готовилась к самому худшему. Но «сарафанное радио» донесло, что есть врач, Герой, все болезни лечит... «Мы бегом к нему, Александр Петрович, помогите, не

*Жена Александра Петровича Воскресенского
Анастасия Григорьевна у его могилы*

дай Бог помрет». А Александру Петровичу было уже за 80... Ничего, собрался и бодрой походкой отправился к больной. Месяца полтора выхаживал больную, и она выжила. Та женщина показала мне могилу, где был захоронен А. П. Воскресенский: небольшой белый памятник, который упал от времени, с маленьким отверстием, где раньше была фотография... Могила, некогда огражденная крепким штакетником, сравнялась с землей.

Грустно. Очень грустно. Как коротка человеческая память.

Обращаюсь к вам, жители Мордовии, особенно к жителям Ардатовского и близлежащих районов: если у кого-то имеются какие-либо материалы об А. П. Воскресенском — документы, газетные публикации, фотографии и т. д., огромная просьба поделиться со мной (мой адрес находится в редакции).

Дом А. П. Воскресенского в с. Анастасове. 1953 г.

Ирина Васильевна Ключева,
кандидат философских наук
(г. Саранск)

М. М. БАХТИН МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ: ВСТРЕЧИ В МАЛЕЕВКЕ (1963 – 1966)

В ноябре 1960 г. заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы историко-филологического факультета Мордовского государственного университета Михаил Михайлович Бахтин получил письмо от молодых московских литературоведов, сотрудников Института мировой литературы (ИМЛИ) Академии наук СССР. Послание было написано Вадимом Валериановичем Кожинным (1930 — 2001) и подписано им и его коллегами — Сергеем Георгиевичем Бочаровым (р. 1929), Георгием Дмитриевичем Гачевым (1929 — 2008), Петром Васильевичем Палиевским (р. 1932) и Виталием Дмитриевичем Сквозниковым (1929 — 2010). Молодые исследователи утверждали, что книга Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», вышедшая в 1929 г. в ленинградском издательстве «Прибой», с которой они недавно познакомились, представляет собой «наиболее истинное и ценное исследование о Достоевском...», имеет для них «первостепенное теоретическое значение», и

они стремятся продолжать в своей работе дело «поколения русской науки о литературе», к которому принадлежит Бахтин¹. Не менее интересен для нового поколения ученых-гуманитариев оказался и другой труд Бахтина, «открытый» ими — текст его диссертации о творчестве Франсуа Рабле, защищенной в ИМЛИ в 1946 г.

Практически одновременно с названными молодыми исследователями «открыл» для себя Бахтина уже маститый литературовед — специалист по истории западноевропейской литературы Леонид Ефимович Пинский (1906—1981), защитивший в 1936 г. кандидатскую диссертацию на тему «Смех Франсуа Рабле». Научная и педагогическая деятельность Пинского в Московском государственном университете была прервана в 1951 г., когда на волне борьбы с «космополитизмом» он был арестован, приговорен к 10 годам лагерей и пожизненную ссылку в Сибирь. После реабилитации в 1956 г. Пинский начал готовить к публикации написан-

ную еще до ареста монографию «Реализм эпохи Возрождения». Издательство отправило его рукопись на внутреннюю рецензию известному литературоведу А. А. Смирнову. Дав положительную рецензию на рукопись, Смирнов написал ее автору, что некоторые изложенные в ней идеи перекликаются с идеями диссертации Бахтина, на защите которой в 1946 г. Смирнов выступал в качестве официального оппонента. Пинский также познакомился с текстом диссертации Бахтина в архиве ИМЛИ и написал письмо автору. Ответы Кожинному и Пинскому Бахтин написал в один и тот же день — 26 ноября 1960 г.² С этого времени началась переписка Бахтина и с Кожинным, и с Пинским.

В июне 1961 г. Бочаров, Гачев и Кожиннов впервые приехали в Саранск. В августе 1961 г. Бахтин был вынужден уйти на пенсию — главным образом, по причине ухудшения здоровья. Он не порвал связи с университетом, осуществляя руководство аспирантами. По настоянию Кожин-

нова ученый начал готовить к переизданию книгу о Достоевском (1963) и к первой публикации — труд о Рабле (1965). Весной 1962 г. Кожин опубликовал две статьи о творчестве Бахтина и включил справку о нем в первый том новой «Литературной энциклопедии». После этого имя Бахтина стало широко известно в отечественной науке.

В ноябре 1962 г. в Саранск приехал молодой преподаватель Московского государственного университета — литературовед и критик Владимир Николаевич Турбин (1927 — 1993). После знакомства с Бахтиным и его женой Еленой Александровной поездки Турбина в Мордовию стали регулярными. Он периодически привозил с собой студентов — участников его знаменитого семинара по русской литературе.

С лета 1963 г. в ближайшее окружение Бахтина вошла бывшая студентка Турбина Леонтина Сергеевна Мелихова (р. 1940), впоследствии научный сотрудник ИМЛИ. После окончания МГУ она в течение двух лет в числе нескольких других выпускников преподавала русский язык на Кубе. В июле 1963 г., когда Ме-

лихова на месяц приехала с Кубы в отпуск, Турбин пригласил ее поехать с ним в Саранск. 22 сентября 1963 г. Турбин писал Бахтину о ней: «Лялечка... очень привязалась... к Вам и к Елене Александровне...»³. Впоследствии он так комментировал это письмо: «...большая духовность пронизывала их (Бахтиных. — И. К.) отношения с Л. С. Мелиховой...»⁴. Леонтина Мелихова привезла с Кубы Бахтину — исследователю карнаваль-ной культуры — ритуальную маску. (После смерти Бахтина маска, как и многие другие вещи ученого, хранилась у нее, в начале 2000-х гг. она передала ее в Мордовский университет для будущего музея М. М. Бахтина.)

Кожин в то время вел активную деятельность по продвижению в печать трудов Бахтина, и вскоре для ученого как автора издательств «Советский писатель» и «Художественная литература» стало возможным получение путевок в Дом творчества писателей им. А. С. Серафимовича в Малеевке — в живописной местности, в лесном массиве недалеко от старинного подмосковного города Руза.

Пребывание Бахтина в Малеевке было необходимо ему во многих отношениях. Здесь он имел возможность в комфортных условиях работать над рукописями, встречаться с сотрудниками редакций, где они готовились к публикации. Здесь имелась обширная уникальная библиотека (к настоящему времени практически утраченная). Кроме того, в доме творчества Михаилу Михайловичу и Елене Александровне помогали врачи и медсестры, здесь были хорошее питание и обслуживание.

В Москве на вокзале их встречал Турбин (иногда со своими студентами) и на автомобиле отвозил в Малеевку. Иногда перед отъездом в Дом творчества Бахтин с женой на несколько дней оставался в Москве у давнего ближайшего друга — крупного отечественного ученого-петро-

графа Бориса Владимировича Залеского (1887 — 1966), встречался также с другим пожизненным другом — великой пианисткой и православным мыслителем Марией Вениаминовной Юдиной (1899 — 1970). Третий из оставшихся к тому времени в живых ближайших друзей Бахтина — крупный ученый-биолог Иван Иванович Канаев (1893 — 1984), живший в Ленинграде, также собирался приехать для встречи с ним в Малеевку: известно письмо Бахтина к Канаеву от 15 июня 1965 г. о том, что они с женой ждут его там⁵.

Впервые Бахтины приехали в Малеевку в августе 1963 г., а затем, до 1966 г. включительно, они бывали там летом ежегодно. В первый приезд в Дом творчества ученый встречался здесь с редактором издательства «Художественная литература» С. Л. Лейбович, готовившей к публикации его рукопись о Рабле.

Идею издания этой книги сразу поддержал Пинский, написавший на нее внутреннюю рецензию по заказу издательства. Пинский и Бахтин планировали встретиться в Москве, однако их встреча не состоялась. Впервые они встретились в январе 1964 г., когда Пинский сам приехал в Саранск с женой — переводчиком художественной литературы Евгенией Михайловной Лысенко (1919 — 2005). (Позже Бахтин выступил внутренним рецензентом книги Пинского «Драматургия Шекспира. Основные начала», вышедшей в свет под названием «Шекспир. Основные начала драматургии»; М., 1971.)

Летом 1964 г. Бахтины и Пинский с Лысенко встретились в Малеевке. Тогда же и там же состоялось примечательное знакомство четы Бахтиных с Эльгой Львовной Линецкой (Фельдман, 1909 — 1997), жизнь которой была тесно связана с двумя важными городами в жизни Бахтина — Невелем и Петербургом—Петроградом—Ленинградом.

Маска, привезенная Л. С. Мелиховой с Кубы и подаренная М. М. Бахтину

*Е. М. Лысенко, Э. Л. Линецкая, М. М. Бахтин и Л. Е. Пинский в Малеевке. 1964 г.
Фото П. С. Кобзаревского. Публикуется впервые*

При сравнении геобиографий Бахтина и Линецкой выясняется, что судьба часто водила их близкими путями, но пересеклись они только в 1964 г. в Малеевке. Эльга Фельдман происходила из невельской семьи, хотя родилась в Петербурге. В 1922 — 1923 гг. семья жила у родных в Невеле, Эльга училась в Невельской единой трудовой советской школе, в которой совсем недавно преподавали только что покинувшие Невель Бахтин и его друзья Матвей Исаевич Каган (1889 — 1937) и Лев Васильевич Пумпянский (1891 — 1940). Исследовательница Л. М. Максимовская отмечает: «Встречаясь с Бахтиным в 1984 г. в Малеевке, Эльга Львовна не подозревала о том, что Бахтин, как и она сама, два года провел в Невеле»⁶. Однако она хорошо помнила Юдину, помнила, что горожане много говорили еще об одном человеке из окружения Бахтина — Борисе Михайловиче Зубакине (1894 — 1938), хотя знали эту многогранную личность лишь с одной стороны — как лектора⁷.

В 1923 г. семья Фельдманов вернулась в Петроград, Эльга училась в Тенишевском училище; в 1927 г. поступила в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), посещала Институт истории искусств, где в то время сотрудничал Бахтин. Курс по художественному переводу, определивший профессиональную судьбу Линецкой, вел упоминавшийся выше А. А. Смирнов. В декабре 1933 г. (ровно через четыре года после ареста Бахтина) Эльга и несколько ее друзей были арестованы за то, что организовали кружок по изучению философии, читали в оригинале «Критику чистого разума» И. Канта. Вскоре был арестован муж Эльги — Н. Е. Линецкий, не имевший к кружку никакого отношения. Эльга Львовна была освобождена через три месяца, муж провел три года в лагере, затем был отправлен в ссылку под Куйбышев, куда в 1937 г. к нему выехала и она. Во время войны Линецкие находились в Казахстане. Вернувшись в 1946 г. в Ленинград, Эльга Львовна продолжила начатые в Куйбышеве занятия

литературными переводами с европейских языков, став признанным мастером в этой области. Почти четыре десятилетия она вела в ленинградском отделении Союза писателей СССР занятия знаменитого семинара по переводу.

М. Д. Яснов приводит воспоминания Линецкой о встречах с Бахтиным в Малеевке: «...Ему было под семьдесят... Однажды на площадке перед домом я увидела высокого, крупного, опирающегося на палочку человека. Лицо у него было круглое, доброе, улыбающееся. Таких улыбчивых людей мне, пожалуй, в жизни не приходилось встречать. Если сказать несколько высоким слогом, он излучал доброту. Да-да, это будет верно! Это был Бахтин. Рядом с ним стояла маленькая женщина — его жена Елена Александровна... Я, наверное, никогда бы не решилась подойти к Михаилу Михайловичу, но так получилось, что я познакомилась с его женой, и она, буквально взяв меня за руку, подвела к мужу и представила. К удивлению и радости, имя мое для Бахтина не было пустым звуком — он читал мой перевод „Поэтического искусства“ Буало... В те дни работал он много. Комната у него была на первом этаже. И его можно было постоянно видеть за столом у окна. Задумавшегося или пишущего. Елена Александровна непрерывно носила ему полные чайники с черным-пречерным чаем. И курил он тоже почти непрерывно. Гулял редко. Ходить ему было трудно, ведь у Михаила Михайловича не было ноги. Жизнь Михаила Михайловича легкой назвать вообще нельзя. Долгие годы ссылки, долгие годы почти полного забвения. И все же, несмотря ни на что, он был до удивления добр ко всем. Сердечен, внимателен, улыбчив. Воистину он излучал доброту»⁸.

Линецкая утверждает, что на момент ее знакомства с Бахтиным его книга «Проблемы поэтики Дос-

товского» еще не была переиздана (но поскольку она прочла в 1929 г. первый вариант этой книги — «Проблемы творчества Достоевского», для нее «все эти годы было ясно: Бахтин — один из самых значительных литературоведов нашего времени»⁹). Мемуаристка ошиблась: известно, что книга «Проблемы поэтики Достоевского» вышла в свет в сентябре 1963 г., и к лету 1964 г. имя Бахтина благодаря этому было знаменитым. По свидетельству Мелиховой, эта известность несколько мешала ему работать также сосредоточенно, как прежде, поскольку все отдыхающие в Малеевке литераторы хотели с ним познакомиться.

Существует серия фотографий, на которых запечатлены Бахтин, Линецкая, Пинский и Лысенко в Малеевке. Фрагмент одной из них опубликован в книге воспоминаний писательницы Елены Кумпан со следующим комментарием: «Э. Л. Линецкая и М. М. Бахтин. Малеевка. Первая половина 1970-х гг.»¹⁰. Автор книги явно ошибается: фото следует датировать 1964 г. Согласно свидетельству В. Н. Турбина, в 1964 г. Бах-

*М. М. Бахтин и А. Е. Пинский в Малеевке. 1964 г.
Фото П. С. Кобзаревского. Публикуется впервые*

тины находились в Малеевке с 12 июля по 6 августа: «Пребывание в Малеевке в основном было заполнено работой над рукописью книги „Франсуа Рабле...“»¹¹.

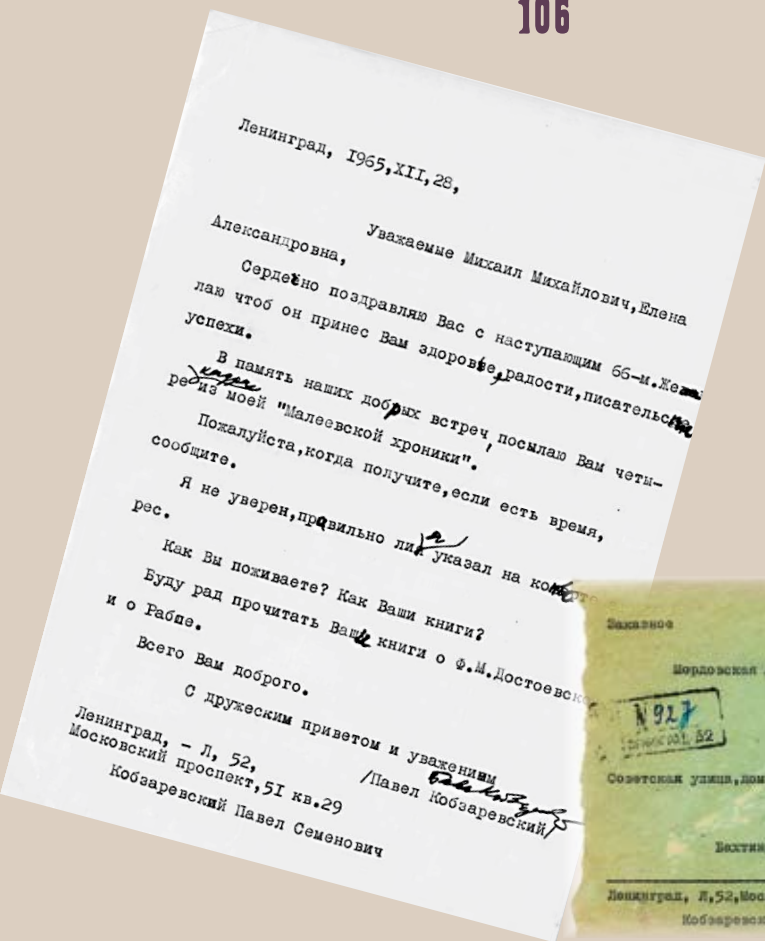
Автор фотографий — писатель-переводчик Павел Семенович Коб-

заревский (настоящее имя — Фавий Залманович Гордон, 1909 — 1970). Он родился в г. Могилеве (ныне Республика Беларусь), был участником Великой Отечественной войны, с 1925 г. жил и работал в Ленинграде, переводил на русский язык прозу и стихи белорусских авторов. В архиве Бахтина сохранилось адресованное ему и его жене письмо Кобзаревского, сопровождавшее четыре присланные фотографии. Приводим текст письма:

«Уважаемые Михаил Михайлович, Елена Александровна, сердечно поздравляю Вас с наступающим 66-м. Желаю, чтоб он принес Вам здоровье, радости, писательские успехи. В память наших добрых встреч посылаю Вам четыре кадра из моей „Малеевской хроники“. Пожалуйста, когда получите, если есть время, сообщите. Я не уверен, правильно ли я указал на конверте адрес. Как Вы поживаете? Как Ваши книги? Буду рад прочитать Ваши книги о Ф. М. Достоевском и о Рабле. Всего Вам доброго. С дружеским приветом и уважением. Павел Кобзаревский.

*Э. Л. Линецкая, М. М. Бахтин и А. Е. Пинский в Малеевке. 1964 г.
Фото П. С. Кобзаревского. Публикуется впервые*

Письмо П. С. Кобзаревского
М. М. Бахтину.
29 декабря 1966 г.
(архив М. М. Бахтина)

Конверт письма
П. С. Кобзаревского
М. М. Бахтину.
Отправлено из Ленинграда
29 декабря 1966 г.
(архив М. М. Бахтина)

В Малеевке Бахтин встречался с литературоведом, писательницей-мемуаристкой, близким другом О. Э. Мандельштама и его жены Эммы Григорьевной Герштейн (1903 — 2002). В июле 1965 г. она подарила ему свою книгу «Судьба Лермонтова» (М., 1964) с надписью: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину в ожидании выхода в свет книги о Раблэ (так в тексте. — И. К.). Москва—Малеевка, июль 1965»¹⁸.

О встрече с Бахтиным в Малеевке в 1960-х гг. напоминает ему писатель Владимир Яковлевич Канторович (1901 — 1977) в дарственной надписи на своей книге «Заметки писателя о современном очерке» (2-е изд., доп.; М., 1973)¹⁹.

В конце августа — первой половине сентября 1966 г. в Малеевке Бахтин встречался с литературоведом и писателем Абрамом Зиновьевичем Вулисом (1928 — 1993), приезжавшим к нему взять интервью для газеты. Воспоминания Вулиса начинаются словами: «Кончалось солнечное лето 1966 года»²⁰. По инскриптам на книгах из личной библиотеки Бахтина нами установлено, что Вулис 8 сентября 1966 г. в Малеевке подарил Бахтину две свои книги: «Советский сатирический роман: эволюция жанра в 20 — 30-е годы» (Ташкент, 1965) и «В лаборатории смеха» (М., 1966)²¹.

А. З. Вулис — специалист по теории сатиры и истории сатирической литературы советского времени — в то время занимался подготовкой к публикации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — вместе с вдовой писателя Еленой Сергеевной (роман был опубликован в журнале «Москва» в 1967 г.). Он вспоминал: «...Я побывал у Елены Сергеевны Булгаковой, которой давно прожужжал все уши сюжетом: сколь пронзателен и мудр Бахтин. И тотчас мне пришлось убедиться, что магнетизм Бахтина действует даже на стокилометровой дистанции. Услышав,

Ленинград, — Л, 52, Московский проспект, 51, кв. 29. Кобзаревский Павел Семенович»¹².

Знаковой была встреча Бахтина в Малеевке и с выдающимся литературоведом, фольклористом, этнографом, автором работ о народном театре, поэтике и семиотике фольклора, переводчиком (автором знаменитого перевода на русский язык романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка») Павлом Григорьевичем Богатыревым (1893 — 1971). Неизвестно, были ли они знакомы до этого лично, однако, безусловно, знали работы друг друга. Так, 20 июня 1947 г. экспертная комиссия ВАК по филологическим наукам, в состав которой входил и Богатырев, рассматривала дело Бахтина и постановила отправить его диссертацию на дополнительное рецензирование С. С. Мокульскому и М. П. Алексеву, чтобы «установить, какой ученой степени достоин т. Бахтин М. М. на основании защищенной

им диссертации (кандидатской или докторской)»¹³. В личной библиотеке Бахтина¹⁴ имеется 7 печатных работ Богатырева — монографий и отдельных оттисков статей, из них 5 — с дарственными надписями; 3 — подарены в Малеевке в августе 1964 г., 1 — в 1969 г. и 1 — в 1971 г.¹⁵

Инскрипты на книгах из личной библиотеки Бахтина свидетельствуют, что в середине 1960-х гг. он встречался в Малеевке с литературоведом-китаистом, переводчиком Львом Залмановичем Эйдлиным (1910 — 1985) — автором трудов по истории китайской литературы, переводов из китайской классической поэзии, статей по теории поэтического перевода. Так, 18 июля 1964 г. Эйдлин подарил Бахтину книгу стихов Тао Юаньмина (М., 1964)¹⁶, 23 мая 1965 г. — книгу лирики Бо Цзюй-и (М., 1965) с надписью: «Дорогому Михаилу Михайловичу с глубоким уважением и надеждой на встречу в Малеевке»¹⁷. (Обе книги — в переводе Эйдлина.)

что я еще раз еду в Малеевку, Елена Александровна послала Михаилу Михайловичу на прочтение рукопись, готовившегося тогда к печати „Мастера и Маргариты“ — случай беспрецедентный <...>. „Мастера“ Бахтин вернул мне на Казанском вокзале — они с женой возвращались в Саранск. В купе, неловко опираясь на заставленный столик, наскоро набросал несколько благодарственных слов Е. С. Булгаковой»²².

Полный текст этого небольшого письма Бахтина приводит исследователь творчества Булгакова Б. В. Соколов (впервые — в газете «Подмосковье» от 19 августа 1995 г.): «Глубокоуважаемая Елена Сергеевна! От всего сердца благодарю Вас за Ваше доброе письмо и за предоставленную мне возможность ознакомиться с романом Михаила Афанасьевича. Я сейчас весь под впечатлением от „Мастера и Маргариты“. Это — огромное произведение исключительной художественной силы и глубины. Мне лично оно очень близко по своему духу. По приезде в Саранск я напишу Вам более подробно о своем впечатлении. Мы будем очень счастливы видеть Вас этой зимой в Саранске. С глубоким уважением и благодарностью. М. Бахтин. 14/IX-66 г. Саранск, Советская ул., д. 31, кв. 30»²³.

Действительно, роман Булгакова во многом соответствовал признакам менипповой сатиры, близкой исследовательским интересам Бахтина, а также духу творчества писателя Константина Вагинова — человека из «круга Бахтина», запечатлевшего в своих романах всех основных представителей этого «круга» и неслучайно упомянутого Бахтиным в разговоре с Вулисом²⁴. Роман удивительно точно передает атмосферу

жизни той Москвы, заметной и знаковой фигурой которой был уже упоминавшийся нами «человек в черном» из бахтинского окружения и знакомый Булгакова — «последний русский розенкрейцер», ученый-археолог, историк-религиовед, философ, мистик, каббалист, гипнотизер, поэт-импровизатор, скульптор, блистательный лектор и вдохновенный оратор Борис Зубакин.

Итак, летние месяцы, проведенные Бахтиным в Малеевке в 1960-е гг., в период «оттепели», стали для него своеобразным хронотопическим «мостом», соединившим в его жизни прошлое и настоящее, способствующим его возвращению после «великого саранского сидения» (выражение М. В. Юдиной) в актуальный культурный контекст.

Автор выражает признательность Леонтине Сергеевне Мелиховой за предоставленные копии документов из архива М. М. Бахтина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Цит. по: **Паньков Н. А.** Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2009. С. 486.
- ² Там же. С. 488 — 489.
- ³ Там же. С. 672.
- ⁴ **Турбин В. Н.** «...И захватите с собой масла и сахару» (Два письма М. М. Бахтина: публикация и примечания) // М. М. Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии). СПб., 1991. Вып. 1, ч. 2. С. 104.
- ⁵ См.: Гёте в Саранске. Письма М. М. Бахтина к И. И. Канаеву / публ., коммент. и послесловие Н. А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 3. С. 88.
- ⁶ **Максимовская Л. М.** К устным рассказам М. М. Бахтина о Невеле (комментарий краеведа) // Филос. науки. 1995. № 1. С. 93.
- ⁷ Там же. С. 93 — 94.
- ⁸ Цит. по: **Яснов М. Д.** Памяти Эльги Львовны Линецкой // Невельский сборник. СПб., 1998. Вып. 3. С. 172 — 173.
- ⁹ Там же. С. 172.
- ¹⁰ **Кумпан Е.** Ближний подступ к легенде. СПб., 2005. С. 182.
- ¹¹ **Турбин В. Н.** Указ. соч. С. 101.
- ¹² Письмо из личного архива М. М. Бахтина предоставлено Л. С. Мелиховой.
- ¹³ Цит. по: **Паньков Н. А.** Вопросы биографии... С. 320.
- ¹⁴ См.: **Клюева И. В.** Личная библиотека М. М. Бахтина как памятник культуры // Румянцевские чтения 2010. М., 2010. С. 190 — 194.
- ¹⁵ См.: **Клюева И. В., Лисунова Л. М.** М. М. Бахтин — мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. С. 53 — 54, 172.
- ¹⁶ Там же. С. 100.
- ¹⁷ Там же. С. 53.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ **Вулис А. Э.** У Бахтина в Малеевке // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2 — 3. С. 175.
- ²¹ См.: **Клюева И. В., Лисунова Л. М.** Указ. соч. С. 58.
- ²² **Вулис А. Э.** Указ. соч. С. 182.
- ²³ Цит. по: **Соколов Б. В.** Булгаков : энцикл. М., 2003. С. 324.
- ²⁴ См.: **Вулис А. Э.** Указ. соч. С. 183.

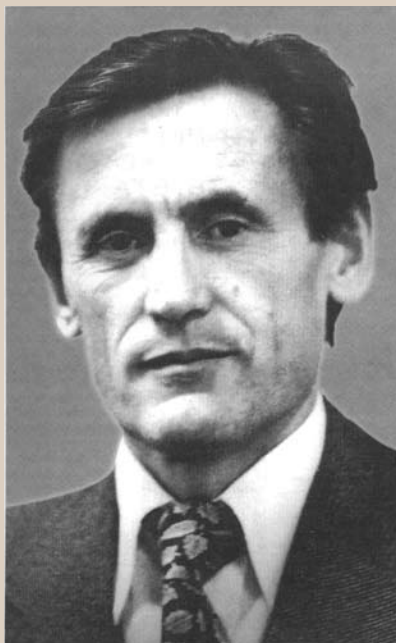
Ирина Константиновна Корякова,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Саранск)

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СИВАЧЁВ

После окончания школы № 12 в г. Саранске я поступила на Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Моими учителями оказались выдающиеся, яркие, интересные ученые-историки, среди которых особо хотелось бы отметить Б. А. Рыбакова, читавшего нам на первом курсе лекции по истории Киевской Руси, М. Т. Белявского, руководившего в нашей группе семинаром по истории России с древнейших времен до начала XX в., А. Г. Бокщанина, проводившего семинарские занятия по истории Древнего мира. Мне повезло слушать лекции по Новейшей истории стран Европы и Америки, читавшиеся Е. Ф. Язьковым и В. П. Смирновым. Незабываемы яркие лекции А. В. Адо по Новой истории Европы и Америки. Мы были счастливы обсуждать спорные гипотезы и смелые исторические концепции, предлагаемые В. И. Тереховым на семинарских занятиях по Новой истории. У преподавателей многому научилась, причем не только слушая лекции и участвуя в работе семинарских занятий, но и в ходе личных бесед на различные темы по истории России и зарубежных стран.

К третьему курсу надо было выбирать специализацию, и я без колебания решила специализироваться на одной из крупнейших в Европе

Н. В. Сивачёв

исторических кафедр — кафедре Новой и Новейшей истории, возглавляемой в то время профессором Николаем Васильевичем Сивачёвым. Мой выбор определялся многими причинами, но в первую очередь тем, что данная кафедра собрала один из наиболее высококвалифицированных коллективов, объединивших ярких ученых по всеобщей истории. Зарубежная история Нового времени была сильным направлением в России уже в конце XIX — начале XX в., когда в стране существовали блестящие исследовательские школы по изучению

основных стран Европы (Франции, Великобритании и Германии). На базе традиций дореволюционной исторической науки на кафедре Новой и Новейшей истории был создан коллектив ученых, изучавших историю крупнейших государств Европы. Учиться у них представлялось мне необыкновенно интересным и важным.

Но я не просто хотела специализироваться по зарубежной истории. Я решила стать американистом. И огромную роль в этом сыграл фактор личности заведующего кафедрой Николая Васильевича Сивачёва.

В отличие от всеобщей истории историей США в конце XIX — начале XX в. в России не занимались. Лекционные курсы по истории Соединенных Штатов стали читаться в Московском и Петербургском университетах только в начале XX в., и они, по существу, представляли собой пересказ основных концепций американских историков. В 1930 — 1940-е гг. появились первые советские труды по истории США, однако число историков-американистов в тот период было очень небольшим. В первые годы после окончания Второй мировой войны среди штатных сотрудников кафедры Новой и Новейшей истории Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова не было ни одного профессионального

американиста. До середины 1950-х гг. говорить о существовании американистики в нашей стране не приходилось.

В 1950-е гг. лишь закладывался фундамент серьезного, углубленного изучения истории США. Отечественная американистика только становилась на ноги, и профессиональных специалистов можно было пересчитать по пальцам. Однако во второй половине 1950-х гг. на кафедре Новой и Новейшей истории МГУ три человека практически одновременно стали заниматься историей США — Евгений Федорович Язьков, Игорь Петрович Дементьев и Николай Васильевич Сивачёв. Все они были яркими, блестящими учеными, благодаря которым кафедра превратилась в один из ведущих центров американских исследований в стране.

Историки-американисты кафедры участвовали в подготовке фундаментальных коллективных трудов. И. П. Дементьев написал главы в труде по историографии Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки, а Н. В. Сивачёв и Е. Ф. Язьков приняли участие в подготовке коллективного труда «История рабочего движения в США в Новейшее время», за что были удостоены Государственной премии СССР. В 1972 г. было опубликовано учебное пособие Н. В. Сивачёва и Е. Ф. Язькова по Новейшей истории США, и, будучи переработанным, вновь издано в 1980 г. Ряд работ Н. В. Сивачёва был опубликован в США. В 1979 г. издательство Чикагского университета выпустило подготовленное им в соавторстве фундаментальное исследование по истории русско-американских и советско-американских отношений.

Уже к концу 1970-х гг. через систему специальных семинаров, курсовых и дипломных работ кафедрой Новой и Новейшей истории была подготовлена большая группа молодых

ученых, многие из которых в последующем вошли в число ведущих историков-американистов нашей страны. Среди них — В. В. Согрин, К. С. Гаджиев, А. С. Манькин, И. М. Савельева, А. А. Попов и др.

Особенно серьезный вклад в развитие отечественной американистики внес Н. В. Сивачёв. В 1970-е гг. он создал школу изучения социально-экономической и политической истории США в МГУ им. М. В. Ломоносова. Именно по его инициативе и благодаря его усилиям в составе кафедры Новой и Новейшей истории в 1977 г. была создана лаборатория по истории США, что не только позволило поднять на качественно новую высоту подготовку молодых специалистов по США, но и существенно расширило общий фронт научных исследований американской истории. В результате в конце 1970-х — начале 1980-х гг. группа американистов кафедры Новой и Новейшей истории превратилась в большой научно-преподавательский коллектив. Ее членами стали выпускники кафедры: А. С. Манькин, Ю. Н. Роголёв, В. И. Терехов, Л. В. Байбакова, В. А. Никонов, А. А. Поршакова, А. А. Кормилец и И. В. Галкин. Николаю Васильевичу удалось создать и сплотить вокруг себя коллектив единомышленников, занимавшихся исследованием основных проблем истории США. Возглавляемый им коллектив приступил к разработке крупной, новой для отечественной историографии проблемы, связанной с комплексным изучением политической истории США, прежде всего с анализом закономерностей функционирования и развития ее важнейшей составной части — двухпартийной системы.

Безусловно, создание и деятельность лаборатории американистики способствовали превращению кафедры Новой и Новейшей истории Исторического факультета МГУ в один из ведущих центров по изучению

США в нашей стране. Это сыграло важную роль в моем решении специализироваться по истории США.

Николай Васильевич Сивачёв был не только выдающимся организатором науки, но и блестящим ученым, что, несомненно, повлияло на мой выбор стать американистом. Его научная карьера была успешной и стремительной. В 1956 г. он с отличием окончил Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и в 1958 г. после двух лет работы в качестве учителя в школе-интернате пос. Красногорский Челябинской области поступил в аспирантуру. В 1962 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по истории «нового курса» Ф. Рузвельта и в том же году начал преподавать на кафедре Новой и Новейшей истории. В 1966 г. им была опубликована первая монография «Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в.», заложившая с появившимися в то время работами В. Л. Малькова и Н. Н. Яковлева основу советской, а затем и российской школы изучения истории «нового курса» Ф. Рузвельта.

В 1972 г. Н. В. Сивачёв защитил докторскую диссертацию, на основе которой в 1974 г. издал монографию «Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны», за которую был удостоен Ломоносовской премии. Еще две его монографии были посвящены рабочей политике американского государства на различных этапах истории США. В 1972 г. вышла книга «Правовое регулирование трудовых отношений в США», а в 1982 г. — «США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны)». Всего за четверть века научной деятельности ученый подготовил 6 монографий, более 80 статей и множество рецензий.

Круг научных интересов Н. В. Сивачёва необычайно широк: это и «новый курс», и рабочая политика США, и социальное движение, и история политических партий, и международные отношения. Один из главных вопросов, над которым размышлял ученый, — выяснение факторов, обеспечивавших жизнеспособность американского капитализма и помогавших правящему классу США справляться с социальными противоречиями, выявление адаптивных возможностей и пределов саморазвития у американского капитализма. Николай Васильевич был человеком творческим и думающим нестандартно, выдвигал оригинальные концептуальные построения. Его склонность к глубокому научному анализу, самостоятельной интерпретации исследуемого явления, способность системно мыслить, формировать и выстраивать сильные концепции, ставить значительные нестандартные теоретические проблемы восхищали как его учеников, так и коллег.

Все его научные исследования выполнены на базе тщательной проработки десятков тысяч источников из американских архивов, включая документы из рукописного отдела

Библиотеки Конгресса США, Национального Архива, Библиотеки Франклина Д. Рузвельта в Гайд-Парке, Документального центра по трудовым соглашениям при Корнельском университете, Архива устной истории при Колумбийском университете и многих других. Он исчерпывающе использовал американскую прессу и прекрасно знал историческую литературу как отечественных, так и американских исследователей.

Большую гордость во мне вызывал и тот факт, что Николай Васильевич Сивачёв был моим земляком, выходцем из Мордовии. Он родился 26 апреля 1934 г. в д. Ташкино Ичалковского района в семье крестьян, где с детства в нем воспитывали доброту, уважение к труду и честность.

Впечатлял меня и тот безмерный вклад, который Николай Васильевич сделал в развитие контактов между советскими и американскими учеными. Он неоднократно выступал с докладами и сообщениями на международных исторических конгрессах и симпозиумах, читал лекции в американских университетах. Научная общественность США благодаря его деятельности познакомилась с достижениями американистики в нашей стране.

Именно Николаю Васильевичу Сивачёву принадлежала идея подключения Исторического факультета Московского государственного университета к программе научных обменов по линии Фонда Фулбрайта. Благодаря его титаническим усилиям в феврале 1974 г. на базе кафедры Новой и Новейшей истории открылась данная программа. Известный американский ученый, профессор Висконсинского университета Д. Кронон с февраля по май прочитал лекционный курс по истории «Прогрессивной эры» в США. С того времени на Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова в течение каждого весеннего семестра авторские лекционные курсы представляли известные американские историки. Они не

только читали лекции, но и проводили семинарские занятия и консультации для студентов, которые специализировались по истории США. Эти курсы завершались сдачей студентами экзаменов на английском языке данным профессорам. Фулбрайтская лекционная программа стала обязательной составной частью специализации студентов. Н. В. Сивачёву удавалось каждый год приглашать на кафедру для чтения лекций авторитетных американских профессоров. В этой программе в 1970-е и 1980-е гг. приняли участие такие ведущие представители американской исторической науки, как Дэвид Броуди, Роберт Келли, Леон Литвак, Джордж Фредриксон, Эдвард Пэссон, Эрик Фонер, Элберт Смит и др. Осуществление Фулбрайтской лекционной программы имело большое значение в деле подготовки высококвалифицированных специалистов по истории США. Общение с ведущими американскими историками расширяло кругозор и научно-теоретический уровень студентов, умение аргументировано отстаивать свою точку зрения, непосредственно знакомиться с различными историческими концепциями, отстаиваемыми американскими учеными.

Николай Васильевич Сивачёв был душой этой программы. Он не просто создал в МГУ базу для чтения лекций по программе Фулбрайта, он взял на себя все практические вопросы, решение которых было необходимо для ее успешного осуществления, — от набора кандидатов для чтения семестровых авторских курсов до их размещения, выплаты им суточных и организации досуга. Подавляющее большинство историков, приглашавшихся в университет по программе Фулбрайта, не были раньше в СССР и не владели русским языком. Они обычно приезжали в Советский Союз вместе с супругами, а иногда даже с детьми. Им выделялась просторная квартира, а сту-

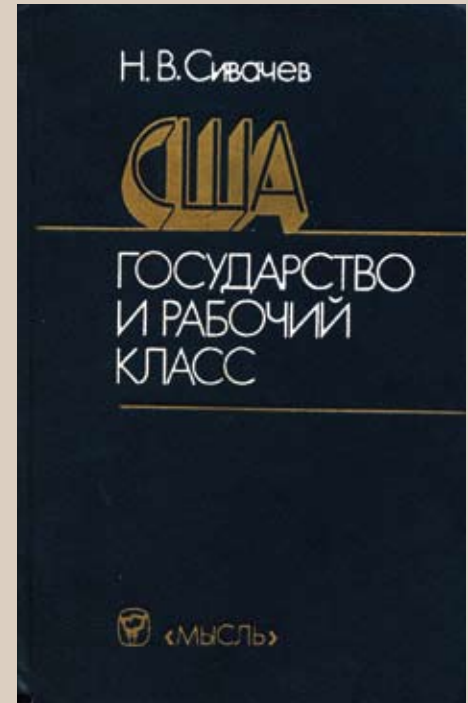
денты-американисты должны были выполнять роль их гидов и своевременно решать возникавшие у них проблемы. Это давало возможность студентам не только познакомиться с новыми научными концепциями и другими методами преподавания истории, но и серьезно расширять их представления о мире, о людях, воспитанных и живущих в иных не только национально, но и идеологически выстроенных культурах. Николай Васильевич Сивачёв был убежден, что для студентов-историков было крайне полезно встречаться и обсуждать вопросы с американскими учеными, взгляды которых на историю построены на противоположных идейных основах, чтобы они могли выковать прочные принципы научно-теоретического, идейно-политического и профессионального диалога.

Немалую роль в выборе мною специализации по истории США сыграла и та репутация, которой Николай Васильевич Сивачёв пользовался как среди отечественных, так и среди американских ученых. Особенно покоряло уважение, которое к нему испытывали за рубежом не только как к выдающемуся ученому, но и как к незаурядному, одаренному человеку. Он был одним из первых представителей Советского Союза, посетивших США по научному обмену в начале 1960-х гг. Будучи там стажером, он за время командировки собрал интереснейший научный материал, позволивший ему подготовить яркую, новаторскую кандидатскую диссертацию и на ее основе опубликовать первую монографию.

В ходе многочисленных командировок в США Николай Васильевич занимался наукой, работая в библиотеках и архивах, а также сумел установить плодотворные контакты с американскими историками, политиками и общественными деятелями. В числе его знакомых были известные и влиятельные в США люди — Э. Рузвельт, А. Гарриман, Х. Хэм-

фри и др. Американские коллеги высоко ценили его и как выдающегося ученого мирового уровня, и за неординарные человеческие качества: высокую требовательность к себе, честность, исключительную работоспособность, совестливость, порядочность, тонкий юмор, глубокий ум, смелость не только в научных вопросах, но и в человеческих отношениях, способность дружить и четкое следование понятиям чести и достоинства в общении с людьми. Все отмечали его необыкновенное трудолюбие и великую трудоспособность. Николай Васильевич Сивачёв сделал безмерно много для укрепления отношений двух великих держав — СССР и США. Он содействовал росту авторитета и значения американистики как науки внутри Советского Союза и открывал с хорошей стороны нашу Родину для американцев, выступая примером ее лучшего представителя: великого ученого, гражданина и человека.

Уже работая в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва, во время научных командировок в США, если я в том или ином американском университете, архиве или на научной конференции встречалась с историками, знакомыми с Н. В. Сивачёвым, все они без исключения говорили о безмерном уважении, которое испытывали к нему. Уже во время первого пребывания в США в 1992 г. меня попросили сделать доклад о современном состоянии американистики в России на ежегодной конференции Ассоциации Фонда Фулбрайта в Балтиморе. Меня представили в том числе как выпускницу Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. После моего выступления многие ученые, знавшие ранее Н. В. Сивачёва, подходили, чтобы высказать чувства глубокого уважения к нему, поделиться добрыми воспоминаниями о нем, подчеркивая не только глубину его мысли, но и исключительное

обаяние, изысканные манеры и способность привнести человеческие чувства в официальные отношения. Все говорили о его честности и бескомпромиссности. Он буквально очаровывал коллег.

Выдающийся американский ученый-историк, профессор Мэрилендского университета, преподававший в университете Айовы, в Висконсинском университете, Э. Б. Смит и его жена Джин Смит очень высоко отзывались о Николае Васильевиче, ценили не просто научные контакты, но дружбу с ним, считая его незаурядной личностью с талантом выдающегося ученого и великого гражданина своей страны, внесшего неизмеримый вклад в улучшение советско-американских отношений. В 1994 г. профессор Э. Б. Смит в память о том, что Николай Васильевич Сивачёв родился в Мордовии, с радостью согласился приехать и прочитать лекции на его родине в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва.

Николай Васильевич Сивачёв был не только выдающимся ученым, организатором науки, но и, как

подчеркивали его студенты, «самоотверженным» педагогом. Ученики любили его, были глубоко признательны ему, бывали у него дома. Часто студенты при выборе будущей специализации ориентируются и на мнение других студентов. Он быстро завоевывал популярность среди студентов. Старшекурсники рекомендовали Н. В. Сивачёва как совершенно потрясающего руководителя. Он был строгим педагогом и много делал, чтобы дать возможность ученикам стать неординарными учеными.

Мне повезло на 4-м курсе слушать интереснейшие лекции Николая Васильевича по Новейшей истории стран Европы и Америки, привлекавшие глубиной и последовательным развитием мысли и посещать его семинары по истории США. На формирование моего научного мировоззрения, на воспитание меня как ученого и преподавателя оказали в огромной степени влияние не только его лекции и семинары, но и личные беседы, общение с ним, его конкретные замечания и рекомендации по интересующим меня учебным и научным вопросам. Он был корректен, тактичен, тонок и осторожен в критических замечаниях, служил примером в том, как работать с историческими источниками, поощрял смелость в научных суждениях, не скрывая радость и гордость от успехов своего подопечного. Для подготовки к занятиям он давал мне читать книги, которые в невероятном количестве привозил из командировок в Америку. Если требовалось разъяснить сложные научные концепции, он не жалел драгоценного времени. Для более глубокого понимания мною изучаемых тем Николай Васильевич давал прочитать рукописи своих будущих статей или глав из книг, над которыми работал. Особенно я ценила объяснение им наиболее спорных идей и концепций, насколько четко, ясно, аргументи-

ровано и увлекательно звучали они в его интерпретации. И что особенно покоряло при личном общении с ним — его искренность, честность и бескомпромиссность. Ты понимал, что на него можно положиться, ему можно верить. Очень хотелось равняться на него и заслужить его одобрение.

Николай Васильевич Сивачёв предложил мне писать дипломную работу по истории рабочего движения в США под руководством одного из его бывших учеников, преподавателя кафедры Новой и Новейшей истории — Юрия Николаевича Роголёва. С радостью согласившись, я никогда не жалела об этом. Юрий Николаевич много дал не только с точки зрения обучения меня навыкам научной работы и огромной помощи в будущем при написании кандидатской диссертации, но и в рекомендациях касательно выбора сегодняшних моих пристрастий в научной работе, а именно советом заняться изучением истории профсоюзного движения США после окончания Второй мировой войны в период президентства Г. Трумэна.

В целом Николай Васильевич не только приложил много усилий для создания на кафедре Новой и Новейшей истории коллектива единомышленников, занимавшихся изучением и преподаванием истории США, но во многом благодаря ему были заложены основы необыкновенно творческой и дружеской атмосферы. Во время моего студенчества и обучения в аспирантуре все преподаватели-американисты, отличавшиеся высокой требовательностью, по-доброму и конструктивно поддерживали меня и сокурсников в наших научных изысканиях и учебе. Мы всегда знали, что, несмотря на высокую занятость, и Александр Серафимович Маныкин, и Виктор Иванович Терехов, и Вячеслав Алексеевич Никонов окажут нам необходимую по-

мощь при написании научных работ и, если потребуется, по-человечески нас поддержат. Все это придавало нам уверенность в жизни и увеличивало наши возможности в достижении творческих успехов.

Безусловно, большую роль в становлении Николая Васильевича Сивачёва как великого ученого и педагога и в его успешной карьере сыграла его семья — жена Инесса Александровна, дочь Наталия, обожаемый им внук Александр, а также его друзья, которые были не только единомышленниками, но и верными сторонниками тех же принципов жизни и творчества, которые он исповедовал.

Николай Васильевич искренне любил свою Родину. Занимаясь любимой работой, он в то же время не жалел сил для того, чтобы сделать все от него зависящее для улучшения жизни рядового гражданина страны и немало добился в связи с этим, будучи секретарем партийного комитета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Очень рано, на взлете своей карьеры, в расцвете творческих сил Николай Васильевич Сивачёв в 1983 г. ушел из жизни. Его дело продолжают его ученики, ныне яркие ученые-американисты. Благодаря ему сформировалась «школа Сивачёва». Сегодня группа его учеников успешно трудится в институтах РАН и во многих вузах страны. Все остро чувствуют, как не хватает его и ученых подобного ему уровня в столь непростых для развития российской исторической науки условиях, и в то же время понимают, какой грандиозный вклад он внес в развитие американистики, указав направления, по которым она развивается и сегодня, выдвинув новаторские идеи и сформулировав смелые концепции. Без имени Николая Васильевича Сивачёва невозможно представить сегодня отечественную американистику и историческую науку в нашей стране.

Тексты подготовили к печати

Евгений Николаевич Кемаев,

научный сотрудник отдела археологии НИИГН,

Александр Сергеевич Пронин,

младший научный сотрудник отдела археологии НИИГН (г. Саранск)

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА

15 мая 2015 г. ушел из жизни Иван Митрофанович Петербургский. Археолог, исследователь древней и средневековой истории Волго-Окского междуречья, признанный специалист в области хозяйства, материальной культуры и погребальной обрядности древней мордвы.

Родился Иван Митрофанович 10 июля 1937 г. в с. Старое Синдрово ныне Краснослободского района Мордовии. По окончании средней школы был призван в ряды Советской армии. Демобилизовавшись, в 1959 г. поступил на историко-филологический факультет Мордовского государственного университета. В студенческие годы увлекся археологией — наукой, которая стала для Ивана Митрофановича делом всей жизни. В 1964 г. по окончании университета был направлен на должность директора и учителя истории в Польско-Цибаевскую восьмилетнюю школу в Темниковском районе. Здесь в 1965 г. участвовал в Поволжской археологической экспедиции под руководством Г. А. Фёдорова-Давыдова на раскопках Итяковского городища.

С 1966 по 1970 г. — лаборант, ассистент на кафедре истории народов СССР МГУ им. Н. П. Огарёва. Принимал активное участие в экс-

педициях на Абрамовский, Волчихинский и Шокшинский могильники, проводил археологические разведки на территории Мордовии и Нижегородской области. В 1970 г. поступил в аспирантуру сектора археологии и этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (ныне НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). Более 30 лет последующего жизненного и профессионального пути были связаны с этим институтом.

В 1973 г. успешно защитил в МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Хозяйство мордвы в I — начале II тысячелетия н. э.». С 1974 г. — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии НИИЯЛИЭ, а с 1979 г. — заведующий этим сектором (с 1993 г. — отдел). Под его руководством велась активная работа по исследованию Шокшинского, Польно-Ялтуновского, Старокадомского, Чулковского могильников и Широмазовского поселения. Проводились археологические разведки в различных районах Мордовии. Была проделана огромная работа по паспортизации археологических памятников. Значительные успехи были достигнуты в области изучения этнографии мордовского народа. Иван Митрофанович лично осуществлял руководство полевым исследованием 2-го Журавкинского, 2-го Старобадиковского и

Стародевиченского древнемордовских могильников, Старобадиковского и Клюквенского поселений.

С 1994 по 2001 г. — заместитель директора НИИЯЛИЭ по научной работе. В эти годы он проводил раскопки на Степановском могильнике. Выступал научным руководителем при защите кандидатских диссертаций «История населения Мокшанско-Вадского междуречья в VIII — XI вв.» В. Н. Аксёнова и «Снаряжение верхового коня древней мордвы III — XIII вв.» О. В. Седышева. Ивана Митрофановича как одного из патриархов мордовской археологии к числу своих учителей и наставников относят В. В. Гришаков, О. В. Зеленцова, В. И. Первушкин и многие другие исследователи.

Педагогический талант был одной из неотъемлемых составляющих личности И. М. Петербургского. В 2002 г. он был избран на должность доцента (а с 2011 г. — профессора) кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии (с 2013 г. — кафедры истории России) МГУ им. Н. П. Огарёва.

Опубликовал более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 14 монографий (часть — в соавторстве), расширивших источниковую базу и обогативших историографию по вопросам древней и средневековой истории мордовского народа. Активный общественник, он был заместителем председателя Мордовского

отдела Русского географического общества, заместителем председателя общественной организации «Краеведы Республики Мордовия», членом государственной экспертной комиссии при Министерстве культуры Республики Мордовия по особо ценным объектам культурного наследия народа, проживающего на территории Мордовии, был избран членом-корреспондентом Международной академии информатизации (1996).

Награды И. М. Петербургского — почетные грамоты Президиума Верховного Совета Мордовской АССР, Правительства Республики Мордовия и Государственного Собрания Республики Мордовия. За заслуги в научно-педагогической деятельности и многолетний добросовестный труд ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Мордовской ССР».

И. М. Петербургский был жизнерадостным, открытым и добродушным человеком, коллеги, знавшие его, непременно проникались к Ивану Митрофановичу теплыми дружескими чувствами. Его уважали и ценили в ведущих научных центрах Москвы (ИА РАН и ГИМ), Нижнего Новгорода, Пензы, Йошкар-Олы, Арзамаса и других городов. Научная общественность глубоко скорбит о постигшей всех утрате.

Вячеслав Николаевич Аксёнов,
кандидат исторических наук, полковник милиции

Первая моя встреча с И. М. Петербургским произошла после окончания первого курса в 1977 г. историко-географического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва на летней археологической практике на раскопках Жуковского городища и Старо-Бадиковского могильника. Экспедиция была большой: кроме нас — практикантов-историков (научный руководитель В. И. Вихляев), были студенты-старшекурсники (В. Прокудин, В. Халин, Ю. Ямбиков и др.), ас-

пиранты и сотрудники НИИЯЛИЭ (Ю. А. Зеленева, В. Н. Шитов и др.), а также студенты Тамбовского педагогического института. Общее руководство экспедицией осуществлял И. М. Петербургский. Все вопросы по организации работы, быта и отношений между совершенно разными людьми им решались легко и непринужденно. В экспедиции царил атмосфера праздника людей, объединенных одной целью, несмотря на тяжелые условия труда (лето 1977-го было очень жарким). После такой экспедиции нельзя было «не заболеть» археологией.

Весной 1979 г. (я в то время уже заведовал Археологическим музеем МГУ им. Н. П. Огарёва) во время проведения археологической разведки в Краснослободском районе под руководством В. И. Вихляева произошла интересная встреча с И. М. Петербургским. Иван Митрофанович находился недалеко, в Ельниковском районе, и пешком пришел навестить нас. Жили мы в с. Русское Маскино все вместе в доме бабушки Аксиньи, где в домашней обстановке почти до утра я слушал старших товарищей, обсуждавших перспективы развития археологии в Мордовии, впитывал их

бесценный опыт, изучал особенности работы в поле (в 1979 г. я получил свой первый открытый лист). Иван Митрофанович обладал прекрасным чувством юмора, был прост в общении, одним словом — с ним было легко.

В развитии археологии в начале 1980-х гг. в Мордовии наблюдался подъем. Начиная заниматься археологией в университете, студенты, в том числе и я, начинали работать по открытым листам, выступать на научных конференциях Урала, Поволжья и России. Выстраивалась целая система подготовки археологов, складывались традиции, а затем и школа. Археологи активно общались между собой, делились достигнутым. Логичным завершением обучения было поступление в аспирантуру НИИЯЛИЭ на сектор археологии, где заведующим сектором и работал в то время И. М. Петербургский, опыт, знания и советы которого были мне столь необходимы.

До 1984 г. я работал в Мордовском университете, занимался археологией, затем в силу определенных обстоятельств сменил сферу деятельности, однако с археологией не расстался. После 1984 г. произошло наше сближение с И. М. Петербургским.

*На раскопках. Находка И. М. Петербургского (справа).
Дмитриевская Слобода II. 2008 г.*

С тех пор я каждый год стремился побывать в его археологических экспедициях, в нелегкие времена помогал, чем мог. И. М. Петербургский в то время не терял энтузиазма, верил в будущее, умел объединять вокруг себя единомышленников.

Еще более тесно нас связала работа над диссертацией под руководством И. М. Петербургского, которая была успешно защищена в 2000 г. Тогда Иван Митрофанович открылся для меня с новой стороны, как требовательный педагог, для которого нет мелочей, его умение в нескольких фразах отобразить проблему вызывало восхищение.

При написании диссертации и выборе площадки для ее защиты (Ижевск), я был удивлен, насколько широк круг общения И. М. Петербургского в научной среде археологов России. Было такое ощущение, что его исследования и его лично знают все, и имеют с ним тесные дружеские отношения.

Наше сотрудничество продолжилось в 2008 г. при написании и издании книги «Древние памятники на реке Ляча». Иван Митрофанович гордился этой книгой. «Это самый цитируемый источник в трудах археологов, — говорил он, — а это дорогого стоит».

Постоянно общаясь с И. М. Петербургским, я и не мог подумать, что все в этом мире так быстротечно, с ним можно было говорить на любые темы, его огромный жизненный опыт и советы помогали во многих жизненных ситуациях. Его уход еще предстоит пережить и осмыслить.

Виктор Иванович Вихляев, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва

За время нашей пятидесятилетней дружбы, мы с Иваном Митрофано-

вичем Петербургским много работали вместе. Вместе участвовали в различных археологических экспедициях, руководили археологическими исследованиями, полевыми археологическими практиками студентов и готовили различные публикации. За время совместной работы случались и курьезные случаи. Припоминается один из них.

Мы оба были аспирантами известного советского археолога профессора кафедры археологии Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова Г. А. Федорова-Давыдова. Он руководил Поволжской археологической экспедицией Института археологии АН СССР. Мы, как аспиранты руководителя, участвовали в ее работе. В 1971 г. эта экспедиция вела раскопки столицы Золотой Орды города Сарая-Берке в Волгоградской области. Я работал начальником раскопа на богатой усадьбе золотоордынского феодала, а Иван Митрофанович руководил хозяйственными делами экспедиции. Лето 1971 г. было очень жарким. Днем в тени температура достигала 44 — 45 °С. И на городище наблюдалось необычайное увеличение количества сусликов. Везде можно было видеть норки этих грызунов, да и их самих, стоящих на задних лапках у своих жилищ. Они наносили ущерб экспедиции. Забирались в хозяйственные палатки и портили продукты. Ивану Митрофановичу приходилось применять меры: заливать воду в норы на территории полевого лагеря и около него. От такого душа суслики выскакивали из своих убежищ, и их прогоняли. Но работа эта была трудная. Часто требовалось залить большое количество воды, чтобы хозяйева покинули свои убежища.

Питание в экспедиции было вполне сытным, но несколько однообразным и пресным. Сотрудники приставали к Ивану Митрофановичу с постоянными просьбами купить что-то соленое, хотя бы рыбки. И вот он

поехал в районный центр и купил там несколько пятикилограммовых банок соленой кильки. В первый же ужин после этого выставленная на общий стол открытая банка была опустошена мгновенно. Другие банки Иван Митрофанович не разрешил трогать и спрятал в продуктовой палатке. А погода оставалась устойчиво жаркой. Через несколько дней Иван Митрофанович разрешил снова побаловаться соленой рыбкой. Когда открыли новую банку, в ней не нашли ни одной целой кильки. От жары она растворилась в рассоле. То же произошло и с другими банками.

Рассол надо было куда-то выливать. И тогда Иван Митрофанович отлил немного рассола в ближайшую сусликовую норку. Эффект был поразительным. Сразу же из норки выскочил суслик весь в рыбной чешуе (а раньше надо было влить несколько ведер воды, чтобы извлечь его оттуда!). Проблема сусликового нашествия была решена. Несколько банок крепкого рассола хватило, чтобы быстро изгнать надоедливых грызунов из всей округи лагеря. Запасы продуктов больше не подвергались опасности быть испорченными.

Юрий Анатольевич Зеленец, доктор исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета

Для меня Иван Митрофанович Петербургский всегда был старшим товарищем, очень уважаемым и авторитетным, но в то же время простым и доступным.

Он был из другого поколения — из того, которое в детстве и юности познало тяготы войны и послевоенного неустройства. Поэтому люди этого возраста относились к нам, родившимся в конце 1940-х — начале 1950-х гг., как к молодежи, жизни не знающей и горя не видавшей. В то же время они ощущали, что новое поколение лучше обученное,

*На раскопках Подболотьевского могильника.
В. Ф. Разживин и И. М. Петербургский. 2012 г.*

больше знающее, как раз в силу того, что у него была возможность больше времени проводить с книгами, а не зарабатывая хлеб насущный. Поэтому, на мой взгляд, И. М. Петербургский относился ко мне и к В. Н. Шитову, с которым мы тогда были дружны, как к младшим в семье, которые знают и умеют многое, но жизненного опыта не имеют и поэтому нуждаются в опеке старшего, которую он и осуществлял. Надо отметить, что навязчивой эта опека никогда не была — мы к ней обычно относились снисходительно, когда принимали к сведению его наставления, а когда и нет.

Сказывался и спокойный характер Ивана Митрофановича. Он очень ровно общался с окружающими — я просто не помню, чтобы он с кем-то сильно ругался, хотя свое мнение иногда и нелегкопринятое для других высказывал всегда. Ему было присуще справедливое отношение к людям, причем эта справедливость исходила из какого-то внутреннего склада характера. Я, например, всегда был уверен, что при рассмотрении

человеческих поступков, Митрофаныч (именно так его называли все окружающие) обязательно примет правильное решение.

Первый раз я его увидел в сентябре 1970 г. Мы, первокурсники, собирались в экспедицию вместе с М. Ф. Жигановым, а И. М. Петербургский, будучи лаборантом археологического музея, выдавал нам оборудование. Он почему-то мне запомнился, возможно, из-за того, что Михаил Федорович Жиганов рассказал к случаю несколько экспедиционных баек, в которых фигурировал и Иван Митрофанович. К нашему приезду из экспедиции его уже не было в университете, так как он поступил в аспирантуру НИИЯЛИЭ. После этой встречи я его не встречал довольно долго, хотя, конечно, знал, что он аспирант НИИ, читал его статьи. Только после того, как в очную аспирантуру НИИЯЛИЭ поступил В. Н. Шитов, и я стал часто бывать в этом учреждении, мы познакомились ближе, стали общаться.

В археологии люди сближаются во время совместных экспедиционных

работ. Будучи еще студентом, после 3-го курса, я работал у Митрофаныча на раскопках Журавкинского могильника. Его человеческие качества привлекали многих, оказали они влияние и на меня.

После зачисления в аспирантуру НИИЯЛИЭ я два года, в 1976 и 1977 гг., был у Митрофаныча заместителем начальника экспедиции на раскопках Старобадиковского могильника. Работалось с ним всегда спокойно, хотя он мог и нотацию прочитать, но всегда коротко, по делу, не обижая человека. Именно это и привлекало к нему людей. И я не исключение. Перейдя работать в Мордовский университет, стремился найти возможность съездить к нему в гости в экспедицию в Старое Бадиково и в Старое Девичье. И, даже уехав в Йошкар-Олу, заезжал в его экспедицию в Ключовку. Надо отметить, что и Митрофаныч всегда стремился заехать к нам в университетскую экспедицию. И не только заехать, но однажды даже прилетел на самолете.

Пока я жил в Саранске и работал в университете то часто заходил в НИИЯЛИЭ к Митрофанычу — за советом, да и просто поговорить. Контакты не прекратились и после моего отъезда. Будучи в Саранске я всегда находил возможность зайти в НИИ — пообщаться со старыми друзьями. Пару раз Митрофаныч приезжал по делам в Йошкар-Олу, где я всегда старался оказать ему какое-то содействие. Иногда получалось, и тогда он говорил: «Я знаю, что земляки всегда помогут».

Последний раз мы встретились в декабре 2014 г., Митрофаныч выглядел как обычно и как обычно не жаловался ни на какие болячки, был бодрым, шутил. Поэтому его уход для меня, как и для многих, стал таким неожиданным, казалось, он будет всегда. И сейчас не оставляет странное ощущение: Саранск есть, а Митрофаныча в нем нет.

Ольга Викторовна Зеленцова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН

Трудно писать про Ивана Митрофановича в прошедшем времени... слова «был» и «Иван Митрофанович» не совместимы... от нас уходят лучшие, нам остаются воспоминания.

Это человек, с которым связаны только светлые воспоминания, от него всегда шла доброта. И это влекло к нему людей, он со всеми мог найти общий язык, и со студентами, которые затихли, потому что «Митрофаныч сказал успокоиться»; с «местными» в экспедиции, которые отступали перед его убедительными доводами; с колхозниками, которые приносили молоко, и с главами районов, которые вникали в проблемы экспедиции и считали своим долгом ей помочь.

Иван Митрофанович прекрасно разбирался в людях, знание людей помогало ему и в профессии. Он говорил: «Человек где живет? Где останавливается? Где ему удобнее. Вот и в древности — селился там, где было удобнее». И шурф, заложенный около кострища, которое осталось от места отдыха современных туристов на взгорке у реки, показывал наличие культурного слоя. По таким наводкам Митрофаныча был найден не один памятник археологии.

В одну из наших последних экспедиций, под Муромом, куда Иван Митрофанович вместе с Виктором

Ивановичем Вихляевым привезли студентов-первокурсников Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарёва, он буквально спас экспедицию. Работы были срочные, надо было раскопать памятник до начала строительства автодороги. А памятник «пропал». Так бывает, в разведочных шурфах был материал, но сейчас надо было заложить раскоп таким образом, чтобы поймать максимально насыщенный участок памятника, попадающий под дорогу. Виктор Иванович после второй траншеи, заложил раскоп на верхней террасе и начал копать могильник, а поселение не находили. Положение усугублялось тем, что через пару дней заезжала вторая экспедиция, из Самары, и ей нужен был фронт работ.

Иван Митрофанович каждое утро брал лопату, двух студентов и со словами: «Ничего, Оль Викторовна, найдем поселение», шел его искать. И нашел! Интереснейшее поселение Дмитриевская Слобода II. Оно лежало под метровым слоем красной глины, которую на первую террасу коренного берега Оки в 1980-е гг. свозили с ближайшего кирпичного завода. И эта глина законсервировала памятник. Иван Митрофанович в шурфе, который пробил глину, нашел фрагмент глиняной курильницы и фактически повторно открыл прекрасно сохранившееся поселение эпохи бронзы, которое мы потом успешно раскопали в течение двух полевых сезонов.

Конечно, одной из самых запоминающихся была наша последняя совместная экспедиция — раскопки Подболотьевского могильника при строительстве все той же дороги. Экспедиция 2012 г. позволила обратиться нам всем снова под Муромом. И снова, как на Дмитриевой Слободе, мы искали границы могильника, и снова Иван Митрофанович показал, где будут погребения. И они там были. А вечером наша профессура — И. М. Петербургский, В. И. Вихляев, В. Н. Мартьянов и В. Ф. Разживин — делилась опытом и вспоминала былые экспедиции: как прилетали в экспедицию на «кукурузниках», как сносило палатки ливнем, как «выбивали» дефицитный бензин, как исходили вдоль и поперек всю Мордовию и открывали новые памятники.

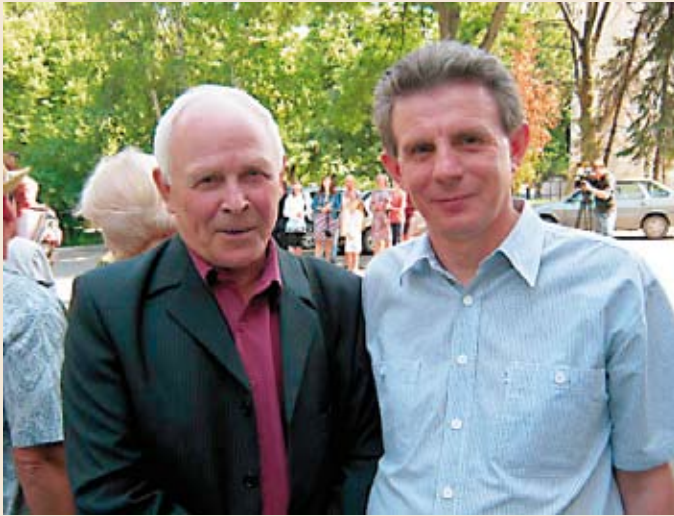
У Ивана Митрофановича было много планов. Последние два года он искал финансы на раскопки нового могильника, который был открыт в Атюрьевском районе и который уже начали грабить любители-кладоискатели. Мы с ним писали письма, он вел переговоры о финансировании, в последний свой звонок сказал, что вроде все, получается, будем копать, но... не успел. Это надо сделать. Раскопки этого могильника будут ему хорошим памятником.

Владимир Иванович Первушкин, доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета, председатель общественной организации «Региональная мордовская национально-культурная автономия Пензенской области» и председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области

Трудно писать об Иване Митрофановиче Петербургском в прошедшем времени. Для меня он навсегда останется живым — добрым, умным, скромным, отзывчивым, принципиальным и, конечно, порядочным человеком.

*На раскопках
Подболотьевского
могильника.
В. Н. Мартьянов,
О. В. Зеленцова
и И. М. Петербургский.
2012 г.*

*И. М. Петербургский
и В. И. Первушкин
на открытии выставки
«Сокровища мордвы».
Пенза, 2011 г.*

Впервые нам, тогда еще студентам историко-филологического факультета Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского, рассказывал о нем В. И. Лебедев. Он говорил об Иване Митрофановиче как о большом труженике, называя его «пахарь», в чем мне пришлось лично убедиться после поступления в 1989 г. в аспирантуру НИИЯЛИЭ по специальности «Археология». И. М. Петербургский возглавлял тогда отдел археологии и этнографии. Под его руководством проводились масштабные археологические работы на территории Мордовии.

Мне посчастливилось работать с ним на Стародевиченском могильнике. Сегодня трудно представить, но для проведения этой экспедиции у НИИЯЛИЭ не хватало людей, поэтому археологическую практику в Мордовии проходили студенты из Пензенского и Тамбовского педагогических институтов. Иван Митрофанович очень внимательно подходил к выбору места для экспедиционного лагеря, организации работ и быта студентов. Это давало свои результаты — студенты с огромным интересом и удовольствием ехали в Мордовию к «Митрофану», как они любовно его называли. Пишу эти строки и отчетливо понимаю, что об экспедиционной деятельно-

сти И. М. Петербургского можно написать добротную книгу, собрав воспоминания его учеников разных лет.

Совместная работа с ним оказала решающее влияние на формирование моих научных интересов. Наша дружба и сотрудничество продлились на многие годы. Достаточно сказать, Иван Митрофанович присутствовал на защите моих кандидатской и докторской диссертаций. А в 2011 г. наш университет поддержал решение совета Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарёва об избрании его профессором кафедры отечественной истории, археологии и этнографии. Другого решения не могло быть, так как он фактически являлся патриархом археологической науки в Поволжье.

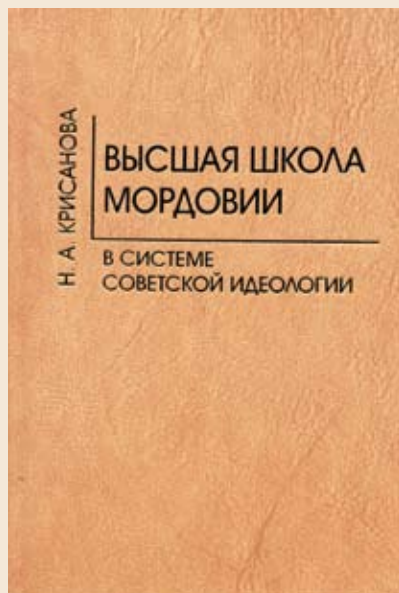
Еще задолго до этого события, живя длительное время в семье этого удивительного человека, я с особым удовольствием работал с материалами из его знаменитой «кладовки». Несколько раз я задавал ему вопрос: «Иван Митрофанович, здесь же материалов не на одну книгу?» — на что получал несколько ироничный ответ: «Еще не время!». Время наступило в начале 2000-х гг., когда накопленные в течение многих десятилетий экспедиционной работы материалы стали основой серии книг: «Вадская мордва в VIII — XI вв.»,

«Древние памятники на реке Ляча», «Мордва Среднего Примокшанья в XI — XIV вв.», «Второй Журавкинский могильник», «Материальная и духовная культура мордвы в VII — XI вв.». И это за пять лет! Сколько бы еще вышло книг...

Меня всегда поражала еще одна сторона творчества Ивана Митрофановича — написание учебной и научно-популярной литературы. Достаточно назвать школьную книгу для чтения «История и культура мордовского края. Тайны происхождения мордвы и ее единения с народами Российского государства», где в доступной форме изложены сложнейшие проблемы этногенеза и древней культуры мордовского народа. С высоты своего опыта могу сказать: далеко не каждый ученый может писать популярные книги для молодежи.

И. М. Петербургский был своим человеком и в среде музейщиков. Когда в 1989 г. в Пензе возникла идея создания Музея города Пензы, он был одним из ведущих консультантов. Постоянно давал ценные советы сотрудникам Пензенского государственного краеведческого музея и Пензенской областной картинной галереи им. К. А. Савицкого при подготовке выставок по древней и средневековой истории и культуре мордовского народа.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об общественной деятельности Ивана Митрофановича. Будучи председателем общественной организации «Региональная мордовская национально-культурная автономия Пензенской области» могу отметить его огромную помощь нашей организации и личное участие в различных мероприятиях. Без преувеличения могу сказать, что с Иваном Митрофановичем Петербургским был знаком весь актив нашей автономии, и его скоропостижная кончина явилась личным горем для многих. Светлая память этому уникальному человеку!

Владимир Александрович Ломшин,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Саранск)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА УСТОЯВШИЕСЯ СТЕРЕОТИПЫ

Рецензия на книгу: **Крисанова, Н. А.** Высшая школа Мордовии в системе советской идеологии : Историко-психол. анализ формирования интеллигенции : моногр. / Н. А. Крисанова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2014. — 264 с. : 32 с. ил.

Монография кандидата исторических наук Н. А. Крисановой «Высшая школа Мордовии в системе советской идеологии», посвящена проблемам взаимодействия советской власти с научно-педагогической интеллигенцией и студенчеством в системе идеологического воспитания. Автору удалось показать многоплановую и последовательную работу в данном направлении, которая сформировала сильнейшую идеологическую основу Советского государства. Высшей школе в этом процессе была отведена роль главного интеллектуально-культурного проводника. Опыт прошедших лет является актуальным для формирования в современной практике государственной идеологии.

В первой главе «Высшая школа Мордовии 1930 — середины 1950-х гг. — идеология тоталитаризма» автор анализирует влияние политических процессов на развитие системы высшего образования. Показывает, как тоталитаризм мешает сущности свободного познания мира и научного поиска. В условиях построения демократических принципов взаимодействия власти и общества важнейшим звеном является их продуктивный диалог в решении практических задач. Работа из-под палки порожи-

дала рабскую психологию приспособленчества, что доказывается в книге на основе архивных материалов и воспоминаний современников. Борьба с космополитизмом в послевоенный период сохранила характер отношений власти к высшей школе, как к центру наиболее прогрессивной и независимо мыслящей части общества. Несбывшиеся надежды научно-педагогической интеллигенции на изменение стратегии государства в области идеологического компонента в образовании и науке способствовали пассивности и практически полному подчинению коммунистическим догматам. В особенности это отразилось на гуманитарном научном знании и качестве высшего гуманитарного образования второй половины 1940-х — первой половины 1950-х гг.

Вторая глава монографии посвящена проблеме формирования интеллектуально-духовного облика человека в системе высшего образования конца 1950-х — середины 1980-х гг. Здесь показано, что с изменением характера политической стратегии власти качественно менялась и высшая школа, получившая «заказ» на выработку в советской молодежи новых ценностных ориентиров.

Благодаря богатому архивному материалу, анализу мемуаров, воспо-

минаниям современников тех лет, представителей властных структур и профессорско-преподавательского корпуса, автор обобщила материал по деятельности партийных и комсомольских организаций вузов республики. Именно они выступали как руководящий и системообразующий компонент идейного воспитания.

Организация работы с молодежью, поиск новых форм ее самореализации, создание условий для стимулирования молодежной инициативы в решении самых разных вопросов жизнедеятельности студента в вузе способствовали всестороннему раскрытию его потенциала. Чувство ответственности за дело, самостоятельность, деловые качества студента поощрялись на всех уровнях партийно-государственной структуры. Преподаватель высшей школы был в этой работе руководящим и направляющим звеном. Если учесть, что подавляющее большинство профессорско-преподавательского коллектива составляли члены партии, то через их учебно-воспитательную деятельность проводилась вся идеологическая работа. Неразрывность обучения и воспитания была не просто лозунгом времени, а практикой формирования разносторонне развитой личности.

Особый интерес представляет научная жизнь высшей школы Мордовии в идейно-политическом развитии с появлением в научно-педагогической среде новых ярких личностей, присылаемых из Москвы и Ленинграда, которые самым благотворным образом повлияли на становление научного мировоззрения провинциального ученого-педагога. Огромный культурно-образовательный пласт, высокая духовная основа, широкий кругозор и эрудиция способствовали развитию познавательной активности, свободе мысли, смелости в решении сложных не только научных, но и жизненных проблем. Их нравственная составляющая явилась воспитательным примером для многих поколений молодежи и научно-педагогической интеллигенции республики. Удачные исторические экскурсы в книге рисуют нам картины внутривузовской жизни с анализом событий, биографий, личностных зарисовок. Все это делает материал увлекательным, легким для восприятия, глубоким с точки зрения его осмысления.

Интересным в работе является раздел о судьбе человека в самой советской идеологии. Вопрос, который ставит перед собой автор, является краеугольным в понимании целой эпохи. «Конформизм или противостояние системе?», — вот ключ к пониманию многих процессов, выходящих за рамки сугубо идейно-политических и психологических аспектов жизнедеятельности высшей школы.

В монографии на различных примерах межличностного взаимодействия раскрыты внутренние проблемы представителей научно-педагогической интеллигенции, деятелей государственной и партийной власти, прямо взаимодействовавшей с системой высшего образования. Многоплановый подход исследователя к анализу развития личности в условиях идеологического воздействия показал всю неоднозначность этого процесса. В

работе предпринята попытка объективного анализа крайне болезненных и сложных явлений общественной жизни. Проблемы, поднятые автором, являются наиболее актуальными именно сегодня, когда идет активный поиск новых форм взаимодействия власти и общества.

Советская идеология выработала стандартный подход в воспитании нового человека. Приоритетами в нем выступали профессионализм, активная жизненная позиция, безоговорочная вера в идеалы государственного строительства и высокие личностно-нравственные качества человека. Высшая школа детально подошла к реализации этого воспитательного проекта, выработав свои модели поведения для студента, преподавателя, заведующего кафедрой, предписывая каждому из них конкретные личностные и поведенческие установки. Этот подход сегодня является интересным и значимым, так как конкретной целенаправленной работы в этом направлении не ведется. А именно сейчас, как никогда, государству крайне необходимо формирование такого социального слоя, основными ценностными ориентирами которого будут высокая образованность, культура личной и общественной жизни, гражданская ответственность за результат своей деятельности, высокое чувство патриотизма, совести и чести.

Третья глава монографии посвящена принципам идеологического воспитания студенчества. Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. Автор сделала смелый шаг, так как во временном отрезке анализируемые события еще не устоялись, им не даны объективные оценки. С другой стороны, оценка изменений, произошедших в тот период, характеризует многие современные проблемы развития высшего образования. Это завязывает в конкретном анализе прошлое и настоящее

высшей школы и отношение к ней действующей власти. Проблемы дезорганизации воспитательной работы способствовали падению общего уровня жизнедеятельности высшей школы, что, несомненно, привело к снижению уровня социальной значимости высшего образования.

Сейчас, когда отсутствуют какие-либо идеологические и цензурные ограничения, когда система взглядов определяется исключительно самой личностью, крайне важно не потерять те нравственные ориентиры, которые создают человека глубочайшего уровня мысли и духа. Именно этим всегда занималась система высшего образования, воспитывающая в своих рядах лучших представителей своего времени.

В заключение исследования автор делает обоснованные и достаточно аргументированные выводы, отмечая, что только образование, а на его конечном этапе — высшая школа — создает тот духовный пласт, который при определенных социально-экономических и политических условиях будет залогом сохранения величия и процветания страны. Хотелось еще отметить, что исследование Н. А. Крисановой отличается существенной новизной, оригинальностью подхода к рассматриваемым проблемам, аргументированностью и четкостью изложения. Монография выполнена на высоком научно-теоретическом уровне и носит самостоятельный заверченный характер. Автор независима в своих суждениях и оценках, решая поставленные задачи.

Таким образом, Н. А. Крисанова внесла свой вклад в разработку научной проблемы, позволяющий выяснить роль высшей школы Мордовии в системе советской идеологии. Используя архивные материалы, по-новому интерпретировала традиционные подходы к роли и месту советской идеологии и ее влияния на высшую школу.

Юрий Николаевич Смирнов,
доктор исторических наук, профессор
(г. Самара)

«МОРДОВСКАЯ ИСТОРИЯ»

ПРОФЕССОРА В. А. ЮРЧЁНКОВА:

Local history как область историописания

Рецензия на книгу: Юрчёнков, В. А. Мордовская история : курс лекций / В. А. Юрчёнков. — Саранск ; Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики ; Издатель Константин Шапкарин, 2014. — 276 с.

В конце 2014 г. издатель Константин Шапкарин при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках ФЦП «Культура России» выпустил курс лекций профессора В. А. Юрчёнкова «Мордовская история». Книга явилась результатом многолетней работы, обобщением опыта чтения лекций по региональной истории на различных факультетах Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва и аспирантуре НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Вначале стоит выделить методологический принцип, провозглашаемый автором. Он считает мордовскую историю органичной и неотъемлемой частью российской истории, но эта часть уникальна и неповторима, и ее становление происходило под воздействием как общероссийских, так и региональных закономерностей. При этом история места (локуса) конституируется как равноправная «большой» общероссийской истории

область историописания, ориентированная на критерии профессионализма исторической науки и декларирующая себя как часть научной историографии. В. А. Юрчёнков фактически проводит мысль о том,

что изучать историю России можно и на региональном материале, который позволяет осмыслить сущность того или иного исторического феномена, но местными особенностями. Как подметил один из крупнейших историков-аграрников страны профессор В. В. Кондрашин, «понять историю страны можно, изучая ее ключевые аспекты в масштабе губернии, области, района и т. д.»¹.

Ориентируясь на осмысление российских реалий, в тоже время лекции профессора В. А. Юрчёнкова — блестящий пример *local history*, они очень точно и емко выражают суть обращения жителя определенного места к прошлому своего локуса для конструирования местной исторической памяти. По мысли современного американского историка Дж. А. Амато, местная история удовлетворяет врожденное человеческое желание на получение знания о месте, в котором он живет, причем знание, формирующее не критическое, а лояльное отношение к образу этого места².

Обращает на себя внимание хронологический охват курса — с момента появления человека на территории современной Мордовии до конца XX в. Ранняя грань повествования понятна — начало освоения человеком региона, связываемая автором с эпохой мезолита, когда людские коллективы становились мобильными и их деятельность начала охватывать все большие территории. Конечная грань определяется автором, со ссылкой на традицию, следующим образом: «Большинство серьезных исследователей считают, что сфера исторического завершается где-то лет двадцать-тридцать назад, а позднее начинают действовать законы иной науки — политологии. Мы решили не противоречить устоявшейся научной традиции и остановиться на пороге сегодняшнего дня»³.

Хронологические рамки лекций делают книгу необычной, во многом нехарактерной для сегодняшнего времени. Как правило, столь большой временной охват свойствен историкам XIX — начала XX в., которые стремились осмыслить российскую историю в целом. Достаточно вспомнить ставшие классическими курсы лекций В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. Затем наступило время специализаций, когда лекции фактически превратились в спецкурсы, охватывавшие достаточно узкий круг проблем. И лишь в последнее время наметилась обратная тенденция. Курс лекций В. А. Юрчёнкова вполне адекватен с ней.

При составлении лекций В. А. Юрчёнкову пришлось решать сложную проблему соотношения этнической истории мордвы и региональной истории. При этом автор повторил высказанную им еще в книге «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (1991 г.) мысль об их несовпадении. В монографии он датировал исходную точку такого несовпадения для мордовского народа началом XIX в., в

курсе лекций — повторил данную датировку. Кстати говоря, идея несовпадения истории «национального» края и этнической истории народов в 2010 г. на XI международном конгрессе финно-угроведов в Венгрии в докладе удмуртских исследователей А. Е. Загребина и Г. А. Никитиной была распространена на все финно-угорские народы России⁴. По мнению венгерского ученого Э. Сия, эта мысль вдохновляет на более детальный анализ данной темы или же, наоборот, на обобщающие исследования⁵.

Привлекает внимание характеристика сущностных исторических процессов на том или ином этапе регионального развития и их соотношения с общероссийскими тенденциями. Мысль о преобладании общих закономерностей над локальными особенностями является центральной, но это не снимает у автора проблем региональной специфики, вопросов *local history*. Взаимопереплетение, диалектика этих процессов и определяет историческое развитие края с глубокой древности до нашего времени.

Весьма важным является предложенное профессором В. А. Юрчёнковым осмысление региона как контактной зоны. Причем это характерно не только для эпохи первобытного общества (контакты племен лесной и степной зон), но и для средневековья (зона взаимодействия славянского, финно-угорского и тюркского миров). Для Новой и Новейшей истории в оценке автора регион — зона взаимовлияния Центра и Периферии. Фактически высказывается мысль о том, что на протяжении времени меняются субъекты контактов, их сущность, однако региональные характеристики остаются. Данная идея может вызвать неприятие, резкую критику, тем не менее она представляется эвристически плодотворной, дающей пищу для размышлений, и в этом смысле двигающей историческую науку вперед. Кстати

говоря, здесь просматривается некоторое влияние идей члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук А. Н. Сахарова, с которым автора лекций связывают давнее сотрудничество и теплые отношения и который характеризовал Поволжье как буферную зону, «торгово-политическую жемчужину», ось Восточной Европы. Он писал: «...„Буферная зона“ — это народы, этнические конгломераты, которые имеют свою историю, свою судьбу. Они числятся „буфером“ лишь для историков, социологов, но в реальности это полноценные субъекты истории, заслуживающие самого пристального внимания со стороны исследователей»⁶.

Человек появился на территории современной Мордовии в эпоху мезолита, когда большие родовые коллективы охотников на мамонтов, спаянные жесточайшей дисциплиной, уступили место небольшим мобильным группам охотников и рыболовов. Позднее, в условиях неолита, регион становится ареной взаимодействия двух групп населения — племен, которые украшали свою посуду гребенчатым и накольчатый орнаментом. Затем пришли племена ямочно-гребенчатой керамики. А позже их вытесняют волосовцы, фатьяновцы и т. п. Работая с археологическим материалом, В. А. Юрчёнков, в отличие от профессиональных археологов, сосредоточивает внимание не на материале орудий труда или способах изготовления и украшения керамики, а на выявлении закономерностей, тенденций развития. Например, характеризуя население края в начале IV тыс. до н. э., он пишет: «...Это не просто „механическое“ сосуществование, а сложное гибридное образование. Это определялось особенностями географического местоположения, дополнялось незначительной плотностью населения в данную эпоху, усугублялось подвижным характером групп населения в раннеолитическое время» (с. 16).

Стоит отметить, что данный подход оформился у автора не на пустом месте, сравнительно недавно им была выпущена научно-популярная книга об археологии мордовского края⁷.

Курс лекций профессора В. А. Юрчёнкова является своеобразным итогом, подведением к общему знаменателю предыдущих работ исследователя. Особенно ярко, на наш взгляд, это просматривается на страницах, посвященных средневековой мордовской истории. Ведь автор известен как крупный специалист по западному источниковедению VI — XVIII вв. мордвы и мордовского края, картографии⁸. Им опубликованы вызвавшие пристальный интерес специалистов работы по истории политогенеза у мордвы⁹, монгольскому нашествию¹⁰, функционированию региона в рамках золотоордынского феодализма¹¹, эпохе Смутного времени¹².

Суммируя специальные наработки, В. А. Юрчёнков высказал ряд принципиально важных идей. По его мнению, взаимодействие с Русью ускорило процесс вызревания государственных структур у мордвы. «Стало оформляться некое подобие, со своей спецификой конечно, государств-княжений славян или германцев» (с. 65). Причем возникшее у мордвы государственное образование развивалось в фарватере Древней Руси. В условиях феодальной раздробленности мордовские земли заявляли о своей самостоятельности, оформилась Пургасова волость, которую автор трактует как логическое завершение, вершину процессов государственного строительства у мордвы (с. 68). В трактовке В. А. Юрчёнкова, она вступила в ожесточенную феодальную войну, которую вели между собой осколки Древней Руси.

Интересна предложенная в лекциях трактовка мордовского князя (инязора) Пургаса, которую стоит

воспроизвести: «Подобный человеческий тип мог появиться только в переломные моменты истории того или иного этноса, когда ситуация требовала небывалого до этого сплочения народа, мобилизации всех его средств и сил. Он — нередок в среде народов, живущих на границах крупных этнокультурных образований» (с. 70). Типологически он соотносит Пургаса с вождем галлов Верцингеторигом, предводителем германцев Ариовистом, царем даков Децебалом.

Монгольское нашествие, по мнению В. А. Юрчёнкова, привело к уничтожению феодальных государственных образований на мордовской земле и ее включению в систему золотоордынского феодализма. Им выделяется первоначальная форма эксплуатации этой территории — систематические набеги больших и малых орд, среди которых особо выделены нашествия Кавдыгея (1281 г.) и Елортая (1288 г.). Следствием набегов, как считает исследователь, явилась миграция мордовского населения на север и северо-запад, в леса и районы, приграничные русским княжествам (с. 77).

В. А. Юрчёнков предлагает достаточно взвешенную и выверенную концепцию процесса воссоединения мордовских земель и народа с оформившимся Русским централизованным государством. Существенными шагами в этом направлении он считает присоединение к Москве Нижегородского и Рязанского княжеств, а переломными — события 80-х гг. XV в., когда определилась восточная граница государства и решилась политическая судьба мордовского народа и мордовских земель. «Теперь уже было немислимо их существование вне пределов России» (с. 85). Однако политическое решение вопроса не означало завершения происходивших процессов, которые включали в себя комплекс экономических и юридических проблем. Профессор В. А. Юрчёнков, несомненно, прав, утверждая,

что даже в условиях средневековья, когда многое решала военная сила, необходимо было не только присоединить земли, но и оформить это с точки зрения господствовавших политических норм. Этапной в этом плане стала Свияжская присяга народов правобережья Волги русскому царю летом 1551 г.

История мордовского края в XVII в. решается В. А. Юрчёнковым через призму теории фронта. Многие события «бунташного века» в регионе им связываются с его пограничным состоянием, которое определило социальный облик края, систему управления, многие реалии социально-экономической жизни. Ситуация стала меняться лишь в 60-е гг. XVII в., когда границы Московского государства продвинулись на юг: «Население, обитавшее у „засечной черты“ в мордовском крае, стало „переходить за вал“, осваивать „дикое поле“. Край же постепенно превращался во внутреннюю область Российского государства и начинал привыкать к мирной жизни» (с. 99).

Одной из ключевых идей курса лекций профессора В. А. Юрчёнкова является утверждение об имперском характере мордовского народа, на основе которого рассматривается региональная история XVIII — начала XX в. Отметим, что эта мысль не нова. Она высказывалась автором в мае 2003 г. в докладе на пленарном заседании VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Затем аргументация в ее пользу была обнародована в журнале «Отечественная история»¹³. В наиболее развернутом виде она присутствует в книге «Мордва Российской империи», в которой представлены не только аналитические материалы, но и тексты источников по различным губерниям страны¹⁴.

Автор лекций считает рубеж XVIII — XIX вв. этапным в истории мордовского народа и края. К

этому времени «большая часть мордовского народа в силу ряда объективных и субъективных причин оказалась за пределами своей этнической территории, его история стала историей российской, поскольку он постепенно становился имперским народом» (с. 148). По мнению В. А. Юрчёнкова, мордва заняла особое место в истории империи, обусловленное спецификой ее этнического и исторического развития. Он пишет: «Она не принадлежала к числу доминирующих этносов, однако имела ряд их черт, связанных с участием в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель. В имперский период окончательно сложились сущностные этнические характеристики мордвы, сохранившиеся до сих пор, — бинарность, пульсирующий характер этноса, его интегрированность в российское общество» (с. 156). Нельзя не согласиться с высказанным в лекциях мнением о том, что пример мордовского этноса показывает второстепенную роль этничности в системе иерархии Российской империи, которая уступала место принципам политической лояльности, социальной принадлежности, религиозному и цивилизационному критериям.

Несомненный интерес у читателя вызовет трактовка автором курса времени, которое один из крупнейших историков современности Моше Левин назвал советским веком¹⁵. В центре региональной истории того периода В. А. Юрчёнков ставит создание и развитие Республики Мордовия. Он отмечает: «С какими бы сложностями ни возникала Мордовия, с какими бы трудностями ни сталкивалась в ходе развития в первые годы существования, республика является одной из звездных вершин в истории мордовского народа, реализацией его дум и чаяний» (с. 237). При всей пафосности этого утверждения нельзя не отметить

его соответствие исторической реальности по существу.

При характеристике XX в. В. А. Юрчёнков делает ряд интересных наблюдений, некоторые из которых стоит воспроизвести. 1917 г. в регионе он считает цепью закономерных процессов, выявивших обострение социального недовольства со стороны практически всех слоев населения (с. 214). Перефразируя Б. Л. Пастернака, ученый утверждает, что «революционные события 1917 г. наполнили смыслом и содержанием историю мордовского народа в XX в.» (с. 220). НЭП трактуется автором курса лекций как реалии провинциальной жизни, имеющие существенную специфику в аграрном секторе экономики. Кроме того, «для него характерно и более жесткое отношение партийных и советских органов к частной промышленности и торговле. Они не столько, применяя часто употребляемое в то время выражение, „отступали“, сколько „наступали“» (с. 229). Коллективизация рассматривается в лекциях как вторая Гражданская война с ее неизбежными эксцессами. Однако в ее ходе наиболее сильные, подготовленные слои деревни, крестьяне, находившиеся в расцвете сил, новое поколение крепкой деревни, правдами и неправдами переместились в города, стали социальной основой модернизации страны и ее регионов. «Они стали в известной степени опорой складывавшегося режима, получили возможность образования и социального развития. С оставшимися в деревне худо-бедно был заключен длительный мир» (с. 240).

Особый вопрос — модернизационные процессы в Мордовии, охватившие 1930 — 1960-е гг. Здесь, по словам В. А. Юрчёнкова, стоит говорить о территориально-географической стороне модернизации в виде подведения под социально-экономическое развитие новой пространственной и ресурсной базы. Он пишет:

«Государство в регионах, в частности в Мордовии, фактически осуществляло из наличных социальных, технических и культурных элементов форсированную „сборку“ экономического и культурного уклада, связанного не столько с местной социально-экономической средой, сколько с удовлетворением собственных потребностей. Осуществлялась весьма своеобразная регионализация социально-экономической жизни, оказывавшая значительное воздействие на соотношение центра и периферии в условиях модернизационного перехода» (с. 244).

Интересны наблюдения В. А. Юрчёнкова по поводу часто называемой в последнее время эпохи «бархатного» социализма. В центре характеристики хрущевского «великого десятилетия» поставлены вопросы реализации трех «сверхпрограмм», которые оказали заметное влияние на развитие Мордовии. Причем в этом имелись как положительные, так и отрицательные черты с преобладанием последних. Мобилизация и отправка на целину специалистов сельскохозяйственного производства резко обострили проблему кадров в аграрном секторе экономики республики. Появление, а затем резкое расширение посевов кукурузы изменило традиционную структуру посевных площадей в регионе, причем навязывание новой культуры не всегда приносило пользу. Попытка решить проблему животноводства в форме резкого скачка привела к перенапряжению сил, а затем к спаду.

Вторая половина 1960-х — середина 1980-х гг., по В. А. Юрчёнкову, — эпоха стабильности в истории Мордовии, время появления орденов на знамени республики. Автор лекций, разделяет, мысль итальянского историка Дж. Боффа о том, что «за стабильность нужно платить». Он считает, что «СССР за нее расплачивался прежде всего отсутствием

тесной взаимосвязи с национальными культурами и традициями, аккультурацией и ассимиляционными процессами, которые затронули и мордовский народ» (с. 272).

Можно было бы сказать о стилистических особенностях курса лекций, однако создалось впечатление, что это больше прерогатива критиков и литературоведов, а не историков.

Курс лекций профессора В. А. Юрчёнкова, несомненно, носит новаторский характер. Его основной методологический посыл — не реализация локально-территориального принципа, как это было до него в региональной историографии, а воплощение на локальном уровне идеи истории общества как целостности. В какой-то мере это ему удалось, что создает в исторической науке Мордовии принципиально новую историографическую ситуацию.

Доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Цит. по: Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 219.
- ² См.: Amato J. A. Rethinking Home : A Case for Writing Local History. Berkeley ; Los Angeles, 2002. P. 4.
- ³ Юрчёнков В. А. Мордовская история : курс лекций. Саранск, 2014. С. 273. Далее сноски на курс лекций даются в тексте в скобках.
- ⁴ См.: Загребин А. Е., Никитина Г. А. Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 2010. P. I, 304.
- ⁵ См.: Сий Э. Российские финно-угры и социально-экономические изменения в России в XX веке // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 2010. P. IX, 86.
- ⁶ Сахаров А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 205 — 206.
- ⁷ См.: Юрчёнков В. А. Занимательная археология: далекие предки. Саранск, 2013.
- ⁸ См.: Юрчёнков В. А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995.
- ⁹ См.: Юрчёнков В. А. Пургасова Русь: взаимоотношения русских и мордовских земель в XI — XIII вв. // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008; **Его же.** Пургасова Русь: проблема историографической загадки // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Ижевск, 2013; **Его же.** Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Центр и периферия. 2014. № 1; **Его же.** Пургас: историко-психологический портрет // Там же. № 3.
- ¹⁰ См.: Юрчёнков В. А. Мордовский край от монгольского нашествия до золотоордынского ига: 20 — 40-е гг. XIII в. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4.
- ¹¹ См.: Юрчёнков В. А. Сражение на Листани в 1444 г.: историографическая традиция и опыт реконструкции // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 1; **Его же.** Поход Тоглубия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» // Там же. 2013. № 3.
- ¹² См.: Юрчёнков В. А. В системе геоистории (взгляд на историю мордовского края XVII века) // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1999; **Его же.** «Великия Российския державы Московского государства...». Участие населения мордовского края в национальном сопротивлении иностранной интервенции в эпоху Смутного времени // Центр и периферия. 2009. №1; **Его же.** Народ и власть на границе Российского государства в начале XVII в.: Мордовский край в эпоху Смутного времени // Гуманитарные науки: проблемы и перспективы развития. Саранск, 2010.
- ¹³ См.: Юрчёнков В. А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII — начало XX века // Отеч. история. 2004. № 5.
- ¹⁴ См.: Мордва Российской империи / сост. В. А. Юрчёнков. Саранск, 2014.
- ¹⁵ См.: Левин М. Советский век. М., 2008.

*Наш адрес:
430005 Республика Мордовия,
Саранск, ул. Л. Толстого, 3*

*Наша электронная почта:
guniign@list.ru*

